

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

экономика – наука – человек –
природопользование

Сборник научных трудов VII Уральских научных чтений
профессоров и докторантов

(Екатеринбург, 4–5 февраля 2020 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ: ЭКОНОМИКА — НАУКА — ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Сборник научных трудов
VII Уральских научных чтений профессоров и докторантов

(Екатеринбург, 4–5 февраля 2020 г.)

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2020

УДК 330.341.424
ББК 65.011+65.9(2Рос)
Н72

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор

Я. П. Силин

доктор экономических наук, профессор

В. П. Иваницкий

Ответственный редактор

кандидат юридических наук, доцент

М. В. Чудиновских

Н72 **Новая индустриализация России: экономика — наука— человек — природопользование** [Текст] : сб. науч. тр. VII Урал. науч. чтений профессоров и докторантов (Екатеринбург, 4–5 февраля 2020 г.) / [отв. за вып. : Я. П. Силин, В. П. Иваницкий] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — 163 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований, проведенных под руководством ведущих ученых — докторов наук, профессоров, представляющих Свердловскую область и другие регионы Российской Федерации. Тематика публикаций затрагивает научные подходы и инструментарий обеспечения новой индустриализации, роль и значимость человека, образования и цифровых технологий в условиях новой индустриализации, а также особенности функционирования финансов и кредита в эпоху новой индустриализации.

Для представителей академической науки, вузовских исследователей, соискателей ученых степеней, специалистов-практиков, магистрантов.

УДК 330.341.424
ББК 65.011+65.9(2Рос)

© Авторы, указанные в содержании, 2020

© Уральский государственный
экономический университет, 2020

Вступительное слово

О будущем нужно не только мечтать,
но и приближать его.

Текущие вызовы, определяемые разнонаправленными тенденциями развития экономики, социальной сферы, природопользования, формируют новые задачи для научного сообщества всех стран. На первый план выходят междисциплинарные исследования, в которых один и тот же вопрос, аспект или проблема рассматриваются с точки зрения разных наук: экономики, социологии, философии, экологии и др.

В соответствии с вызовами времени в Уральском государственном экономическом университете уже в седьмой раз прошли научные чтения профессоров и докторантов гуманитарных наук, стержневым направлением которых стала новая индустриализация России. Учеными из разных регионов России были сформулированы результаты научных исследований новой индустриализации с позиции экономики, науки, человека, природопользования.

Новая индустриализация неизбежно влечет за собой комплексное экономическое, духовное и социальное обновление. В мировом социально-экономическом сообществе на протяжении столетий Россия рассматривалась в мирохозяйственном и миронаучном отношении как достаточно значимая страна. Реально это осязаемо через технологичную индустриализацию. Правоммерно утверждать, что высокотехнологичная индустриализация воспринимается посредством осуществления крупного технологического прорыва в будущее.

VII научные чтения профессоров и докторантов гуманитарных наук проводятся в год юбилея победы советского народа в Великой Отечественной войне. Три четверти столетия отделяют нашу страну от славной даты — победы над фашизмом. Человеческая история не знает победы, равной победе над фа-

шистской Германией. Это гордость нашей страны, нашего народа, отражение образа жизни человека нашей Родины. Это на столетия благодарность сражавшимся на фронтах и работавшим в тылу.

В любой ситуации, при всех непредвиденных обстоятельствах время диктует задачи, которые должны быть решены относительно возникающих трудностей. И новая индустриализация одна из таких задач. Генеральная цель новой индустриализации — обеспечить крупный технологический прорыв в будущее. Будущее на таком уровне, на котором экономика России, со всеми ее издержками, будет устойчиво функционировать в числе ведущих стран.

В публикациях, представленных в сборнике, отражены вопросы экономических условий развития новой индустриализации и реиндустриализации в российской экономике, функционирования субструктур общественного производства и жизнедеятельности людей, управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла, трансформации архитектуры бизнеса и управленческих механизмов для целей инновационно-технологического развития. Исследователями также раскрываются вопросы логистики грузопотоков и транспортно-логистического обеспечения экспорта газа, моделирования стабильного развития банковского сектора, бюджетного финансирования национальных проектов, нормативного регулирования концепции «Умный город» и др.

Особое внимание уделено вопросам развития человека и составляющих, необходимых для его успешной жизнедеятельности в новых условиях: описаны возможные сценарии трансформации отношений «работник — работодатель» при переходе к цифровой экономике; дана оценка страхованию жизни как инструменту защиты человеческого капитала от рисков, а также дошкольному образованию в контексте формирования личности; рассмотрены перспективы реализации «серебряного» человеческого капитала в дистанционных форматах неиндустриальной занятости, специфика организации занятости через интернет-платформы. Основанием для специализированных исследований, безусловно, являются публикации, посвященные более фундаментальным вопросам культуры трудовой жизни

как результата социального взаимодействия, а также времени как фактора формирования человеческого капитала.

Сборник представляет интерес для широкого круга исследователей, как высшей академической квалификации, так и начинающих свой путь в науке. Поставленные в публикуемых материалах вопросы, дискуссионные вызовы могут положить начало совместным межвузовским, межрегиональным и межгосударственным научным проектам на благо экономического роста и социальной стабильности в общемировом масштабе.

В. П. Иваницкий

Доктор экономических наук, профессор;
профессор Уральского государственного
экономического университета,
академик МАН ВШ (Россия),
действительный член академии Ю. Цэдэнбала
(Монголия)

Экономические условия развития новой индустриализации в российской экономике

Рассматриваются проблемы, препятствующие развитию новой индустриализации в России. Анализируются показатели, характеризующие данный процесс, экономические условия, без создания которых новая индустриализация не имеет практического решения.

Ключевые слова: новая индустриализация; инновации; инвестиции; экономические условия; денежно-кредитная политика; финансовая политика.

Развитие новой индустриализации в России невозможно без создания определенных экономических, правовых, организационных условий ее проведения, мер, стимулирующих развитие данного процесса. Экономические условия определяются прежде всего государственной денежно-кредитной, финансовой, социальной и внешнеэкономической политикой.

Современное состояние российской экономики свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые позитивные изменения в этом направлении, коренного перелома не произошло. Об этом свидетельствуют данные, характеризующие развитие новой индустриализации от научных разработок до их реализации в производственном процессе.

Продолжается ежегодное сокращение организаций, определяющих научно-техническое развитие России. Только за последние пять лет (когда повысилось внимание руководителей и ученых к проблеме новой индустриализации) количество научно-исследовательских организаций в стране, по данным Росстата, сократилось с 1 719 в 2013 г. до 1 574 в 2018 г., т. е. на 8,4 %; конструкторских — соответственно с 331 до 254 (на 23,3 %), проектных и проектно-изыскательских — с 33 до 20 (на 39,4 %). Количество опытных заводов, которое за период с 2013 по 2017 г. увеличилось с 53 до 63, в 2018 г. резко сократилось до 49. Если число исследователей в области общественных и гуманитарных наук за 2013–2018 гг. возросло, то в сфере естественных и технических наук сократилось соответственно на 8 и 4,8 %. Количество докторов технических наук за этот период сократилось на 10,8 %, а кандидатов технических наук — на

7,9 %. При этом обращает на себя внимание с точки зрения научно-технической, а значит и производственной перспективы существенное сокращение количества кандидатов наук в возрасте до 29 лет — с 4 578 в 2013 г. до 2 507 в 2018 г., т. е. на 45,2 %. Следует добавить, что эти негативные тенденции наблюдаются на этапе развития человеческого общества, когда «главным источником развития производства станет знание, а не материальный ресурс» [1, с. 9].

За этот период в России значительно выросли затраты на технологические инновации — на 32,4 %. Однако удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг за 2013–2018 гг. резко сократился с 9,2 до 6,5 %. За этот период также существенно снизился удельный вес организаций, осуществляющих организационные, маркетинговые и экологические инновации.

Очевидно, что процесс новой индустриализации не будет развиваться без соответствующей стимулирующей экономической политики государства, которая включает в себя меры, направленные как в целом на развитие национального производства, так и на изменение его структуры в сторону отраслей, определяющих научно-технический прогресс.

В качестве обязательного условия, без выполнения которого невозможно ни ускорение экономического развития страны и решение поставленной Президентом РФ задачи достижения темпов, превышающих общемировые, ни обеспечение новой индустриализации, следует рассматривать совершенствование кредитной политики Банка России и развитие той тенденции, которая наметилась во второй половине 2019 г. Начиная с 17 июня 2019 г. и в дальнейшем в течение года Центральный банк РФ последовательно снижал ключевую ставку с 7,75 до 6,25 % (с 16 декабря 2019 г.). Ставки по кредитам коммерческих банков сохраняются на значительно более высоком уровне. По данным Банка России, за период с июня по ноябрь 2019 г. средневзвешенная процентная ставка кредитных организаций по кредитам в рублях, предоставленным нефинансовым организациям на срок свыше 1 года, снизилась в существенно меньшей степени, чем ключевая ставка Центрального банка РФ: с 9,39 % в июне до 8,95 % в ноябре 2019 г.

Основным ориентиром, ограничивающим размер процентной ставки, устанавливаемой денежными властями любой страны, теоретически является уровень инфляции, от которого зависит величина реальной процентной ставки. Поэтому практически центральные банки развитых стран фиксируют учетную процентную ставку либо на уровне, незначительно превышающем темп инфляции, либо, что в последние годы бывает значительно чаще, даже ниже его. Так, в декабре 2019 г. ставка ФРС США составляла 1,75 % при годовом уровне инфляции в стране 2,30 %; Бундесбанка Германии — соответственно 0,0 и 1,50 %; Банка Англии — 0,75 и 1,30 %; Банка Канады — 1,75 и 2,20 %; Чешского национального банка — 2,0 и 3,2 %; Народного банка Китая — 4,15 и 4,50 %. В Японии, Дании и Швейцарии — отрицательные процентные ставки при низком уровне инфляции. В России, как отмечалось, ключевая ставка Банка России в декабре 2019 г. была установлена на уровне 6,25 % при темпе инфляции в 2019 г. — 3,0%. Данное соотношение далеко от показателей развитых стран. Очевидно, что существуют реальные возможности для дальнейшего смягчения денежно-кредитной политики Центрального банка РФ. Конечно, снижение ключевой ставки неизбежно приведет и к уменьшению процентной ставки по депозитам и сокращению склонности к сбережению. Однако при этом увеличится вместе с инвестиционным и потребительский спрос, что послужит еще одним стимулом ускорения темпов развития национального производства, в том числе и процесса новой индустриализации. Недостаточность спроса как одну из причин низких темпов экономического роста и необходимость создания условий для его увеличения отмечают и другие авторы [3; 8, с.38].

Конечно, повышение спроса может привести к некоторому росту темпов инфляции спроса, но увеличение совокупного предложения в условиях низкой загрузки производственных мощностей во многих отраслях страны и снижение при этом средних издержек приведет к замедлению темпов инфляции издержек, которая в современных условиях преобладает, как и в 1990-е годы, когда она имела еще более четко выраженный характер [6]. Учитывая денежно-кредитную политику Банка России в последние пять лет, которая объективно препятствует раз-

витию национальной экономики в связи с установлением явно завышенной процентной ставки по сравнению с темпом инфляции, возникает вопрос о целесообразности отмены независимости Центрального банка РФ, которая закреплена в ст. 1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Например, центральные банки Великобритании, Франции и Японии подчинены исполнительной власти. Денежно-кредитная политика Банка России является составной частью экономической политики Правительства, и логически она не может быть независимой от нее, как и от органов законодательной власти (Совета Федерации и Государственной Думы).

Проведение новой индустриализации невозможно без увеличения государственных средств на развитие науки, образования и отраслей, определяющих научно-технический прогресс. За период с 2013 по 2018 г. снизился как удельный вес средств, направленных на финансирование гражданской науки из федерального бюджета, с 3,19 до 2,52 %, так и доля этих расходов в валовом внутреннем продукте — с 0,58 до 0,40 %. Очевидно, что уменьшение доли средств на финансирования науки из бюджета не способствует процессу неоиндустриальных преобразований. Кроме этого для развития новой индустриализации и повышения уровня жизни населения можно также использовать частично фонд национального благосостояния, объем которого только в течение 2019 г. существенно увеличился — с 4 036,05 млрд р. до 7 773,06 млрд р., т. е. почти в 2 раза.

Развитие процесса новой индустриализации предполагает увеличение доли высокотехнологичных отраслей в валовом внутреннем продукте. Однако в России в последние годы удельный вес этих отраслей в ВВП не увеличивается: в 2014 г. он составлял 21,6 %, в 2018 г. — 21,2 %. Доля России в общем объеме мирового высокотехнологичного экспорта снизилась до 0,33 % [4, с. 723] Вместе с тем «одним из стратегических ориентиров развития высокотехнологического сектора является рост экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров» [5, с. 1281]. В Российской Федерации значительную роль в создании ВВП играют отрасли, непосредственно не связанные с развитием неоиндустриализации. Хотя в 2018 г. структура валовой добавлен-

ной стоимости впервые за последние годы претерпела позитивные изменения: наибольший удельный вес в ней имели обрабатывающие производства — 14,3 %. Однако по-прежнему существенный вклад в ее создание вносят торговля (13,9 %), добыча полезных ископаемых (13,2 %) и деятельность по операциям с недвижимостью (9,4 %).

Новая индустриализация невозможна без активизации инвестиционной деятельности. Как справедливо отмечают некоторые авторы, исследуя инвестиционный потенциал страны, в последние десятилетия процесс инвестирования связан с инновациями и «должен рассматриваться как исключительно инновационно-инвестиционный процесс» [2, с. 44]. Инвестиции в основной капитал в РФ после снижения в 2014–2016 гг. в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом повысились на 4,8 %, а в 2018 г. — на 5,4 %. Однако темпы их роста в отраслях, определяющих развитие новой индустриализации, были незначительными: в частности, в профессиональной, научной и технической деятельности прирост инвестиций в 2017 г. составил 1,4 %, в производстве машин и оборудования — 1,6 %. В результате степень износа основных фондов в последние годы в России снизилась несущественно (с 48,2 % в 2013 г. до 46,6 % в 2018 г.) и была значительно выше, чем в начале 1990-х годов. Практически не изменился за этот период и коэффициент обновления основных фондов (4,6 % в 2013 г. и 4,7 % в 2018 г.), а степень их обновления замедлилась по сравнению с началом рыночных преобразований в стране. Физический объем инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства, осуществляемых при реконструкции и модернизации, начиная с 2013 г. снижался по сравнению с предыдущим годом и только в 2018 г. составил 101,6 %.

Проведение новой индустриализации предполагает необходимость увеличения материальной заинтересованности в сферах деятельности, связанных с повышением качества рабочей силы, создающих научно-технические разработки и новую технику. Однако уровень заработной платы в этих отраслях значительно ниже, чем, например, в добыче природных ресурсов или осуществлении финансовой и страховой деятельности. По данным Росстата, в 2018 г. среднемесячная номинальная начислен-

ная заработная плата в добыче полезных ископаемых составила 83 178 р., в том числе в добыче сырой нефти и природного газа — 127 771 р., в страховой и финансовой деятельности — 91 070 р. Вместе с тем в обрабатывающих производствах она была существенно ниже — 40 722 р., в производстве различных видов машин и оборудования — от 40 тыс. до 48 тыс. р., в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий — 51 592 р. В образовании среднемесячная заработная плата составила 34 361 р., в деятельности профессиональной, научной и технической — 66 264 р.

Для обеспечения высоких темпов развития экономики, ускорения научно-технического прогресса и повышения инновационной активности предприятий необходимо также ограничить вывоз капитала за границу. Отток капитала из России, достигнув в 2014 г. максимального значения (154,1 млрд долл. США), в 2015–2016 гг. снизился, но в 2017–2018 гг. вновь увеличился, достигнув в 2018 г. 60 млрд долл. В результате вывода капитала из национальной экономики и спекулятивного характера финансовой и денежно-кредитной политики усиливаются проблемы недостатка средств для развития экономики и проведения новой индустриализации [7, с. 731].

Проведенный анализ показывает, что для развития новой индустриализации в России объективно необходимо совершенствование экономической политики государства и денежно-кредитной политики Центрального банка РФ.

Библиографический список

1. *Бодрунов С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 5–12.
2. *Воробьев Ю. Н., Воробьева Е. И.* Инвестиционный потенциал экономики России: финансовые возможности развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 41–60.
3. *Глазьев С. Ю.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2016.
4. *Голова И. М., Суховой А. Ф.* Инновационные ресурсы социально-экономической безопасности региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 716–729.

5. Дорошенко Ю. А., Старикова М. С., Сомина И. В., Малыхина И. О. Повышение результативности высокотехнологичных компаний на основе взаимодействий с субъектами инновационной среды // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 1279–1293.

6. Ильяшенко В. В. Инфляция: проблемы теории и практики. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2002.

7. Наумов И. В. Методологические основы сценарного проектирования модели воспроизводства инвестиционного потенциала институциональных секторов // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 730–745.

8. Сухарев О. С. Экономический рост и технологическое обновление: структурная динамика // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 2. С. 30–54.

Е. Г. Калабина

Возможные сценарии трансформации отношений «работник – работодатель» при переходе к цифровой экономике

Рассматриваются возможные сценарии развития отношений между работником и работодателем в условиях перехода к цифровой экономике, проводится анализ тенденций изменения характера и ключевых элементов трудового процесса, разрабатываются предложения по смене политики профессионального развития и обучения организации в условиях новой волны индустриализации. Доказана взаимосвязь между бизнес-моделями современных компаний и применяемыми методами управления информационными технологиями, базами данных, уровнем квалификации работников и их мотивацией, а в силу этого переходом от жесткого отраслевого разделения к интегрированному сервисно-ориентированному бизнесу. Дается представление о решении вопросов синхронизации целей и интересов работников и работодателей, а также способах их согласования в рамках отдельных экономических организаций в условиях меняющейся среды.

Ключевые слова: цифровая экономика; система отношений «работник – работодатель»; трансформация.

Накопление фактов и свидетельств усложнения организационно-управленческих и экономических процессов в условиях цифровой экономики формирует запрос на создание целостного представления о трансформации взаимоотношений между работником и работодателем в экономических организациях для

повышения результативности их деятельности и роста конкурентоспособности. Перемены в природе этих отношений имеют различные проявления. В частности, усиливается индивидуализация отношений между отдельным работником и работодателем; диверсифицируется предмет этих отношений — помимо экономического в него включаются социальный и информационный обмен; распространяются *неформальные формы* взаимодействия участников, основанные преимущественно на имплицитных трудовых контрактах; снижается уровень регламентированности и стандартизованности трудовой деятельности; расширяется свобода выбора в поведении участников; изменяются формы и характер управленческого контроля; повышается степень гибкости в сфере занятости и оплаты труда работников; возрастают требования к профессиональным знаниям, уровню квалификации работников в связи с технологическими сдвигами и инновационным развитием экономики; осуществляется переход от отдельной трудовой сделки к многогранной системе взаимодействий между работником и работодателем; намечается отказ от юнионизированных моделей отношений и т. д.

В центре внимания на сегодняшний день стоят вопросы синхронизации целей и интересов работников и работодателей, а также способы их согласования и сценарии трансформации в рамках отдельных экономических организаций в условиях меняющейся среды.

Традиционно взаимоотношения между работником и работодателем в экономической организации рассматривались как возникающие *до и в ходе трудового процесса* при непосредственной заинтересованности сторон и имеющие легитимную правовую, экономическую, социальную основы. Трудовой и производственный процессы находятся в тесной взаимосвязи двойственного характера: технические и технологические изменения способствуют повышению производительности труда, обеспечивая экономический рост и создание новых рабочих мест, вместе с тем во многих отраслях и профессиональных сферах новые технологии заменяют труд человека, что приводит к высвобождению работников. Интернет вещей, соединяющий различные устройства, объекты и сенсоры в общую сеть, эволюционирует в мощный механизм, способный отслеживать различные опера-

ции, информировать о ходе их выполнения, контролировать их и принимать необходимые меры в режиме реального времени без участия людей, генерируя при этом массивы больших данных. Дополненный анализом этих данных и облачными технологиями их хранения и вычисления, Интернет вещей дает импульс поиску новых подходов к принятию решений, новым бизнес-моделям, интеллектуальным и автоматизированным системам. Следствие этого — *расширение общего контура социально-трудовых отношений между работником и работодателем* в организации. Его составляющими становятся организационно-управленческие, контрактные, производственные, экономические и социальные отношения.

Бизнес-модели современных компаний находятся в прямой зависимости от применяемых методов управления информационными технологиями, базами данных, уровня квалификации работников и их мотивации и в силу этого трансформируются от жесткого отраслевого разделения к интегрированному сервисно-ориентированному бизнесу. Изменение взаимоотношений между работником и работодателем связано в первую очередь с ускоряющимся прогрессом технологий, информации, знаний и сложностью труда в цифровой экономике. Для раскрытия природы этой трансформации в исследовании сформулированы два вопроса:

- о возможных сценариях трансформации взаимоотношений между работником и работодателем в условиях цифровизации экономики;

- о факторах, ограничивающих трансформацию этих отношений в условиях перехода к новому технологическому укладу.

С учетом недостаточной изученности и многоаспектности темы для ответа на эти вопросы автором были проведены поисковые исследования в рамках специально разработанной структуры. К изучению столь комплексного междисциплинарного объекта, связанного с оценкой субъективного и объективного восприятия отношений между работником и работодателем, был применен анализ конкретных ситуаций компаний (кейсов) как одна их наиболее востребованных методик качественных исследований.

Обследование включало в себя серию полуструктурированных интервью как с работниками, так и с работодателями 35 компаний различных секторов экономики (не менее двух человек в каждой, время проведения — 2017–2019 гг.). В интервью затрагивались вопросы, касающиеся возможности цифровизации компании, а также управленческих высокопроизводительных практик.

Основным методом сбора данных выступило интервьюирование (очное и онлайн). Место нахождения головного офиса компании и географические масштабы деятельности послужили первичными критериями отбора респондентов. Выборка включала в себя те компании, которые были привлечены к участию в исследовании во время мероприятий, проводимых Уральским государственным экономическим университетом (научные конференции, семинары, панельные дискуссии и круглые столы). Интервью, использованное в исследовании, включало два блока вопросов, каждый из которых был посвящен оценке конкретных аспектов взаимоотношений между работниками и работодателями при помощи ранее апробированных шкал. Первый блок — для оценивания отношения работодателя к происходящим технологическим и организационным переменам, второй — для определения интересов и возможностей подстройки работников к изменяющимся условиям. Респондентам было предложено оценить результаты деятельности своей компании за последние годы.

Сфера труда в рамках технологического прогресса качественно трансформируется, что находит отражение в изменении субъектов, содержания, характера, состава и объема трудовой деятельности человека. Стремительно расширяющаяся цифровизация экономики приводит к изменению ценности экономических ресурсов, появлению новых инструментов управления ими, увеличению многообразия взаимодействий участников организаций. Среди вновь появившихся ресурсов особое место принадлежит знаниям и информации как предметам обмена между участниками организаций. Отметим, что данные категории при кажущейся их близости имеют существенные различия. Так, доступность информации не означает диффузии знаний, поскольку знания оказываются скорее производными от использо-

вания информации, а последняя, в свою очередь, не что иное, как совокупность некоторых данных. Распространение и обмен знаниями зависят от сложности и разнообразия технологий современного мира, а также от социального и иного контекста их применения.

Прогресс знаний и способы передачи информации видоизменяют стандартную контрактную модель отношений между работником и работодателем. Приобретая единожды информацию и знания от их обладателя — работника, работодатель имеет возможность их дальнейшего распространения в своих интересах, что изначально ставит обладателя информации и знаний в невыгодное положение, а препятствием этому может служить лишь защита прав на интеллектуальную собственность (в виде лицензий, патентов и т. п.). Кроме того, информация и знания, даже будучи добровольно и сознательно переданными другому лицу на возмездной основе, остаются собственностью их обладателя.

В процессе исследования выявлено, что происходит неявное стирание границ между работником и работодателем, теряется смысл административного контроля. Работник, обладающий специфическими знаниями и информацией, приобретает своеобразную самозанятость — роль автономного агента организации, самостоятельно определяя порядок, темп и последовательность выполняемой им работы. Установление в трудовом контракте количества рабочих часов во многом начинает терять смысл и функциональную значимость, поскольку время на сбор информации, размышления, исследовательскую и когнитивную деятельность не укладывается в «присутственные» часы, а часть работы выполняется вне стен компании, без административного надзора.

Долговременная тенденция ускользания трудовой деятельности из жизни человека и общества проявляется в распространении кооперативных и сетевых форм организации труда (автономные команды или бригады) и тесном сближении новых моделей труда с общеорганизационными изменениями в компании как базовом институте современных экономических систем. Появились организации «третьей волны», с плоской, а не пирамидальной организационной структурой (например, с 2–4, а не

с 10–16 иерархическими уровнями), с меньшей регламентированностью процессов, со свободными потоками информации и социально-профессиональными контактами между участниками. Производственные структуры, которым свойственно усложнение технологических процессов, необходимость переработки больших объемов информации, трансформируются в небольшие по размерам динамично развивающиеся структуры — платформы — с профессиональными сотрудниками, компьютерными и телекоммуникационными технологиями. Появляются программно-сервисные бизнес-модели компаний, виртуальные предприятия как совокупность рабочих мест, пространственно рассредоточенных, но связанных между собой компьютерной сетью.

Система занятости в условиях цифровой экономики приобретает новые черты, переходя от стандартизации основных аспектов — трудовой биографии, рабочего места и времени, трудового контракта — к новым формам. Сокращается длительность трудовой биографии человека, того отрезка жизни, в течение которого он является экономически активным и вовлеченным в трудовые отношения на рынке труда. Если в третьем и четвертом технологических укладах продолжительность данной части жизни человека была детерминирована его общей трудоспособностью (работник приступал к трудовой деятельности, как только позволяли его физические возможности и возникали потребности домохозяйства, а затем трудился до глубокой старости), то в условиях цифровой экономики смена пенсионных парадигм, усложнение демографической ситуации привели к тому, что квалифицированные работники полностью раскрывают свой потенциал, достигая возраста 45 лет, а после этого их трудовая жизнь дрейфует к самозанятости, неполному рабочему времени, периферийным группам и должностям и досрочному выходу на пенсию.

Экстраполируя описанные тренды, можно представить два возможных сценария трансформации взаимоотношений между работником и работодателем в условиях цифровой экономики: сценарий дивергенции и сценарий конвергенции.

Сценарий дивергенции отношений между работником и работодателем означает ускоряющееся расхождение интере-

сов участников в результате многозадачности каждого субъекта, прогрессирующих и усложняющихся требований, как в сфере производства и услуг, так и в сфере потребления. *Сценарий конвергенции* может быть представлен как усиление и сближение внутренней мотивации работника и работодателя, переход к партнерству, приверженность общим интересам. Технологические перемены приводят к тому, что работник начинает приобретать конкретные навыки уже после начала работы у работодателя, благодаря способности к имитации и взаимодействию с другими участниками трудового процесса. С ростом зависимости от «знаниеинтенсивных» способностей растет и опора на групповую деятельность участников, а производство становится органически целостным: его уже невозможно расщепить и анализировать в терминах изолированного обмена и индивидуального трудового вклада. Разрыв между фактической органикой экономической жизни и юридической механикой контрактных отношений между работником и работодателем достигает максимального размера.

Можно предположить, что усложнение отношений между работником и работодателем приведет к разнообразию форм таких отношений. Фигура наемного работника вытеснится фигурой продавца услуг труда, действующего в рамках существующей свободы выбора на свой страх и риск, договариваясь с покупателем (работодателем) об условиях, времени, характере и объеме оказываемых услуг. Договор об оказании услуг труда (контракт найма) как ключевая характеристика детализированного административного контроля в организации приобретает все более ограниченный характер. Организация в лице работодателя реагирует на усложнение процесса производства сменой системы мотивации, основанной на поощрении внутреннего побуждения работника к деятельности и на его приверженности интересам работодателя. Работодатель превращает компанию в сообщество участников, сплоченное на базе ценностей, а на смену директивному управлению приходит этика долга, доверия, приверженности, вовлеченности и т. д.

В цифровой экономике с высокой степенью интенсивности накопления, обмена и применения данных активно идет процесс формирования организационного знания, требующий больших

когнитивных способностей и сдвигающий баланс от физической деятельности к умственной, от манипулирования осязаемыми активами к обработке информации в форме символов. В свою очередь, сфера труда на уровне компаний приобретает характер индивидуализированных (персонифицированных) отношений между их участниками по поводу услуг труда в многообразии конфигураций их форм: наемный, подрядный и заемный труд, самозанятость, индивидуальное предпринимательство.

Д. Н. Ягранский

Время как фактор формирования человеческого капитала

Рассматривается вопрос времени как важнейшей составляющей человеческого капитала. В рамках исследования использованы преимущественно методы теоретического анализа. Рассмотрены философские вопросы, связанные с установлением влияния времени на развитие экономических процессов и на стоимость человеческого капитала. Усовершенствована концепция структуры времени, предложенная В. Вернадским. В ходе анализа отмечены противоречия в процессе капитализации человеческого капитала в современной экономике.

Ключевые слова: время; ценность; капитал; конфликт; личное время; культура; капитализация.

Проблема времени как объекта научного (чаще философского) осмысления не нова. Работ, связанных с философией экономики в контексте исследования времени, в современном научном дискурсе также достаточно [3; 4; 5]. Однако, по нашему мнению, до сих пор остается открытым вопрос, как именно время влияет на систему производственных и социальных отношений. Особенно острой данная проблема видится в контексте оценки человеческого капитала. В соответствии с нашими рассуждениями время является ограниченным и невозобновляемым ресурсом индивида (по сути единственным объективным ресурсом). Трудовой ресурс работника (опыт) формируется во времени. Причем данный ресурс утрачивается независимо от его использования (привлечение работника к трудовому процессу).

Очевидно, что использование любого ресурса, а особенно невозполняемого и дефицитного (в первую очередь для работ-

ника), не может не сказываться определенным образом на специфике отношений, связанных с совершенствованием (созданием) и потреблением данного ресурса.

Анализируя время как составляющую человеческого капитала, необходимо уточнить объектную и предметную область теоретизирования. Согласно философским толкованиям, объект — категория, выражающая нечто такое, что существует реально (независимо от сознания). В этом смысле время — последовательность явлений, которые постоянно сменяют друг друга [6, с. 69]. По определению академика В. Вернадского, в самом общем смысле время — одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание [2, с. 229]. При этом в большинстве случаев время воспринимается как субъективно оцениваемая категория. Последнее, по нашему мнению, и представляет основную проблему социально-трудовых отношений.

Выявление объективируемых показателей (характеристик) времени позволяет ответить на ряд теоретических и практических вопросов, в частности, связанных с урегулированием противоречий между отдельными социальными группами, участвующими в социально-трудовых отношениях (потребителями, собственниками, работниками и т. д.). Выяснение роли времени в этих отношениях позволит дать ответ на ряд других вопросов, связанных с развитием социально ориентированной экономики, упорядочением социальных отношений, связанных с обменом времени на создание, перераспределение и потребление определенного ресурса.

Следует отметить, что системные исследования экономического характера, связанные с установлением взаимосвязи между временем и социально-трудовыми отношениями, в современной научной литературе нами не обнаружены. Однако отдельные аспекты этой проблемы, содержащиеся в междисциплинарных исследованиях, заслуживают внимания.

Российский исследователь А. Левич отмечает, что время создает принципиальное влияние на профессиональную пригодность. Специфика исследования времени в этом контексте заключается в том, что значение имеет не астрономический, а биологический возраст человека. Исследователь отмечает, что

иной подход к возрасту (не астрономический) важен в прикладных аспектах медико-биологических исследований, где требуется использование маркеров биологического возраста организма [4]. Бесспорно, вопрос профессиональной пригодности принципиально связан с результатом трудового процесса (капитализацией труда), в силу чего данную составляющую нельзя не учитывать. Также эта составляющая является существенным элементом конкурентной борьбы в процессе использования рабочего времени, в частности, в контексте возможного ожидания продвижения, возврата в профессию, получения дополнительного образования и т. п. Рассматривая взаимосвязь человеческого капитала и социальных характеристик субъектов, необходимо обратить внимание на мнение французского социолога П. Бурдьё, который отмечает: «как тела и биологические индивиды, человеческие существа находятся, так же как и предметы, в определенном пространстве (они не наделены физической способностью, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах) и занимают одно место» [1, с. 35]. Более того, по мнению П. Бурдьё, физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют. Развивая данную мысль, можно предположить, что индивид, находясь одновременно в различных социальных группах, может иметь различную востребованность (ценность) с точки зрения возможной собственной капитализации.

Следует отметить, что большинство экономических процессов характеризуется определенной цикличностью. При этом на уровне индивидуального бытия цикличность как таковая отсутствует, в первую очередь из-за изменения возрастных характеристик субъекта. Также нециклическими (в подавляющем большинстве) являются позиции индивида в социальном пространстве. При этом позиции индивида в пространстве социальном определяются (по мысли П. Бурдьё) пространством физическим, где и происходит объективизация социального [1, с. 37]. По нашему мнению, указанный тезис также справедлив, поскольку физическое местонахождение индивида определяет не только возможность реализации его знаний и навыков, но и предполагаемую цену его реализации.

В контексте современных социально-экономических трансформаций происходящие изменения также трансформируют представления о ценности времени. В традиционном обществе время (возраст) обеспечивает дифференциацию социальных (и физических) позиций индивида. В обществе индустриальном время (как количество труда) также влияет на социальные позиции. В условиях информационного общества такая связь становится все менее очевидной. При анализе позиций субъекта в современном (информационном) обществе возникает потребность в уточнении современных представлений о социальном пространстве. В этом контексте интересным является определение П. Бурдьё: общественное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала и могут восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, которые функционируют одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях [1, с. 40].

На наш взгляд, предложенный подход не учитывает важнейшего аспекта социальной дифференциации — наличия временного ресурса. Иначе его можно трактовать как временной капитал. Существование временного капитала обусловлено потребностью в ассимиляции определенных профессиональных знаний, которые делают возможным бытие человека в социальном пространстве. Этот капитал также определяет позиции индивида как в контексте возможности обменивать собственный ресурс времени на определенные блага, так и с позиций сохранения такого обмена в течение определенного времени [7]. В условиях индустриальной экономики по-прежнему важным является время необходимое для приобретения опыта (навыков, квалификации). При этом возникает и потребность во времени на потребление (которое часто представлено в нематериальной форме).

С точки зрения социальной структуры происходят определенные изменения. Так, в классическом обществе время (возраст) представляло собой социальный капитал (обуславливающий социальное положение). В современном обществе времен-

ные характеристики также влияют на позиции субъектов. При этом они не являются доминирующими в анализе двух других составляющих времени (по В. Вернадскому) — поколенческой и эволюционной. Предложенная В. Вернадским структура времени, с выделением трех различных процессов, является вполне адекватной при объяснении социально-экономических действий (явлений). Время индивидуального бытия характеризует ряд диспозиций индивида в системе экономических отношений. Предложенное В. Вернадским «время изменения поколений», на наш взгляд, характеризует систему поколенческих ценностей, норм, идеалов, которая влияет на социальные практики и диспозиции в социальной системе общества. Эволюционное время характеризует структуру социально-экономической формации (и в целом тип общественного устройства). Иными словами, поколенческое время определяет возможность капитализации индивидуального времени.

В контексте объяснения экономических практик целесообразно использовать теорию диспозиций социального пространства. П. Бурдьё обращает внимание, что время предстает ресурсом тем более ценным, чем выше уровень диспозиции индивида в социальном пространстве, что, на наш взгляд, связано с увеличением ценности времени как ресурса потребления в случае наличия для этого экономических (интеллектуальных и др.) возможностей. При этом возникает потребность и в увеличении времени на собственно экономические практики.

Следует учитывать существование дефицита доступа к общественным ресурсам (возможность траты капитала) и собственно конфликтности, обусловленной дефицитом индивидуального времени (возможность приращения капитала). При этом время является объективно нерыночным (внерыночным) ресурсом, тогда как трудовой ресурс, как совокупный ресурс индивидуального времени, является рыночным, продается и обменивается на рынке достаточно свободно. В таком понимании трудовые ресурсы могут трактоваться как поколенческое время. Определенное противоречие предопределяет (и в то же время объясняет) общественную природу социальных конфликтов. Ведь фактически цена капитализации (предложения труда) на рынке ресурсов определяется конкуренцией с собственным временем жизни, которое невозможно продлить.

Вследствие такой конкурентной борьбы возможно три варианта — индивидуальное время:

а) обменивается на меньшее количество капитала (чем сокращает его общее потребление в течение жизни);

б) тратится в большем количестве (субъект работает дольше, чем сокращается возможное время для потребления желаемого количества благ);

в) обеспечивается ростом интенсивности трудовой деятельности (что существенно увеличивает усталость, чем фактически сокращает возможности индивида по произвольному использованию собственного времени, а соответственно потреблению ожидаемого количества благ).

В соответствии с теорией конфликта такая конкуренция должна приводить к постоянному обострению конфликтности. На наш взгляд, это довольно четко наблюдалось в обществе модерна, что подробно описано в теории конфликта К. Маркса. Информатизация общественного производства и самих общественных благ дает возможность путем потребления информационных продуктов (или симулякров, в постмодернистской трактовке) частично уменьшить конфликтность, связанную с нарушением эквивалентности обмена.

При этом информатизация продукта труда не обеспечивает реального увеличения времени на потребление, однако смещает временной ресурс конкретного субъекта. В конце концов это приводит к увеличению интенсивности жизни, поскольку увеличение времени (или интенсивности) труда требует компенсации за счет отдыха. В попытке сохранить содержательность (качество) в сокращенном (из-за увеличения трудовой нагрузки) виде возрастает интенсивность отдыха (а следовательно, и количество капитала, на это затрачиваемое).

По нашему мнению, такая тотальная экономия (интенсификация) времени вызывает общую усталость, сокращая удовольствие от жизни конкретного субъекта. Таким образом, современный человеческий капитал является продуктом противоречия между индивидуальным временным капиталом и монетарной формой капитала (ценой труда). Мы настаиваем на том, что такое противоречие представляет управленческую проблему, однако оно существенно негативно влияет на социальное

самочувствие и создает поле для дисбалансов ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / предисл. А. Л. Яншина и др.; прим. И. И. Мочалова, К. П. Флоренского. М.: Наука, 1988.
3. Гулидов А. И., Наберухин Ю. И. Существует ли «стрела времени»? // Философия науки. 2003. № 2(17). С. 3–13.
4. Левич А. П. Мотивы и задачи изучения времени // Философские исследования. 1998. № 1. С. 6–23.
5. Пенроуз Р. Сингулярности и асимметрия по времени // Общая теория относительности / под ред. С. Хокинга и В. Израэля. М.: Мир, 1983. С. 233–295.
6. Розенталь М. М. Философский словарь. 3-е изд. М.: Политиздат, 1972.
7. Чумак Е. В., Ядранский Д. Н. Феномен рационального поведения субъекта манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70), № 1. С. 73–81.

Н. М. Сабитова

Экономическое неравенство регионов и возможности новой индустриализации

Рассматриваются проблемы экономического неравенства субъектов РФ, влияющие на возможности их индустриального развития, которые зависят от их экономического потенциала, обеспеченности собственными ресурсами. Исследованы регионы-доноры с точки зрения их инвестиционной привлекательности и инвестиционного потенциала как фактора, определяющего возможности индустриального развития.

Ключевые слова: неравенство; возможности индустриального развития; доходы; инвестиции; дотации; экономический потенциал.

В экономической литературе обсуждаются разные аспекты новой индустриализации, в том числе проблемы неравенства. Чаще всего исследуется региональная специфика новой индустриализации [1; 5; 6], технологический аспект новой индустри-

ализации [2; 3], вопросы влияния новой индустриализации на экономический рост [6; 8], производительность [4; 8], безработицу [4; 7; 8] и т. д. В данной работе мы бы хотели рассмотреть возможности новой индустриализации различных регионов России с учетом их экономического неравенства. Оно, на наш взгляд, является препятствием для новой индустриализации страны. Безусловно, процесс новой индустриализации в России имеет место, при этом налицо разная степень вовлеченности отраслей экономики в этот процесс. Но одна из главных проблем — сильная дифференциация в уровне экономического развития регионов, что дает одним регионам дополнительные преимущества для технологических изменений, в то время как у других регионов такая возможность отсутствует или ограничена.

Новую индустриализацию, как правило, связывают со структурными преобразованиями экономики в целом или отдельных отраслей. Мы рассматриваем новую индустриализацию как процесс структурных преобразований, направленный на развитие не только отраслей экономики, но и регионов России. В настоящее время региональный аспект развития новой индустриализации, на наш взгляд, также актуален. Конечно, мы принимаем во внимание, что регионы России различаются как по территории, так и по численности населения, поэтому сравнивать их довольно сложно, но тем не менее такой анализ возможностей новой индустриализации необходим. Дифференциация в уровне экономического развития субъектов РФ приводит к серьезным структурным диспропорциям в экономике страны, влияет в том числе и на занятость.

Возможности новой индустриализации регионов связаны с их экономическим потенциалом, который можно оценить по таким показателям, как валовой региональный продукт (ВРП), в том числе на душу населения, прибыль и доходы населения, инвестиции, поступления налоговых доходов, объем бюджетов субъектов РФ и др. Экономический потенциал субъектов РФ можно оценивать по разным показателям, чаще всего используется показатель ВРП, который отражает доходы как организаций, так и населения. Однако для проведения актуального анализа экономического состояния субъектов РФ официальная ста-

тика несколько запаздывает, а технологическое развитие идет достаточно интенсивно. Поэтому в данной работе мы рассматриваем возможности для новой индустриализации субъектов РФ через официальные актуальные бюджетные показатели, публикуемые Министерством финансов РФ.

Неравномерность экономического развития субъектов РФ, а соответственно их налогового потенциала, приводит к необходимости централизации бюджетных ресурсов на федеральном уровне, чтобы затем через бюджетные трансферты перераспределять эти средства. В официальных материалах Министерства финансов при определении размера дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности ежегодно рассчитывается налоговый потенциал субъектов РФ, т. е. ожидаемый объем налоговых доходов субъекта РФ, который остается в его бюджете. На наш взгляд, этот показатель также может служить одним из индикаторов, отражающих возможности индустриального развития субъекта РФ за счет собственных ресурсов. Для исследования мы решили проанализировать возможности регионов-доноров с точки зрения их индустриального развития.

По данным Министерства финансов России, количество субъектов РФ, получающих дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, в 2016–2019 гг. было 72, но на 2020 г. их количество сократилось до 68, что на наш взгляд положительно. Причем в трех из 8 федеральных округов (Северо-Кавказский, Южный, Сибирский) в 2016–2019 гг. все субъекты получали дотации, в 2020 г. полностью получателями дотаций являются только 2 федеральных округа (Северо-Кавказский, Южный). На 2020 г. к 13 регионам-донорам присоединилось 4 новых субъекта. В Центральном федеральном округе — 1 субъект РФ — Белгородская область (ранее Калужская область, Московская область, г. Москва), и их стало 4 из 18. В Северо-Западном федеральном округе — 2 субъекта РФ — Республика Коми, Мурманская область (ранее — Ленинградская область, Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ), и их стало 5 из 18. В Сибирском федеральном округе — Красноярский край — единственный субъект-донор.

При анализе возможностей индустриального развития надо учитывать также уровень бюджетной обеспеченности

субъектов РФ, а он даже по регионам-донорам существенно различается. Максимальный уровень бюджетной обеспеченности имеет г. Москва, по расчетам на 2020 г. он составляет 2,922, минимальный уровень у Калужской области — 1,025. Наибольший прирост по уровню бюджетной обеспеченности за год дали Ямало-Ненецкий автономный округ — 0,520 п. и Тюменская область — 0,458 п. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Уровень бюджетной обеспеченности субъектов РФ

Субъект РФ	Уровень бюджетной обеспеченности		Прирост
	2019	2020	
Калужская область	1,013	1,025	0,012
Московская область	1,239	1,243	0,004
Москва	2,720	2,922	0,202
Ленинградская область	1,381	1,496	0,115
Санкт-Петербург	1,886	1,992	0,106
Ненецкий автономный округ	1,015	1,155	0,140
Республика Татарстан	1,216	1,252	0,036
Самарская область	1,051	1,053	0,002
Свердловская область	1,010	1,092	0,082
Тюменская область	1,954	2,412	0,458
Ханты-Мансийский автономный округ	1,610	1,767	0,157
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,293	2,813	0,520
Сахалинская область	2,006	2,175	0,169
Белгородская область	0,908	1,029	0,121
Республика Коми	0,963	1,061	0,098
Мурманская область	0,998	1,025	0,027
Красноярский край	0,977	1,033	0,056

На основе этих данных мы распределили 17 регионов-доноров на 3 группы по уровню потенциала для индустриального развития:

- высокий потенциал собственного развития (от 2,0 до 3,0);
- средний потенциал (от 1,5 до 1,9);
- низкий потенциал (от 1,0 до 1,4).

К первой группе можно отнести Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменскую область, г. Москва, Сахалинскую область. Возможности индустриального развития у них весьма большие. Ко второй группе можно отнести Ленинградскую об-

ласть, Ханты-Мансийский автономный округ, Санкт-Петербург. Эти субъекты также имеют хорошие возможности для индустриального развития. Оставшиеся 10 субъектов РФ можно отнести к третьей группе. Их возможности не очень велики, но достаточны. Что касается других субъектов РФ, уровень бюджетной обеспеченности которых меньше 1, они имеют весьма скромные возможности для индустриального развития за счет собственных ресурсов. Причем их тоже можно разделить по уровню бюджетной обеспеченности, так как разброс весьма значительный даже после получения дотаций. Таким образом, основная часть субъектов РФ имеет низкий налоговый потенциал и не способна осуществлять собственное индустриальное развитие без финансовой поддержки федерального правительства.

Возможности индустриального развития регионов России можно также определить на основе ежегодного национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, публикуемого Агентством стратегических инициатив. Этот рейтинг, как заявляет само Агентство, оценивает усилия самих субъектов РФ по созданию благоприятного инвестиционного климата в регионе. По опубликованным данным за 2019 г. первые позиции занимают Москва и Республика Татарстан, далее следуют Тюменская область, Калужская область, Санкт-Петербург, Тульская область, Московская область, Белгородская область, Ленинградская область, Ульяновская область и т. д. Из этих субъектов РФ не являются донорами Тульская область (рейтинг 6, в 2018 г. — 5), Ульяновская область (рейтинг 10, в 2018 г. — 10), в 2019 г. не была донором Белгородская область (рейтинг 8, в 2018 г. — 11). Причем уровень бюджетной обеспеченности составлял у Тульской области 0,952, Белгородской области 0,908, Ульяновской области 0,851. То есть эти субъекты РФ не самые слабые с точки зрения бюджетной обеспеченности.

Рейтинговое агентство РАЕХ (РАЭК-Аналитика) дает более сложную характеристику инвестиционного климата субъектов РФ. Опубликовано распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2019 г., при этом регионы ранжированы по инвестиционному потенциалу и инвестиционному риску (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Распределение регионов-доноров в 2019 г.
по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционному риску**

Регионы-доноры	Потенциал — риск	Рейтинг
Московская область	Максимальный потенциал — минимальный риск	(1А)
Москва	Максимальный потенциал — минимальный риск	(1А)
Санкт-Петербург	Максимальный потенциал — минимальный риск	(1А)
Ленинградская область	Пониженный потенциал — минимальный риск	(3А1)
Республика Татарстан	Средний потенциал — минимальный риск	(2А)
Самарская область	Средний потенциал — минимальный риск	(2А)
Тюменская область	Пониженный потенциал — минимальный риск	(3А1)
Свердловская область	Высокий потенциал — умеренный риск	(1В)
Ханты-Мансийский автономный округ	Средний потенциал — умеренный риск	(2В)
Ямало-Ненецкий автономный округ	Средний потенциал — умеренный риск	(2В)
Сахалинская область	Пониженный потенциал — умеренный риск	(3В1)
Калужская область	Пониженный потенциал — умеренный риск	(3В1)
Ненецкий автономный округ	Незначительный потенциал — умеренный риск	(3В2)

В группу с максимальным потенциалом и минимальным риском (1А) вошли 4 субъекта РФ — г. Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край. Во вторую группу со средним потенциалом и минимальным риском (2А) вошли также 4 субъекта РФ — Белгородская область, Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область. В третью группу с пониженным потенциалом (3А) вошли 8 субъектов РФ — Воронежская, Курская, Липецкая, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Ленинградская, Тюменская области. Интересно, что в группу с пониженным потенциалом попали два региона-донора — Ленинградская и Тюменская области. Свердловская область отнесена к субъектам с высоким потенциалом, но со средним риском (1В). Ненецкий автономный округ вообще отнесен к группе регионов с незначительным потенциалом и умеренным риском (3В2). Это же агентство дает рейтинг инвестиционного

потенциала субъектов РФ за 2019 г. Первые 7 позиций занимают Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Свердловская область, Республика Татарстан, Красноярский край. Последний в 2019 г. не был регионом-донором. Таким образом, с точки зрения инвестиционной привлекательности и инвестиционного потенциала первые позиции занимают регионы-доноры. Однако такие регионы-доноры, как Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, вошли в рейтинг со средним потенциалом и умеренным риском (2В), а Калужская и Сахалинская области — с пониженным потенциалом и умеренным риском (3В1).

В заключение можно отметить, что, безусловно, регионы-доноры имеют несомненные преимущества для индустриального развития, причем разрыв в уровне обеспеченности субъектов РФ только усиливается. В отдельных субъектах РФ создается так называемый «эффект платформы» [8, с. 15], который приводит к дальнейшему росту экономического неравенства. Нужны меры специального государственного регулирования, в частности через национальные проекты, в том числе направленные на развитие новой индустриализации.

Библиографический список

1. *Бодрунов С. В.* России необходима новая индустриализация // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1(50). С. 5–11.
2. *Губанов С.* Неиндустриальный подъем России требует снятия системных ограничений // Экономист. 2017. № 4. С. 3–10.
3. *Ленчук Е. Б.* Технологический вектор новой индустриализации в России // «Форсайт „Россия“»: новое производство для новой экономики: сб. пленар. докл. Санкт-Петербург. междунар. экон. конгресса (СПЭК-2016). М., 2016. Т. 1. С. 91–101.
4. *Пауэлл Д.* Современные проблемы влияния развития научно-технического прогресса на занятость населения // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 2(22). С. 173–178.
5. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 684–696.
6. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных

процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 2. С. 5–29.

7. *Фомина В. С.* Информационно-коммуникационные технологии: инновации, производительность, занятость // Проблемы современной экономики. 2015. № 04(56). С. 50–54.

8. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2016.

Н. Ю. Власова

Перспективы реиндустриализации в стратегиях социально-экономического развития крупнейших городов Урала¹

Крупнейшие города Урала на протяжении десятилетий сохраняли индустриальный характер. Процессы трансформации привели к заметной деиндустриализации экономики этих городов. Контент-анализ стратегий социально-экономического развития крупнейших городов Урала выявил значительную дифференциацию декларируемых приоритетов промышленного развития и направлений реиндустриализации.

Ключевые слова: реиндустриализация; стратегия социально-экономического развития; стратегический проект; стратегическое планирование; крупнейший город.

Внимание многих развитых стран вновь обратилось к промышленности, которая становится стратегическим приоритетом. Меняется политика крупных компаний по размещению производственных мощностей — они начинают возвращаться из менее развитых стран. На повестке в развитии европейских индустриальных регионов и городов все больше стоят проблемы реиндустриализации.

Россия в течение длительного периода является страной индустриальной, хотя многие авторы отмечают в качестве важнейшей проблемы процессы деиндустриализации страны и разрушение индустриального каркаса в 1990-е годы. [8]. В научной литературе достаточно детально анализируются процессы миро-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 А «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

вой и российской деиндустриализации, ее движущие силы, специфические черты и разрушающие последствия [5; 6; 10; 11]. В частности, отмечается, что в результате российской деиндустриализации сырьевой перекоп в структуре экономики только усилился, были закрыты тысячи промышленных предприятий, а миллионы работников уволены [8].

Тем не менее, несмотря на значительную трансформацию структуры экономики России, доля промышленности все еще остается существенной, она продолжает сохранять системообразующую роль в экономике. В обрабатывающих производствах в 2018 г. было занято 14,1 % всех занятых в экономике, а удельный вес выпуска обрабатывающих производств в общем выпуске национальной экономики в 2017 г. составил почти 25 %¹.

Все это актуализирует выработку новых подходов к формированию политики реиндустриализации на иных методологических принципах с учетом реалий цифровизации экономики и внешнеполитических рисков.

Г. Б. Клейнер пишет: «Реиндустриализация страны требует не только разработки новых технологий и строительства заводов, но и коренной перестройки экономической политики, методов регулирования экономики, а также ревизии экономической теории на базе системной парадигмы» [4, с. 211].

Готовность к реиндустриализации определяется не только наличием общенациональных условий, включая качество человеческого капитала, доступность финансовых ресурсов [3], определенных параметров состояния промышленности и научно-образовательной среды, как совершенно справедливо отмечает О. В. Барашкова, предлагая методiku расчета индекса готовности регионов к реиндустриализации [1], но и «готовностью» органов власти поддерживать эти приоритеты и создавать определенные механизмы и институты.

Для формирования политики реиндустриализации необходимо не только ее глубокое осмысление на основе консолидированной теоретической платформы [9], но и выстраивание системы регулирования, стимулирующей ключевые направления

¹ Рассчитано по: *Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб.* / Росстат. М., 2019. С. 122, 283.

реиндустриализации. При этом важно понимать, что политика реиндустриализации в стратегических документах должна стать своей целью не простое возрождение промышленного производства, а его развитие на новой технологической основе.

Быстраивание системной политики реиндустриализации страны необходимо на всех территориальных уровнях, в том числе и на уровне муниципальных образований. Причем именно для крупнейших российских городов эта повестка дня является достаточно актуальной, в силу того, что в советский период все крупнейшие города были важнейшими индустриальными центрами страны, специализирующимися в основном на машиностроении и металлургической промышленности. Особенно это важно для крупнейших городов Урала, в которых промышленность являлась ядром экономики. Например, в Екатеринбурге доля в структуре обрабатывающей промышленности промпредприятий металлургического производства и машиностроительного комплекса в 2018 г. составила 40,4 и 32,9 % соответственно¹. В советский период доля машиностроения в структуре промышленности Екатеринбурга существенно преобладала над металлургией. В Челябинске специализация остается за металлургией и производством готовых металлических изделий, на долю которых приходится более 60 % объема выпускаемой промышленными предприятиями продукции². Промышленность Перми специализируется на электроэнергетике и топливной промышленности, машиностроении, химии и нефтехимии, деревообработке. В Уфе основу обрабатывающих производств составляют производство нефтепродуктов, машиностроение, химическая промышленность.

Сейчас важно закрепить в документах стратегического планирования приоритеты развития новых технологий и векторы реиндустриализации.

Проведенный анализ стратегий социально-экономического развития ряда крупнейших городов показывает, что в них до-

¹ *Итоги* социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2018 г. URL: <https://екатеринбург.рф/file/d24ca3fc2ce687381483a16214110d93/>.

² *Официальный* сайт Администрации города Челябинска. URL: <https://cheladmin.ru>.

статочно сильно дифференцируются приоритеты промышленного развития. В таблице показано, насколько представлены идеи и приоритеты промышленного развития и реиндустриализации в стратегиях развития крупнейших городов Урала, в том числе просматривается ли это в целеполагании, имеется ли отдельное направление, специальные программы и проекты, насколько часто употребляются слова «промышленность» и «промышленный» в тексте стратегии.

Отражение приоритетов реиндустриализации в стратегиях развития крупнейших городов Урала

Город	Отражение в целеполагании	Наличие отдельного направления	Наличие отдельных программ	Частота употребления соответствующих понятий в тексте
Екатеринбург	Да, в подцели	Направление 2 «Екатеринбург — межрегиональный инновационно ориентированный промышленно-финансовый центр»	Стратегическая программа «Екатеринбург — промышленный инновационный центр»	123
Пермь	Нет	Нет	Нет	4
Уфа	Да, в стратегических приоритетах	Нет	Стратегическая инициатива «Уфа — промышленный, инновационный центр Республики Башкортостан»	102
Челябинск	Да, в стратегических приоритетах	Нет	Не обозначено	167

Следует отметить, что стратегии социально-экономического развития Челябинска, Перми и Уфы не содержат отдельного раздела по развитию промышленности, хотя в приоритетах говорится о развитии инновационного предпринимательства. Развитие промышленности является лишь подразделом направления по экономике.

Достаточно системно идея реиндустриализации на новой технологической основе представлена в актуализированном Стратегическом плане развития Екатеринбурга до 2030 г.¹ Выделено направление «Екатеринбург — межрегиональный инновационно ориентированный промышленно-финансовый центр», в котором предусматривается формирование механизма поддержки инновационной промышленности на уровне муниципального образования. В результате реализации стратегической программы «Екатеринбург — промышленный инновационный центр» ожидается увеличение доли инновационной продукции в общем объеме товаров, работ и услуг, отгруженных промышленными предприятиями, до 15 %; количества отгруженных вновь внедренных или подвергшихся значительным технологическим изменениям товаров, работ и услуг в течение последних трех лет — в 1,5 раза относительно уровня 2017 г. Программа включает три стратегических проекта: «Высокотехнологичная промышленность», «Инновационное предпринимательство» и «Малый производственный бизнес».

В «Стратегии социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года» достаточно большое внимание уделяется проблемам развития промышленного производства и поиску возможных направлений их решения, напрямую говорится о необходимости реиндустриализации промышленного сектора экономики как важнейшем условии предотвращения угрозы снижения уровня конкурентоспособности Уфы.

Цель развития промышленной и инновационной деятельности в Уфе — достичь и сохранить лидерские позиции среди городов-миллионников России по уровню развития промышленного сектора и инновационной активности. Для решения задачи содействия развитию промышленного сектора экономики и инновационной деятельности в Уфе необходима реализация стратегической инициативы «Уфа — промышленный, инновационный центр Республики Башкортостан»². В. В. Печаткин де-

¹ *Официальный* портал Екатеринбурга. URL: <https://екатеринбург.рф>.

² *Стратегии* социально-экономического развития городского округа город Уфа республики Башкортостан до 2030 года. URL: https://ufacity.info/2030/files/strategiya_razvitiya_2030.pdf.

тально рассматривает возможные направления и механизмы реиндустриализации в Уфе [7].

В «Стратегии развития города Челябинска до 2020 года» подробно рассматриваются проблемы современной промышленности и обозначены векторы ее будущего развития. Однако четких программ и проектов ее реструктуризации нет¹.

В «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года» меньше всего говорится о промышленности как о стратегическом приоритете, отсутствуют программы и проекты, направленные на развитие промышленности². Из всех уральских городов-миллионников это наименее промышленно ориентированная стратегия.

Процессы реиндустриализации в крупнейших городах должны быть органично связаны с четвертой промышленной революцией, которая базируется на совершенно новых технологиях (биотехнологиях, нейротехнологиях, ИКТ и мобильных технологиях, облачных технологиях и использовании больших данных, 3D-печати, искусственном интеллекте, Интернете вещей и т. п.) [2]. Причины того, что идеи и приоритеты развития промышленного производства как ядра экономики города не находят поддержки на муниципальном уровне, частично связаны с тем, что у органов местного самоуправления практически нет полномочий по воздействию на промышленный сектор города. В ряде случаев города «застряли» на идеологии сервисной экономики, которая преобладала в 1990-е годы в силу того, что советские города были перегружены промышленными функциями. Но задача повышения конкурентоспособности города должна приводить и к осмыслению процессов реиндустриализации, и к их отражению в документах стратегического планирования.

¹ *Стратегия* развития города Челябинска до 2020 года // Официальный сайт Челябинской городской Думы. URL: <http://chelduma.ru/reshenie-chelyabinskoy-gorodskoy-dumy-chetvertogo-sozyva-ot-26112009-g-no-81-o-strategii-razvitiya/>.

² *Стратегии* социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года // Официальный сайт муниципального образования город Пермь. URL: http://www.gorodperm.ru/actions/strategy/conception_development/.

Библиографический список

1. *Барашкова О. В.* Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов // Экономическое возрождение России. 2017. № 4(54). С. 74–82.
2. *Бодрунов С. Д.* Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. 2019. Т. 10, № 5. С. 2–8.
3. *Глушакова О. В., Михайлов В. В.* Реиндустриализация и новая экономика — есть ли у России шанс добиться успеха? // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, № 1(721). С. 19–37.
4. *Клейнер Г. Б.* Системная трансформация промышленности как «твердого ядра» отечественной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207, № 5. С. 210–223.
5. *Красильщиков В. А.* Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 8. С. 34–43.
6. *Львова М. И.* Реиндустриализация и импортозамещение: общее и особенное // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2(23). С. 203–206.
7. *Печаткин В. В.* Реиндустриализация городов России: ключевые проблемы и пути их решения (на примере города Уфы) // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-1. С. 202–206.
8. *Рязанов В. Т.* Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5(73). С. 68–80.
9. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 2. С. 5–29.
10. *Bosák V., Nováček A., Slach O.* Industrial culture as an asset, barrier and creative challenge for restructuring of old industrial cities: case study of Ostrava (Czechia) // GeoScape. 2018. Vol. 12, issue 1. P. 52–64.
11. *Hassink R., Isaksen A., Trippel M.* Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development // Regional Studies. 2019. Vol. 53, no. 11. P. 1636–1645.

Финансово-инвестиционный механизм трансфертного ценообразования корпораций в условиях реиндустриализации России

В условиях рыночной экономики цена считается одной из наиболее независимых категорий и является основным ориентиром для всех участников рыночных отношений. При этом максимизация прибыли выступает одной из главных целей финансового планирования, к которой обычно стремятся компании. В свою очередь, установление окончательной цены продиктовано рыночными условиями хозяйствования. В статье исследована специфика применения методов трансфертных цен в условиях минимизации финансовых рисков с учетом стадий жизненного цикла корпораций / группы связанных компаний.

Ключевые слова: финансово-инвестиционный механизм; источник финансирования; трансфертная цена; корпорация; финансовые риски, прибыль; стадии жизненного цикла.

Трансфертные цены пользуются огромной популярностью во всех отраслях деятельности российских корпораций и представительств в зарубежных странах. Установление трансфертных цен, кардинально отличающихся от рыночных, позволяет руководству корпорации:

- перераспределять финансовую прибыль между связанными компаниями в рамках холдинга;
- аккумулировать образовавшуюся прибыль в качестве источника дополнительного финансирования денежного капитала компании;
- выводить прибыль в денежном эквиваленте, получаемую дочерними компаниями и филиалами, из стран с действующим ограничением на вывоз капитала;
- минимизировать финансовые риски, сопровождающие процесс финансовой деятельности компании / всей корпорации¹.

Основным преимуществом трансфертного ценообразования является тот факт, что посредством указанного механизма

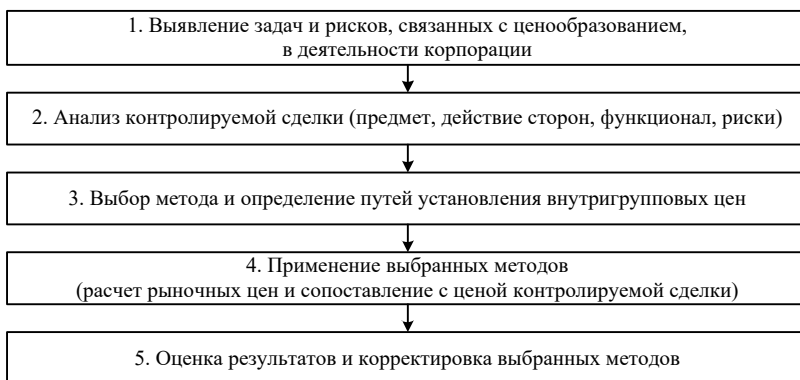
¹ См. [1, с. 47–49], а также: *Метод сопоставимой рентабельности*. URL: http://amnagency.ru/kontroliruemye_sdelki_vzaimozavisimye_lica/metod_soposta-vimov_rentabel_nosti/; *Методы трансфертного ценообразования*. URL: <https://businessman.ru/new-metody-transfertnogo-cenoobrazovaniya-chto-takoe-transfertnoe-cenoobrazovanie.html>.

связанные компании получают уникальную возможность завоевывать новые рынки сбыта за счет искусственного занижения цен на определенные товары или услуги. Однако необходимо учитывать финансовые риски, возникающие при установлении трансфертных цен, со стороны контролирурующих органов [3, с. 62].

В связи с этим необходимо сформировать единую методологию трансфертного ценообразования:

- учитывающую все особенности деятельности корпорации (включая стадию ее жизненного цикла);
- сформированную на основе единых принципов финансового планирования для всей группы компаний;
- не противоречащую действующему законодательству;
- позволяющую быстро и достоверно обосновать цены в случае запроса фискальных органов.

На основании подходов к трансфертному ценообразованию автором сформулирован алгоритм методического подхода к внутригрупповому ценообразованию в корпоративных структурах с целью минимизации рисков предпринимательской деятельности, состоящий из пяти этапов, что в совокупности образует методику применения внутригрупповых цен в промышленных корпоративных структурах (см. рисунок).

Алгоритм установления внутригрупповых цен корпорации

Для анализа контролируемой сделки необходимо произвести сравнение цен с рыночным уровнем, поэтому автором разработан методический подход к поиску и отбору сопоставимых компаний для анализа рыночных цен, состоящий из шести этапов:

1) отобрать компании с соответствующим видом деятельности (может использоваться ОКВЭД);

2) из получившегося отбора по этапу 1 оставить компании с бухгалтерской отчетностью за последние три года до года совершения сделки (установления контролируемых цен в ней);

3) исключить из оставшейся выборки по этапу 2 компании, имеющие отрицательные чистые активы за последний год анализируемого периода;

4) исключить из выборки по этапу 3 все компании, которые имеют убытки от реализации более чем в одном году за анализируемый период;

5) исключить компании, в которых хотя бы один акционер-компания владеет более чем 25 % уставного капитала, а также компании, имеющие в собственном дочернем обществе более 25 % уставного капитала. Если в результате отбора осталось менее 4 компаний, критерий доли участия повышается до 50 %;

6) провести подробный анализ деятельности оставшихся в выборке компаний на основании открытых источников информации (например, Интернет). В ряде случаев фактическая основная деятельность выбранных компаний не соответствует кодам ОКВЭД, которые были указаны при регистрации. Подобный анализ позволит убрать нерелевантные компании из выборки. Отбор для анализа сопоставимых компаний по аналогичной отрасли необходимо осуществлять с учетом экономических условий их деятельности.

После определения сопоставимых компаний необходимо сориентироваться в наборе методов, которые могут быть использованы в трансфертном ценообразовании исходя из особенностей сделки.

Однако прежде чем приступить к выбору наиболее подходящего метода трансфертного ценообразования, необходимо определить ряд факторов:

- 1) стадию жизненного цикла компании;
- 2) продукт, к которому применяется метод трансфертного ценообразования.

Обычно в финансовой деятельности корпорации выделяют четыре стадии ее жизненного цикла в соответствии с теорией финансового менеджмента: зарождение, рост, зрелость, спад. На каждой стадии жизненного цикла компания выполняет определенную функцию, которая является условием ее перехода на следующую стадию, в связи с чем может меняться подход к методике определения трансфертных цен [2, с. 174; 4, с. 14].

Следует выделить ряд проблем, влияющих на финансовые риски в зависимости от стадии жизненного цикла компании.

На этапе создания (зарождения) корпорации отсутствует финансовая устойчивость, поскольку слишком велики внешние и внутренние риски и показатели платежеспособности не соответствуют нормативным значениям. На этапе роста уровень продаж продукции корпорации возрастает, налажены каналы связи между контрагентами — потребителями, поставщиками, кредиторами. Производство характеризуется интенсивной модернизацией, повышается качество готовой продукции, сокращаются издержки на производство одной единицы продукции. На этапе зрелости корпорация обычно достигает предельной мощности, финансовое положение остается стабильным, однако существует риск перехода на стадию спада в связи с ужесточением конкуренции. На этапе спада корпорация теряет конкурентоспособность, падает доля рынка потребителей ее товаров, работ, услуг. При переходе из одной стадии в другую изменяются финансовые риски корпорации, поэтому возможно изменение применяемых методов трансфертного ценообразования [5, с. 52–53].

На основании вышеизложенного автор предлагает подход к применению методов внутригруппового ценообразования в корпоративных структурах в целях минимизации рисков в зависимости от стадий жизненного цикла и продукта, производимого промышленной корпорацией (см. таблицу).

Финансовый механизм выбора метода внутригруппового ценообразования в корпорациях

Стадия жизненного цикла	Продукт			
	Товар (в общем)	Товар (дальнейшая перепродажа)	Работы и услуги (без НМА), влияющие на рентабельность расходов	Работы и услуги (с НМА), влияющие на рентабельность расходов
Выход на рынок	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод	1. Метод цены последующей реализации. 2. Метод сопоставимых рыночных цен. 3. Затратный метод	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод	Не применяются
Фаза роста	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод. 3. Метод сопоставимой рентабельности. 4. Метод распределения прибыли	1. Метод цены последующей реализации. 2. Метод сопоставимых рыночных цен. 3. Затратный метод. 4. Метод сопоставимой рентабельности. 5. Метод распределения прибыли	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод. 3. Метод сопоставимой рентабельности. 4. Метод распределения прибыли	1. Метод сопоставимой рентабельности. 2. Метод распределения прибыли
Фаза зрелости	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод. 3. Метод сопоставимой рентабельности. 4. Метод распределения прибыли.	1. Метод цены последующей реализации. 2. Метод сопоставимых рыночных цен. 3. Затратный метод. 4. Метод сопоставимой рентабельности. 5. Метод распределения прибыли	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод. 3. Метод сопоставимой рентабельности. 4. Метод распределения прибыли	1. Метод сопоставимой рентабельности. 2. Метод распределения прибыли
Уход с рынка	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод	1. Метод цены последующей реализации. 2. Метод сопоставимых рыночных цен. 3. Затратный метод	1. Метод сопоставимых рыночных цен. 2. Затратный метод	1. Метод сопоставимой рентабельности. 2. Метод распределения прибыли

Выбор метода зависит от стадии жизненного цикла промышленной корпорации и продукта; методы проранжированы от наиболее предпочтительных к наименее предпочтительным. При этом не каждый метод может быть использован в рамках вышеуказанной матрицы «жизненный цикл / продукт».

Исходя из перечисленных выше условий и алгоритмов, а также из сформулированного финансового механизма выбора метода внутригруппового ценообразования в корпорациях необходимо определить финансово-экономическую модель трансфертного ценообразования в корпоративных структурах в целях минимизации рисков.

Библиографический список

1. *Иванов А. Е.* Методология определения цен для целей налогообложения: порядок применения и проблемные вопросы // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 42(336). С. 45–52.

2. *Локтионова Ю. Н., Янина О. Н.* Анализ методов управления финансовыми рисками // Евразийское научное объединение. 2019. № 2(48). С. 167–181.

3. *Олофинская Ю. П.* Трансформация отчетности при определении доходов для целей контроля цен по сделкам при налогообложении на основании метода сопоставимой рентабельности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 9. С. 59–64.

4. *Паюсов А. А.* Финансово-инвестиционная привлекательность хозяйствующего субъекта: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2009.

5. *Шеина Е. Г., Астанакулов О. Т.* Методологический подход к оценке и анализу инвестиционной привлекательности объектов инвестирования при ранжировании финансовых показателей // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1(119). С. 51–56.

В. М. Пищулов

Развитие интеграционных процессов Российской Федерации с экономическими партнерами в форме создания валютного союза на основе введения системы переводного рубля

Целью данной работы является формирование методологии развития экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве посредством создания предпосылок введения общей валюты. Актуальность статьи обусловлена необходимостью развития экономической интеграции на постсоветском экономическом пространстве. Научная новизна предлагаемой работы состоит в оценке возможностей введения общей валюты, как в наличной, так и в безналичной форме. При этом сохраняются национальные валюты участвующих в интеграционном объединении стран.

Ключевые слова: экономическая интеграция; единая валюта; финансы; переводный рубль; эмиссия единой наличной валюты.

Развитие интеграционных процессов на постсоветском экономическом пространстве требует перехода на общую валюту. В качестве валюты, обслуживающей внешний товарный оборот указанных стран, традиционно используется доллар. Однако общепризнано стремление к снижению так называемой «долларовой зависимости». По этой самой причине в различных регионах уже несколько десятилетий предпринимаются попытки введения некоторых наднациональных или региональных валют. Ввиду стремления к снижению зависимости в международных расчетах от одной национальной валюты, а именно доллара США, был реализован проект валютного союза в рамках Европейского союза (ЕС): введение единой валюты «евро» и создание так называемой еврозоны, в которую в настоящее время входят 19 стран Евросоюза.

Методологической основой введения единой валюты в ЕС послужили работы Роберта Манделла, который считается создателем теории «оптимальных валютных зон» [4]. Вместе с тем недостаточная методологическая проработанность данной теории, неполный учет определенных факторов структуры экономического пространства европейских стран, недостаточное внимание к различиям в уровнях развития и особенностям нацио-

нальных экономик довольно быстро нашли свое проявление в отдельных кризисных явлениях в рамках еврозоны. Такие явления, как долговой кризис и невозможность национальных органов управлять экономикой, во втором десятилетии нынешнего века переросли в затяжную стагнацию стран еврозоны.

В связи с вопросом развития интеграционных процессов в рамках отдельных регионах следует обратиться к накопленному опыту использования так называемого «переводного рубля» в уже не существующей организации, каковой являлся «Совет экономической взаимопомощи» (СЭВ). Судя по всему, общая валюта, использовавшаяся в СЭВ, позволяла избежать тех негативных проявлений, которые характерны для нынешней еврозоны. Главным преимуществом использования переводного рубля было то обстоятельство, что эта валюта обращалась одновременно и параллельно с национальными валютами стран-участниц СЭВ. Недостатком системы отношений переводного рубля являлось то, что эта наднациональная валюта функционировала только в безналичной форме в расчетах между странами-членами СЭВ. Возможность использовать переводный рубль в наличной форме и внутри стран СЭВ отсутствовала.

Создание экономического и валютного союза между странами данного региона представляет собой наиболее высокую стадию экономической интеграции. При подготовке мер, обеспечивающих интеграционные процессы в валютной сфере, следует исходить из накопленного положительного опыта развития интеграционных процессов между странами Совета экономической взаимопомощи, в свое время использовавшими переводный рубль в качестве меры стоимости, средства платежа и накопления для организации расчетов между странами. Данное предложение имеет весьма высокий уровень значимости в развитии процессов экономической интеграции между странами.

В качестве фундаментальной научной задачи, на решение которой нацелено исследование, выступает нахождение методологических оснований определения направлений совершенствования деятельности по развитию экономической интеграции между Россией и Белоруссией. Наименее изученной частью формируемых интеграционных процессов видится переход к четвертой стадии экономической интеграции, состоящей во введе-

нии единой валюты для стран-участниц экономического валютного союза. Проблема видится тем более недостаточно исследованной в силу накопленного негативного опыта, который имел место в решении указанной проблемы перехода к использованию единой валюты в странах еврозоны.

Стандартным научным подходом к решению проблемы введения единой валюты в обращение между несколькими или, по меньшей мере, двумя странами выступает классическая или экзогенная теория оптимальных валютных зон либо более современные, в частности модифицированная теория, а затем эндогенная теория оптимальных валютных зон. В рамках основного классического или несколько различающихся более современных интерпретацией методологических подходов к пониманию основных положений теории оптимальных валютных зон лежат представления о национальной экономике [1]. При этом МВФ провозглашает в качестве правила безусловный основополагающий принцип «одна страна — одна валюта». Этот принцип неукоснительно применяется вне учета размеров национальной экономики, уровня экономического развития, численности населения, диверсифицированности или специализации производства и т. д. [3]. В основу теории оптимальных валютных зон привносится идея внутреннего и внешнего макроэкономического равновесия экономической территории, в рамках которой предполагается введение единой валюты. Основоположниками идей теории оптимальных валютных зон выступают Милтон Фридман, Роберт Манделл и др.

Указанные теоретические построения, безусловно, предполагают использование единственной валюты, которая замещает и полностью вытесняет национальные валюты в рамках стран-участниц валютного союза. Предлагаемая нами работа подразумевает иную систему построения валютного союза, в которой действует как общая региональная валюта, так и сохраняющие свое значение национальные валюты [2]. Современные теоретические разработки, а также исследования в области такой формы единой валюты, какой являлся некий аналог переводного рубля СЭВ, практически отсутствуют. Это может быть осуществлено посредством формирования методологических разработок по проведению последовательных действий, направленных на

возможность введения единой валюты, обращающейся в двух странах. Достижение этой цели может быть обеспечено посредством решения следующих задач:

- исследование современного состояния экономических отношений между странами;
- оценка нынешнего уровня интеграционных процессов между странами;
- выявление проблем, препятствующих углублению двусторонней интеграции;
- прогнозные оценки преимуществ введения единой валюты для развития экономической интеграции между странами;
- определение основных мероприятий, направленных на введение единой валюты, обращающейся в двух странах.

Требуется решение указанных задач и обоснование возможности введения единой валюты, обращающейся в рассматриваемых странах, при сохранении в обращении собственных национальных валют в каждой стране, участвующей в формируемом экономическом и валютном союзе. В отличие от европейского валютного союза такая схема позволяет сохранить в каждой из стран собственные национальные валюты, обращающиеся одновременно и параллельно с единой валютой. В отличие от системы переводного рубля, действовавшей в рамках СЭВ, единая валюта, как предполагается, может обращаться как в безналичной, так и в наличной форме.

Основные положения методологического обоснования выдвигаемых предложений по введению единой валюты с одновременным обращением национальных валют — теория оптимальных валютных зон, теория территориальной замкнутости экономических процессов и положения замкнутого обращения валюты, обслуживающей эти процессы.

Проблема введения общей валюты между странами постсоветского пространства не представляется простой и легко достижимой и требует достаточно глубокого обоснования и последовательной разработки. Необходимо рассмотрение аналогичных или сходных примеров подготовки и реализации проектов введения единой валюты между странами. Требуется анализ проблем, возникших в реализуемых проектах введения единой валюты между странами, в частности, противоречий между

странами, возникших в рамках еврозоны. Необходимы данные, характеризующие состояние и динамику экономических процессов, протекающих в странах, предполагаемых к участию. Неизбежно следует составление прогнозных оценок экономических выгод, возникающих в результате введения общей валюты. Очевидно, нужно предвидеть возможные негативные явления в экономике каждой из стран, участвующей в формировании системы общей валюты.

Ожидаемым результатом предполагаемых действий по созданию зоны общей валюты следует считать заметный рост взаимного торгового оборота между участвующими странами, а следовательно, ускорение экономического развития этих стран.

Библиографический список

1. *Евро* — дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон / сост. А. М. Семенов. М.: Дело, 2002.
2. *Кнобель А., Миронов А.* Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 1. С. 76–101.
3. *Мусеев С.* Приключения теории оптимальных валютных зон // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 56–76.
4. *Mundell R.* A theory of optimum currency areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51, no. 4. P. 657–665.

Н. В. Новикова

Новая индустриализация Уральского макрорегиона в условиях цифровизации экономики

Автором статьи предложена методика расчета интегрального показателя цифровизации региональной экономики. В основу вычисления положены двенадцать частных индикаторов. Доказывается, что процессы развертывания новой индустриализации Уральского макрорегиона тесно связаны с процессами цифровизации.

Ключевые слова: макрорегион; цифровизация; экономика макрорегиона; стратегические ориентиры развития; Уральский макрорегион; промышленность.

Цифровая экономика представляет собой одно из новейших интенсивно развивающихся направлений экономической

науки [3; 6]. В связи с этим процессы цифровизации экономики, их экономическое измерение вызывают острые дискуссии.

В настоящее время предприняты попытки систематизации концепций и измерений цифровой экономики, представленных в трудах зарубежных исследователей [1].

Коллективом ученых НИУ ВШЭ обобщены «ключевые аспекты развития цифровой экономики, тренды развития цифровых технологий, изменения под их влиянием условий жизни человека, цифровизация государственного управления и сферы науки» [5, с. 2]. Отечественными исследователями впервые предпринята попытка осуществить «оригинальные подходы к статистическому измерению цифровой экономики», представить «экспериментальные расчеты объема и структуры затрат на ее развитие в России», а также «вклада цифровой экономики в экономический рост» [5, с. 2].

Опираясь на труды отечественных и зарубежных авторов, мы под *цифровой экономикой* понимаем *совокупность экономических процессов, возникающих в результате деятельности по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг*. Цифровые технологии мы понимаем в трактовке, предложенной учеными НИУ ВШЭ, как «технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и предоставления данных в электронном виде» [5, с. 13].

Учеными Института стратегических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ предложена методика вычисления индекса цифровизации бизнеса — интегрального индикатора распространения цифровых технологий в предпринимательском секторе. Он характеризует «скорость адаптации к цифровой трансформации, уровень использования широкополосного Интернета, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем, включенность в электронную торговлю организаций предпринимательского сектора» [5, с. 10].

На основе статистических показателей, предложенных для количественного измерения цифровой экономики, нами составлена таблица, отражающая индекс цифровизации бизнеса в разрезе территорий Уральского макрорегиона (табл. 1).

Таблица 1

**Индекс цифровизации бизнеса Российской Федерации
и территорий Уральского макрорегиона по данным за 2017 г.**

Территории Уральского макрорегиона	Индекс цифровизации бизнеса	Удельный вес организаций (в общем числе организаций), %				
		использующих				осуществляющих электронные продажи
		широкополосный Интернет	облачные сервисы	RFID-технологии	ERP-системы	
Российская Федерация	28,0	82,0	23,0	6,0	19,0	12,0
Республика Башкортостан	29,0	88,5	22,1	4,3	19,5	12,2
Удмуртская Республика	23,0	80,1	17,1	3,7	8,9	7,6
Пермский край	27,0	84,5	23,1	4,6	13,4	9,7
Оренбургская область	28,0	92,9	21,3	5,0	11,9	9,6
Курганская область	21,0	69,6	18,1	2,7	8,1	7,1
Свердловская область	30,0	86,9	26,9	7,0	15,8	12,4
Челябинская область	28,0	85,4	23,4	5,1	13,7	11,3

Примечание. Сост. по: [2, с. 216–219].

Из данных табл. 1 мы видим, что территории Урала находятся на разных позициях по индексу цифровизации бизнеса. Отклонение между территорией-лидером (Свердловская область — 30) и территорией-аутсайдером (Курганская область — 21) составляет 9 пунктов.

Лидирующую позицию среди территорий Урала занимает Свердловская область (30), далее следуют Республика Башкортостан (29), Оренбургская и Челябинская области (28). Свердловская область и Республика Башкортостан превышают среднероссийское значение (28).

С целью обоснования факторов территориальной дифференциации уровня цифровизации бизнеса регионов Урала нами разработана методика расчета интегрального показателя цифровизации региональной экономики. Данная задача усложняется тем, что в настоящее время наблюдаются первые попытки измерения процессов цифровизации и из всей совокупности показателей, которые отслеживаются Федеральной службой государственной статистики, косвенно эти процессы отражают показатели, характеризующие информационные и коммуникационные технологии.

В рамках методики расчета интегрального показателя цифровизации региональной экономики представлена трансформация частных индикаторов способом нормирования показателей, который предполагает вычисление отношения значения показателя по отдельному региону к среднему по группе рассматриваемых регионов (в нашем случае — макрорегиону).

Для вычисления интегрального показателя цифровизации региональной экономики использован способ агрегирования единичных трансформированных индикаторов посредством их суммирования. При суммировании индикаторам присваиваются равные веса с целью избежать субъективизма при присвоении весовых значений. В основу расчетов нами заложены показатели, представленные в табл. 2. При их отборе мы опирались на предложенное нами выше понимание цифровой экономики и процессов цифровизации.

Следует отметить, что результаты, полученные автором, в значительной степени совпадают с результатами ученых НИУ ВШЭ (см. табл. 1). Однако наши вычисления более обоснованы, так как используется больший набор показателей, который характеризует не только процессы цифровизации бизнеса, но и в целом процессы цифровизации региональной экономики.

Стратегические ориентиры развития Уральского макрорегиона тесно связаны с процессами цифровизации промышленного производства, которые представляют собой «интеграцию ряда прорывных технологий: виртуального моделирования, Интернета вещей, робототехники, искусственного интеллекта, больших данных, технологий облачных и граничных вычислений, предиктивной аналитики, новых стандартов связи и др.» [5, с. 26].

**Трансформированные частные индикаторы
и агрегированные показатели уровня цифровизации
региональной экономики
в разрезе территорий Уральского макрорегиона
по состоянию за 2018 г.**

Субъект РФ	Организации, использовавшие персональные компьютеры, %	Организации, использовавшие серверы, %	Организации, использовавшие локальные вычислительные сети, %	Организации, использовавшие широкополосный доступ к сети Интернет, %	Организации, имевшие веб-сайт, %	Число персональных компьютеров на 100 работников, ед.	Организации, использовавшие системы электронного документооборота, %
Республика Башкортостан	1,019	1,026	1,030	1,018	1,067	0,964	1,068
Удмуртская Республика	1,016	1,016	1,035	0,997	1,079	1,069	1,013
Пермский край	1,001	1,052	0,982	1,031	0,888	1,069	1,020
Оренбургская область	1,018	0,953	1,034	1,081	1,090	0,922	1,051
Курганская область	0,935	0,707	0,835	0,864	0,781	0,943	0,894
Свердловская область	1,013	1,137	1,034	1,016	1,051	1,048	0,968
Челябинская область	0,997	1,110	1,049	0,993	1,044	0,985	0,987

Стратегические отраслевые и технологические ориентиры развития Уральского макрорегиона в условиях цифровизации экономики, которые более подробно нами раскрыты в монографии «Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации» [4], включают производство беспилотных летательных аппаратов (дронов); производство робототехники; аддитивные технологии; информационные технологии; технологии «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT; промышленный Интернет); big data, искусственного интеллекта; космические технологии.

Библиографический список

1. *Бухт Р., Хикс Р.* Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143–172.
2. *Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.* М.: НИУ ВШЭ, 2019.
3. *Новые производственные технологии: публ. аналит. докл.* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
4. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Уральский макро-регион: большие циклы индустриализации. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2019.
5. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.* М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
6. *Шваб К.* Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018.

А. В. Курдюмов

Инструменты цифровой трансформации в обеспечении продовольственной безопасности¹

Раскрываются вопросы совершенствования инструментов цифровой трансформации в целях обеспечения продовольственной безопасности России в контексте антимонопольного регулирования. Проведен анализ картелизации экономики в агропромышленном комплексе, а также процесс выявления и расследования картелей и иных антиконкурентных соглашений контрольно-надзорными органами в Российской Федерации. Предложен алгоритм процесса выявления картелей и иных антиконкурентных соглашений на товарных рынках и торгах в автоматизированном онлайн-режиме на основе программного обеспечения.

Ключевые слова: цифровая трансформация; продовольственная безопасность; инструменты; агропромышленный комплекс; сельское хозяйство; антимонопольное регулирование.

С интенсивным развитием цифровых технологий и внедрением во все сферы жизнедеятельности человека, направленные

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00886 «Комплексное экономико-правовое исследование повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса Российской Федерации в условиях развития и интеграции информационно-цифровых систем».

на рост производительности труда, возрастают риски в обеспечении не только экономической, но и продовольственной безопасности страны [3, с. 28].

В рамках реализации государственной политики России по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики разработан Минкомсвязи России по поручению Президента РФ и принят президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В Паспорте обозначены ключевые цели: увеличение финансирования развития «цифровой экономики», создание устойчивой и безопасной ИТ-инфраструктуры, обработки и хранения больших объемов данных с обеспечением возможности доступа хозяйствующим субъектам и домохозяйствам, разработка и внедрение отечественного программного обеспечения для использования как организациями, так и органами государственной власти и местного самоуправления.

Реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предусмотрена на 2018–2024 гг. и содержит шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление».

Цифровизацию экономики следует рассматривать как основной фактор роста производства во всех сферах социально-экономической деятельности, обеспечивающего выход на новый уровень качества жизни граждан, повышение конкурентоспособности и экономического роста России.

Доля «цифровой экономики» в ВВП России в 2016 г. составила 2,8 %, страна занимает 15-ю строчку в списке стран С20. В 2016 г. относительно 2010 г. прирост составил 47 %. По оценкам экспертов по итогам 2020 г. ВВП развитых странах за счет цифровой экономики вырастет на 3,4 %.

Одним из стратегических ориентиров цифровой экономики в АПК является создание среды для повышения прозрачности агрорынков для хозяйств и потребителей, что невозмож-

но реализовать без развития конкуренции на товарных рынках [6, с. 858].

Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в 2019 г. разработан и утвержден ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство», в котором представлен подход к цифровой трансформации отрасли сельского хозяйства посредством реализации цифрового государственного управления и внедрения цифровых технологий. Финансирование проекта на 2018–2024 гг. запланировано в объеме 300 млрд р., из них: федеральный бюджет — 152 млрд р., бюджеты субъектов — 8 млрд р., за счет внебюджетных источников — 140 млрд р.

Экономический ущерб национальной экономике от картелей и иных антиконкурентных соглашений, сопряженный с текущим социально-экономическим положением значительной части населения, требует особого внимания со стороны государства. Это проблемы антимонопольного регулирования как продуктов питания, так и в целом агропромышленного комплекса и сельского хозяйства [4, с. 559].

Динамика выявленных картелей по сферам экономической деятельности за 2017–2018 гг., %

В настоящее время наблюдается тенденция роста числа картелей и иных антиконкурентных соглашений в сфере продуктов питания (см. рисунок).

В 2017 г. в структуре выявленных картелей и иных антиконкурентных соглашений по сферам экономической деятельности по продуктам питания сговоры составили 6,2 %, в 2018 г. — 8,0 %. Прирост — 29 %.

Контрольно-надзорные органы в лице Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации осуществляют выявление и расследование различных антиконкурентных соглашений по следующему алгоритму.

1. Скрининг данных Единой информационной системы в сфере закупок и электронных торговых площадок (по сферам и регионам).

2. Формирование запроса в ФНС, финансово-кредитные организации, интернет-провайдерам и обработка поступивших ответов (скрининг электронных документов).

3. Скрининг документации из личных кабинетов участников закупок (анализ связей между хозяйствующими субъектами по учредителям, фактическим адресам и иной информации).

4. Скрининг web-данных (анализ связей между физическими лицами и между хозяйствующими субъектами).

5. Формирование итоговых документов (докладных, аналитических записок, решений по делу) [1, с. 6].

В целях обеспечения продовольственной безопасности необходимо использование инструментария цифровой трансформации, направленного на выявление картелей и иных антиконкурентных соглашений в АПК и сельском хозяйстве.

Данные цифровые преобразования возможны в случае наличия развитой информационной системы, синхронизации информации на всех уровнях и готовности к смене ориентиров. Таким образом будет обеспечиваться гибкость и адаптивность системы в интенсивно меняющихся условиях [2, с. 38].

Инструменты цифровой трансформации для выявления антиконкурентных соглашений представлены в таблице.

Инструменты цифровой трансформации для выявления антиконкурентных соглашений [5, с. 23]

Характеристика инструментов	По настоящее время	Перспективные
Методическое обеспечение	Многопараметрическая комплексная система выявления и доказывания антиконкурентных соглашений на рынках, торгах	Использование математического моделирования
Информационное обеспечение	Анализ торгов с использованием открытых баз данных, а также представленных сведений по запросам	Использование передовых технологий анализа больших данных
Аргументированность и скорость	Выявление множества (от 1 до 50) признаков нарушения антимонопольного законодательства	Разработка и внедрение автоматизированной системы по выявлению и доказыванию антиконкурентных соглашений
Технологии	Процесс выявления и доказывания сговоров на рынках и торгах с привлечением субъектов	Дистанционность процесса выявления, доказывания сговоров на рынках и торгах

Процесс выявления картелей и иных антиконкурентных соглашений на товарных рынках и торгах в автоматизированном онлайн-режиме на основе программного обеспечения должен включать следующие этапы.

1. Выявление антиконкурентного соглашения в автоматизированном онлайн-режиме.

2. Сбор, оцифровка и анализ объема данных на предмет соответствия заданным критериям в автоматизированном онлайн-режиме (обнаружение несоответствий критериям в информационных потоках, формирование доказательной базы, предоставление ключей для объективного контроля).

3. Автоматическое документационное обеспечение (предоставление ключей для формирования итоговых документов: докладных, аналитических записок, решений).

Разработанное программное обеспечение (веб-сервис) должно позволять специалистам в автоматическом режиме по закрытым каналам связи получать необходимую информацию от соответствующих ресурсов и служб: электронной торговой пло-

щадки, Федеральной налоговой службы, кредитно-финансовых организаций, Минэкономразвития России, Минсельхоза России, программных информационных платформ, сети Интернет.

Таким образом, внедрение новых информационных технологий и информационно-коммуникационных систем не только является ключевым фактором роста производства и прибыльности экономических секторов, но и обеспечивает экономическую и продовольственную безопасность страны.

Библиографический список

1. *Белослутцева С. Л.* Контрольно-надзорная деятельность федеральной антимонопольной службы и ее влияние на экономическую безопасность страны // Современная экономика: сб. ст. 36-й Международ. науч. конф. (Кемерово, 11 марта 2019 г.). Кемерово: Изд. дом «Плутон», 2019. С. 5–6.

2. *Быковская Ю. В.* Картелизация российской экономики: современное состояние и направления противодействия // Страховое дело. 2018. № 9(306). С. 35–47.

3. *Гришин В. С., Башарина Е. В.* К вопросу о том, почему антиконкурентные соглашения при осуществлении закупок угрожают экономической безопасности страны? // Colloquium-journal. 2018. № 10-3(21). С. 28–30.

4. *Смирнов Д. П.* Почему картели подрывают экономическую безопасность страны // Вестник современных исследований. 2018. № 5.4(20). С. 559–560.

5. *Хамуков М. А.* Многопараметрический анализ товарных рынков как инструмент выявления картелей // Российское конкурентное право и экономика. 2017. № 2(10). С. 20–25.

6. *Smirnova O. O.* Antimonopoly regulation of food markets in the EU // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 1-2. С. 857–863.

Т. В. Миролубова, О. В. Буторина, Ю. В. Карпович

Методологические особенности управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла¹

Представлены положения рекуррентного подхода к управлению межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла. Выдвинута гипотеза, что современный этап развития экономики представляет собой отдельную фазу в рамках макроэкономического цикла, как уникального цикла, возникшего при переходе от индустриального к постиндустриальному мегациклу. Объективность кризисно-депрессивного состояния во многом определяется особенностями перехода от неоиндустриальной к цифровой экономике. Для повышения эффективности управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла разработаны методологические положения рекуррентного подхода к управлению циклическими процессами.

Ключевые слова: индустриальная экономика; неоиндустриальная экономика; цифровая экономика; рекуррентный подход; управление; межфазовый переход.

В результате исследования особенностей современного макроэкономического цикла на основе использования рекуррентного подхода к исследованию цикличности было доказано, что он имеет двоякую природу [3]. С одной стороны, современный макроэкономический цикл — это особый вид цикла, возникший при переходе между индустриальным (находящимся в состоянии затухания) и постиндустриальным (находящимся в фазе зарождения) мегациклами [8]. Его уникальность заключается в системе внутрифазовых трансформаций от индустриальной к неоиндустриальной (фаза кризиса), от неоиндустриальной — к цифровой (фаза депрессии), от цифровой — к информационно-инновационной экономике (фаза оживления), от инновационной — к неэкономике («креатэкономике», «экономике знаний» [1; 7], что может рассматриваться как фаза подъема в рамках современного постиндустриального мегацикла (мы трактуем его как «идущий следом» за индустриальным, хотя трактовка

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-410-590003 «Особенности производственного цикла в системах различных уровней в экономике региона».

в дальнейших исследованиях может дорабатываться на основе конкретизации). Особо следует отметить, что выделенные переходы рассматриваются нами как самостоятельные фазы и индустриального, и постиндустриального мегациклов.

Как нам представляется, преодоление кризисных тенденций развития не только российской, но и мировой экономики во многом связано с формированием условий для перехода к цифровой экономике [4].

При этом, как отмечается многими исследователями существенных характеристик цифровой экономики, именно высокий уровень индустриализации экономики является основой перехода к цифровой экономике, другими словами, завершенность технологической модернизации индустрии — базовое условие перехода к цифровой экономике [7]. Как показывает практика, в начале 1990-х годов цифровизация ориентировалась в большей степени на процессы автоматизации существующих технологий и бизнес-процессов прежде всего в производственной сфере, с середины 1990-х годов начался процесс массовой цифровизации на основе использования IT-технологий конечными потребителями [5; 6]. При этом всеми авторами отмечается, что внедрение и масштабное использование цифровых технологий нацелено на повышение эффективности функционирования производственного сектора (в том числе индустриального) за счет оптимизации затрат и расширения присутствия на рынке [4], что, несомненно, доказывает наличие тесных прямых связей между производственными процессами и технологическими изменениями.

Исходя из вышесказанного в современных условиях объективно актуализируются проблемы не только антикризисного управления, но и управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла.

Как нам представляется, на современном этапе при конкретизации направлений управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла в целом, а также при переходе от неоиндустриальной к цифровой экономике может быть использован рекуррентный подход.

Рекуррентный подход к управлению тенденциями современного макроэкономического цикла предполагает системати-

зацию направлений и методов государственного управления циклическим развитием в зависимости от текущей фазы [2]. При этом в основе систематизации могут лежать две группы направлений: первая — «нивелирующая» регрессивные тенденции; вторая — стимулирующая прогрессивные, что может стать основой антициклической политики. Другими словами, признание рекуррентных зависимостей между фазами индустриального и постиндустриального мегацикла предполагает целостность управленческих рекомендаций, направленных не только на преодоление негативных тенденций, но и на одновременное формирование условий для последующего прогрессивного развития в рамках каждого межфазового перехода.

Общепризнанным считается, что в период кризисно-депрессивных фаз развития экономических систем наибольшую значимость приобретает первая группа направлений и методов, так как именно преодоление кризисных тенденций может способствовать переходу к более прогрессивным фазам в рамках современного макроэкономического цикла.

Использование рекуррентного подхода предполагает:

– во-первых, конкретизацию параметра, характеризующего кризисные тенденции, на основе индикатора, выделенного для анализа (при этом систематизация индикаторов должна отвечать следующим требованиям: 1) на их основе могут быть выделены общие тенденции в изменении макроэкономических процессов в целом в системах различных уровней; 2) они должны быть конкретизированы в соответствии с имеющейся статистической базой; 3) их динамика за продолжительный период может стать основой определения соответствующей фазы в рамках современного макроэкономического цикла);

– во-вторых, при конкретизации направлений и методов антициклического управления акцент на межфазовых переходах, связанных с преодолением кризисных или стимулированием прогрессивных тенденций, что может обеспечить переход от нижестоящей фазы к вышестоящей — более прогрессивной;

– в-третьих, систематизацию мероприятий дифференцированно для каждого направления в соответствии с выделенными общими и частными тенденциями в динамике базовых показателей;

– в-четвертых, наличие результирующего блока, отражающего конечную эффективность предложенных направлений и методов, основанного на межфазовом переходе: если заданные тенденции достигнуты, то предложенные мероприятия антициклического управления циклическим развитием могут считаться эффективными, и наоборот;

– в-пятых, определение продолжительности внутрифазовых переходов в периоды смены мегациклов рекуррентными зависимостями между информационным, инновационным, инвестиционным, технологическим, производственным, структурным и социальным циклами. При этом каждый из них характеризуется собственной продолжительностью, амплитудой, фазовой динамикой количественных показателей. Как нам представляется, в рамках перехода от неоиндустриальной к цифровой экономике (переход к фазе депрессии в рамках современного макроэкономического цикла) информационный цикл может рассматриваться как самостоятельный вид цикла конъюнктурного характера, в то время как наслаивающиеся на него технологический, инновационный, инвестиционный циклы имеют обеспечивающий характер, производственный цикл — характеризующий, а социальный и структурный — результирующий.

Представленные в работе методологические особенности управления циклическими процессами в условиях трансформации от индустриальной к цифровой экономике в рамках современного макроэкономического цикла на основе использования рекуррентного подхода может рассматриваться как альтернативный подход к антикризисному управлению. Именно рекуррентный подход может стать основой формирования изменений общей амплитуды колебаний и временной пульсации экономических систем различных уровней.

Библиографический список

1. *Бузгалин А. В.* Неоэкономика: изменения в экономической жизни, вызываемые развитием постиндустриальных технологий // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / под ред. Ю. М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М.: Юрист, 2001. С. 78–99.

2. Буторина О. В. Теоретико-методологические основы разработки антициклической политики // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 6. С. 50–56.

3. Буторина О. В., Баталова Е. В., Фукалова Ю. С. Исследование циклических процессов экономики России с учетом межциклической рекуррентности // Вестник Пермского университета. 2012. № 4. С. 64–75.

4. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143–172.

5. Дробышевская Л. Н., Попова Е. Д. Развитие экономики знаний России в эпоху цифровых трансформаций // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 4. С. 429–446.

6. Зозуля Д. М. Цифровизация российской экономики и Индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8, № 1. С. 1–14.

7. Михайлова А. В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 1. С. 29–42.

8. Яковец Ю. В. Неоэкономика: виртуальность и реальность // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / под ред. Ю. М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М.: Юрист, 2001. С. 215–218.

Т. Д. Одинокова

Страхование жизни как инструмент защиты человеческого капитала от рисков

Статья посвящена исследованию страхования жизни в качестве финансового инструмента защиты человеческого капитала от рисков. Определена необходимость построения целостной системы страхования жизни, составляющие которой взаимосвязаны между собой. Определены риски, наличие и реализация которых ухудшает качество и уровень жизни граждан как носителей человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал; страхование жизни; страховая защита; инвестиции в человеческий капитал; уровень жизни.

В условиях перехода к новой индустриализации — новому этапу развития, который направлен «на обеспечение существенной экономии использования природных ресурсов, на создание безотходных производств, сводящих до минимума

негативные воздействия на окружающую среду» [2], особую значимость приобретает качество трудовых ресурсов, поскольку именно человеческий капитал определяет возможность создания инноваций. Однако наличие рисков и негативные последствия при их реализации, с которыми сталкивается население в процессе своей жизнедеятельности, существенно замедляют внедрение инноваций, предпринимательскую и инвестиционную активность. Таким образом, выход на траекторию интенсивного развития не представляется возможным без увеличения темпов роста инвестиций в человеческий капитал, что и было отмечено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. В связи с этим должна быть создана эффективная система защиты человеческого капитала, учитывающая многосубъектное и многоинструментальное финансирование мероприятий по управлению влияющими на его развитие рисками. Многосубъектность означает выявление круга заинтересованных в развитии человеческого капитала лиц (стейкхолдеров) и определение их степени участия в финансировании. Под многоинструментальностью в целях нашего исследования понимаются объектно-функциональные механизмы (финансы, кредит, инвестиции, страхование), позволяющие максимизировать защиту человеческого капитала с минимальными затратами за счет императивной, межхозяйственной и (или) индивидуальной трансфертной аккумуляции денежных средств стейкхолдеров.

Человеческий капитал воплощен в человеке, его основой являются жизнь и здоровье человека — активы, полученные бесплатно и ценность которых определить невозможно, помимо этого в процессе жизнедеятельности человеком приобретаются и другие активы: знания, культура и др.

«Человеческий капитал как актив обладает стоимостной оценкой и характеризуется уровнем риска, т. е. неопределенностью получения дохода в будущем. Базовые свойства человеческого капитала определяют его основные риски: утрату трудоспособности, снижение (недополучение) дохода, возникновение расходов на поддержание (восстановление) здоровья, занятость, смерть, инвестиционный» [4, с. 17]. Рисковый характер человеческого капитала обуславливает необходимость принятия

решений по управлению рисками, реализация которых может существенно повлиять на стоимость капитала. Как показал опыт зарубежных развитых стран, наиболее доступным и эффективным инструментом управления рисками в условиях рыночной экономики с позиции всех участников экономической системы (населения, общества, предприятий и государства) является страхование.

Страховую защиту человеческого капитала можно осуществлять разными видами страхования, но, с нашей точки зрения, наиболее значимым является страхование жизни, благодаря которому можно обеспечить достойное качество самой жизни и стабильность благополучия граждан. Представляется оптимальной следующая система защиты населения [3, с. 14–15]:

первый уровень — государственное социальное страхование и пенсионное обеспечение по единым для всех условиям получения пособий и пенсий;

второй уровень — коллективное страхование работников за счет средств предприятий (или профсоюзов). Заключение договоров этого страхования будет вытекать из неперемennых условий трудового соглашения работников с администрацией любого предприятия (организации). При этом страховая сумма должна исчисляться из возможно более высокой степени компенсации потерь;

третий уровень — заключение индивидуального договора страхования самим работником. Здесь одним из следствий рыночных отношений, очевидно, станет возрастание роли рискованных видов страхования при некотором снижении (но не отмене) сберегательных видов.

Страхование жизни, выступающее частью государственной системы социальной защиты, и частное страхование жизни на уровне предприятий и индивидов (граждан) представляют собой единую систему защиты самого ценного в человеческом капитале — жизни. Привлечение государством для защиты человеческой жизни страховых компаний, являющихся по своей природе социально ориентированными институтами, основной целью которых выступает «защита интересов страхователей от опасных случайностей» [1, с. 69], по нашему мнению, в связи с грядущим ухудшением показателей (процессы, которые уже

начались и которые еще можно сдержать!) в демографической ситуации и затянувшейся экономической нестабильностью в стране, будет не просто рекомендацией, а реальной необходимостью. Помимо этого существенное значение для организации защиты человеческого капитала имеют финансовые институты (например, внебюджетные фонды), функционирующие на страховых принципах организации их работы с возможностью заключать концессионные соглашения без конкурса со страховыми компаниями (речь идет о страховых компаниях, специализирующихся на страховании жизни). О более полной (развитой) системе защиты человеческого капитала можно говорить только тогда, когда она организована с использованием государственно-частного партнерства (ГЧП). А для этого необходимо: государству — разработать четкие и прозрачные условия работы субъектов соглашения, а также проведение политики, направленной на обеспечение стабильности экономического развития и увеличение доходов населения; страховым компаниям — определить возможности и эффективность страховых продуктов, благодаря применению которых будут «закрыты» конкретные потребности населения и показаны эффекты для государства; населению — понимать реальное состояние демографической и экономической ситуации в стране, демонстрировать грамотное финансовое поведение.

В процессе нашего исследования была определена основная проблема, с которой сталкивается российское население (как правообладатель человеческого капитала и владелец риска) в плане обеспечения своей жизнедеятельности, — ухудшение качества и уровня жизни. Данная проблема обусловлена реализацией следующих рисков.

1. Дисбаланс системы обязательного пенсионного страхования, причиной которого выступает старение населения России на фоне:

- роста продолжительности жизни, обусловленного повышением эффективности системы здравоохранения;
- снижения темпов роста воспроизводства человеческого капитала и, как следствие, убыли постоянного состава населения (в первую очередь в трудоспособном возрасте);

– быстрого роста населения в других развивающихся странах, что ведет к интенсификации миграционных процессов в страну.

Как результат данного влияния — увеличение нагрузки на государственную систему социального обеспечения.

2. Слабость государственной семейной политики, которая привела к падению ценностного статуса семьи, результатом чего стало:

– снижение темпов роста заключаемых браков, что ведет к сокращению численности новорожденных;

– отсутствие финансовой поддержки семьи, которая столкнулась с проблемами здоровья ребенка;

– принятие большинством женщин фертильного возраста решения о возрастном сдвиге (в сторону повышения) периода беременности и родов до тех пор, пока они не оказываются в устойчивом финансовом положении. Следствием этого является:

а) снижение качества «воспроизводственного материала», обусловленное устойчивыми высокими показателями смертности младенцев и младенцев, рожденных с различными аномалиями;

б) рост затрат на «появление и возвращение» в семье нового члена (лечение различных заболеваний семейной пары, проведение экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), обеспечение повышенного ухода за младенцами с низкой массой тела и др.);

в) отсрочка и сокращение возрастного периода, в котором формируются накопления на свое пенсионное обеспечение;

– рост числа разводов семей, в которых имеются дети.

3. Сокращение уровня занятости населения в экономике в связи с ростом роботизации и автоматизации технологических процессов, а также сокращением количества рабочих мест по причине «ухода» предприятий с рынка.

4. Снижение уровня доступности и низкие показатели качества социальных услуг в сфере образования и здравоохранения в связи с изменением государственной политики финансирования бюджетных учреждений и желанием применять зарубежный опыт в российской практике без учета специфики развития страны.

5. Снижение платежеспособности и ухудшение благосостояния в силу:

- снижения у населения реальных располагаемых доходов;
- увеличения фискальной нагрузки на население;
- развития неравенства населения по доходам;
- слабости финансового рынка, что не позволяет населению получать стабильные долгосрочные доходы и рассматривать их как один из основных видов дохода, и др.

Во многом именно на сокращение выявленных рисков направлена деятельность страховых компаний, специализирующихся на страховании жизни (страховщики жизни), предлагающих страховые продукты, ориентированные на разные приоритеты в жизни граждан, будь то создание накоплений или защита капитала, а возможно их комбинация или комбинация с другими видами личного страхования (страхование от несчастных случаев и болезней, медицинское страхование). Что касается страхования жизни в комбинации с другими видами личного страхования, то прежде всего следует сказать, что они являются инструментами для предотвращения событий, которые можно предвидеть в жизненном цикле и которые происходят в стандартном плане, но не могут быть предвидены на индивидуальном уровне и имеют для конкретного индивида существенные финансовые последствия. Таким образом, у страховщиков жизни есть возможности, которые они могут использовать с целью воздействия на риск человеческого капитала через меры предупредительного характера, инвестиционную деятельность, сбытовую деятельность, предлагая страховые продукты, учитывающие стиль жизни и др.

На современном этапе развития экономики страховыми компаниями разработаны различные продукты, ориентированные на разный уровень жизни населения. Однако следует отметить, что не все виды продуктов страхования жизни доступны каждому гражданину. Востребованность населением продуктов страхования жизни определяется многочисленными факторами:

- 1) осознанием населением потребности в защите и необходимости создания финансовых резервов;
- 2) доступностью продуктов страхования жизни как по ценовым (стоимость затрат), так и неценовым критериям (место-

расположение офиса страховой компании; качество консультирования на стадии заключения договора и его обслуживания в дальнейшем, в том числе в процессе урегулирования убытков или на стадии досрочного расторжения договора; и др.);

3) заинтересованностью в развитии данного сегмента со стороны стейкхолдеров (государства, неспециализированных страховых посредников, предприятий-работодателей и т. д.);

4) состоянием системы здравоохранения, окружающей среды, системы социального обеспечения и т. д.;

5) состоянием и потенциалом развития финансового рынка в целом; и др.

Вероятность применения продуктов страхования жизни, как было сказано выше, зависит от многих факторов, но приобретение самих продуктов будет зависеть в первую очередь от платежеспособности (уровня дохода) физического лица — страхователя. И именно на этот показатель будет ориентироваться страховая компания при заключении договора, поскольку от платежеспособности будет зависеть и финансовая дисциплина страхователя, и нагрузка страховой компании по сопровождению данного договора. Просрочка очередного платежа страхового взноса ведет к росту нагрузки на страховую компанию (оплата услуг агента, услуг связи и т. д.).

Исходя из уровня жизни (с учетом текущих и будущих доходов и расходов) и стоимостных затрат на приобретение продуктов страхования жизни, можно определить их доступность для каждой категории лиц. Страхование жизни обеспечивает защиту от рисков неплатежеспособности, ухудшения финансовой устойчивости и банкротства оставшихся в живых членов семьи в случае смерти или потери кормильца, а также предоставляет инвестиционные услуги, связанные с гарантиями будущей безопасности капитала и долгосрочной доходности. Однако, чтобы страхование обеспечило защиту, сначала нужно заключить договор и осуществить взносы в кассу (или на расчетный счет) страховой компании. Полисы страхования жизни по существу являются договорами на поступление от страховщика конкретных сумм денежных средств в определенные даты в будущем в обмен на согласованный поток от страхователя рассроченных платежей взносов в установленном порядке до

определенного момента или срока. То, что страховые выплаты и взносы являются предсказуемыми, вытекает из того единственного факта, что показатель смертности для больших групп населения предсказуем.

Еще одним важным параметром взаимосвязи человеческого капитала и страхования жизни является то, что благодаря наличию накопительной составляющей в полисах страхования жизни у населения имеется возможность создать целевые сбережения на свое образование или образование своих близких, тем самым осуществляя инвестиции, т. е. повышается оценочная стоимость человеческого капитала.

Таким образом, с одной стороны, чем ниже уровень жизни (благосостояния) человека, тем ниже вероятность заключения с ним договора страхования жизни, а с другой — благодаря заключенному договору страхования жизни можно повысить стоимость человеческого капитала, а следовательно, повысить благосостояние индивида за счет минимизации влияния неблагоприятных событий в его жизни и создания целевых накоплений для решения более значимых (с позиции потребителей страховых услуг) вопросов обеспечения его жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Гомелля В. Б.* Генезис страхования. М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2016.
2. *Дроздов Б. В.* Концепция новой индустриализации России. Предложения к обсуждению // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/ideas/konceptsiya-novoyu-industrializacii-rossii-osnovnyie-polojieniya/>.
3. *Коломин Е. В.* Раздумья о страховании. М.: Страхование Ревю, 2006.
4. *Челухина Н. Ф.* Развитие страхования финансовых рисков человеческого капитала в России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2016.

О перспективах реализации «серебряного» человеческого капитала в дистанционных форматах неоиндустриальной занятости¹

С 2019 г. в России начался переходный период по повышению возраста выхода на пенсию. В связи с этим в статье сделана попытка осмыслить некоторые следствия обозначенного процесса в контексте неоиндустриализации и национального вектора демографической политики; сформулировать гипотезы и возможные направления исследований в сфере использования человеческого капитала старших поколений в формате дистанционной занятости как части системы воспроизводства рабочей силы.

Ключевые слова: человеческий капитал; занятость населения; дистанционная занятость; пенсионный и предпенсионный возраст; новая индустриализация; пенсионная реформа.

Проблема вовлечения пожилых людей в сферу занятости на российском пространстве отчетливо «проявилась» немногим позднее, чем на территориях стран Европы, где процессы старения населения начались раньше и уже во второй половине XX в. обозначился тренд активного расширения возрастных рамок трудоспособного возраста. В России указанные вопросы актуализировались не только в связи с демографическими проблемами, но и в связи с экономическими ограничениями системы материального обеспечения будущих пенсионеров. Научно-практическая дискуссия и полемика развернулась в двух основных плоскостях: пенсионная реформа [1; 7] и специфические особенности занятости населения в возрасте «50+» и «60+» [4; 6; 8].

Целевыми задачами исследования являются: обобщение ожиданий и прогнозных оценок последствий от увеличения пенсионного возраста; обоснование актуальности формирования специальных моделей использования «серебряного» человеческого капитала; поиск конструктивных гипотез и концептуальных подходов к оценке возможности применения дистанцион-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России».

ного формата занятости для населения предпенсионного и пенсионного возраста как инструмента нивелирования социальных (демографических) и экономических рисков в условиях новой индустриализации.

Методы. Решение исследовательских задач выполнялось с помощью стандартных методов монографического и критического анализа источников информации о последствиях пенсионной реформы и статистики занятости пожилого населения. Поиск гипотез осуществлялся на основе методов логического анализа и прогностического подхода.

В средствах массовой информации пенсионная реформа, повышение возрастных границ выхода на пенсию объясняются негативными количественными и структурными сдвигами в составе населения, вызванными сокращением рождаемости и наличием потенциальных возможностей увеличения активного возраста долголетия. Статистика народонаселения подтверждает, что того количества детей, которое рождается в современных семьях, недостаточно даже для простого воспроизводства населения. Форма демографической «пирамиды населения» уже давно не отражает свое название, имеет почти перевернутый вид: доля населения старших возрастов существенно выросла, соответственно «нагрузка» на занятое население — тоже.

В качестве самостоятельного направления в дискуссии по поводу пенсионной реформы можно выделить работы, где принята попытка спрогнозировать и систематизировать последствия повышения пенсионного возраста российских граждан [2; 3]. Основное внимание в указанных работах уделяется негативным аспектам, которые выделяются на основе положений классической теории определения риска. Проработаны две группы рисков: социальные и экономические. Интересным решением, по мнению автора, является разделение экономической группы на финансовые (денежные) и нефинансовые (неденежные) риски. Их можно еще интерпретировать как явные и неявные. Явных рисков, тех, которые можно просчитать финансово, в два раза меньше, чем неявных. К ним отнесены такие негативные последствия, как: сокращение собираемых налогов; увеличение расходной части социальных фондов РФ; рост выплат на пособия по безработице; сокращение ставок заработной платы

и как следствие снижение платежеспособного спроса, формирующего рынок продаж — источник прибыли для российского бизнеса. К нефинансовым последствиям относятся риски роста теневой экономики, снижения темпов роста производительности труда, возникновение дополнительных потерь рабочего времени и даже сокращение цен на недвижимость, сопровождающееся кризисом в строительной сфере, иные негативные последствия.

В составе многочисленных социальных рисков выделим неожиданный и необычный на первый взгляд вывод о наличии причинно-следственной связи, цепочки возможных событий: повышение пенсионного возраста — рост работающих бабушек и дедушек — сокращение времени помощи по воспитанию внуков — рост «отложенных» решений о рождении детей в молодых семьях — сокращение рождаемости [9].

Вывод по результатам обобщения последствий от повышения пенсионного возраста заключается в следующем. Необходима разработка системы мер по предотвращению наступления указанных выше рисков. К такому же выводу приходят и другие исследователи. Е. А. Морозова и А. Н. Челомбитко, проведя экономико-статистический анализ статистики занятости населения России с применением эконометрических методов за период с 2004 по 2014 г., выявили, что занятость пожилых людей не отвечает критериям эффективности ни по размеру заработной платы (ее конкурентоспособности в сравнении со средней), ни по качеству условий занятости. Пожилые люди часто соглашаются на любые, даже дискриминационные условия труда. Особняком выделяется группа пожилых руководителей и специалистов высшей квалификации, которые незначительно теряют в заработной плате [4]. В целом аналитика указанных авторов свидетельствует о том, что и численность занятых, и уровень экономической активности пожилых граждан, к которым они относят людей старше 60 лет, будет нарастать, причет достаточно динамично. Согласимся с выводом авторов, что ресурсная значимость для рынка труда граждан в возрасте «60+» становится все ощутимее. В настоящее время назрела потребность поиска, разработки и апробации эффективной модели занятости и реализации «серебряного» человеческого капитала.

Уточним авторский подход по поводу критерия отнесения граждан к категории «серебряный возраст». Строго говоря, тер-

мин «серебряный» не имеет научной платформы, он введен в современный научно-практический словарь как проявление некоей «политкорректности» в отношении граждан пенсионного возраста. Прослеживается аналогия с ситуацией по поводу замены термина «негр» на термин «афроамериканец». Возрастные рамки серебряного возраста однозначно не определены. В научных публикациях, в интервью государственных чиновниках, в национальных проектах речь идет о возрасте «50+» или «60». Автор солидарен с позицией, что «серебряный возраст» и «пожилой возраст» — взаимозаменяемые термины, которые идентичны друг другу по признаку возрастных границ. К людям пожилого возраста авторитетные международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) относят население от 60 до 74 лет. Следовательно «серебряный возраст» тоже должен быть ограничен возрастными рамками в интервале от 60 до 74 лет. По мнению ВОЗ уровень современного развития медицины позволяет сохранять здоровье и активность длительное время, поэтому согласно ее классификации старческий возраст наступает лишь с 75 лет, а к долгожителям следует относить людей от 90 лет и старше. Однако в нашей стране уровень здоровья и активности населения старших возрастов отстает от стран с более зрелой экономикой. Проблемы с трудоустройством усиливаются до наступления пенсионного возраста [6]. Считаю целесообразным относить к серебряному возрасту три группы: граждан от 50 до 59 лет; граждан в возрасте от 60 до 64; граждан старше 65, но моложе 75 лет. По нашему мнению, все три возрастные группы серебряного возраста нуждаются в дополнительном внимании в рамках политики занятости, так как человеческий капитал указанных групп имеет свою специфику.

Теория человеческого капитала завоевала научное признание достаточно давно, к настоящему времени реализовано многочисленное количество исследований, тем не менее теория до сих пор развивается. Существуют многочисленные трактовки содержания термина «человеческий капитал», можно встретить довольно широкие определения, мы же в контексте наших целей исследования ограничимся более узким его пониманием, которое отражено в трудах В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшников, а конкретно в коллективной монографии, посвященной исследованию характеристик «российского работника» [5].

Таким образом, под «серебряным» человеческим капиталом автор предлагает понимать совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных характеристик действующих и потенциальных работников в возрасте от 50 до 74 лет включительно. Генеральной идеей будущих исследований в области разработки эффективных моделей управления использованием серебряного человеческого капитала является поиск нестандартных форм занятости, подходящих для специфических особенностей данной категории. В дискуссионном плане выдвигаем следующую гипотезу. Через 5–10 лет в условиях цифровой трансформации, как база новой индустриализации экономики, в состав серебряного человеческого капитала вступят когорты населения, обладающие достаточным уровнем цифровой грамотности, способные эффективно применять современные информационно-коммуникационные технологии. Использование серебряного человеческого капитала на условиях дистанционной занятости будет иметь высокую экономическую и социальную эффективность. Данная форма позволит снизить негативные риски повышения пенсионного возраста, в том числе есть вероятность предотвращения, сокращения негативного влияния роста количества работающих бабушек и дедушек на показатели рождаемости.

Библиографический список

1. Вишневецкий А. Г., Васин С. А., Рамонов А. В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88–109.
2. Кулькова И. А., Шарин В. И. Типологизация прогнозируемых негативных последствий повышения пенсионного возраста в России // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4(40). С. 300–305.
3. Курганова В. А. Какие проблемы может повлечь повышение пенсионного возраста в России // Молодой ученый. 2016. № 2(106). С. 527–530.
4. Морозова Е. А., Челомбитко А. Н. Тенденции развития занятости пожилых людей в российской экономике // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 29–32.
5. *Российский работник: образование, профессия, квалификация* / Т. А. Биляк, Н. Т. Вишневецкая, В. Е. Гимпельсон и др. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

6. Садкова И. В. Особенности трудоустройства людей предпенсионного возраста // Human Progress. 2019. Т. 5, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_2/Sadkova.pdf.

7. Синявская О. В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // СПЕРО. 2010. № 13. С. 187–210.

8. Челомбитко А. Н. Формирование и развитие занятости пожилых людей в современной экономике России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2018.

9. Шарин В. И., Кулькова И. А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 40–50.

О. С. Мирошниченко

Моделирование стабильного развития банковского сектора с учетом волатильности объясняющих переменных: подходы зарубежных авторов¹

В результате исследования установлено, что при моделировании стабильного развития банковского сектора в зарубежной научной литературе решается ряд проблем, включая такие как наличие «выбросов» в выборочной совокупности данных объясняющих переменных, неоднородность объектов, по которым формируется массив данных.

Ключевые слова: макроэкономическая стабильность; достаточность капитала банка; индикаторы финансовой устойчивости.

Обеспечение макроэкономической финансовой стабильности и ее составляющей — стабильности национального банковского сектора, привлекает внимание российских и зарубежных исследователей, национальных и международных финансовых регуляторов. Само понятие финансовой стабильности до конца не определено, не выработано единой точки зрения на показатели, позволяющие ее оценивать и прогнозировать. Дискуссионными вопросами являются также методические подходы к расчету показателей, используемых в качестве индикаторов финансовой стабильности / нестабильности, периодичности сбо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00801.

ра и публикации показателей в разных странах¹. Вместе с тем выделяется несколько признаков макроэкономической финансовой стабильности (см., например, [7]). Прежде всего отмечается, что стабильности как характеристике состояния присущи некоторая неизменность, постоянство. Для оценки неизменности как свойства финансовой стабильности Международный валютный фонд рекомендует использовать специальные показатели — индикаторы финансовой устойчивости. Значительная часть указанных индикаторов относится к оценке так называемых депозитных финансовых учреждений, банков и направлена на оценку стабильности банковского сектора. В составе указанных индикаторов финансовой устойчивости, получивших название макропруденциальных, такие показатели, как: отношение регулятивного капитала к активам, взвешенным с учетом риска (в России — норматив достаточности капитала Н1.0); отношение основного капитала к активам, взвешенным с учетом риска (в России — норматив достаточности основного капитала Н1.2); отношение базового капитала (основного капитала) к активам, взвешенным с учетом риска (в России — норматив достаточности базового капитала Н1.1); показатель финансового рычага (в России — норматив достаточности капитала Н1.4); отношение неработающих кредитов (кредитов с просроченными платежами свыше 90 дней) за вычетом резервов к величине капитала (в России не является обязательным нормативом); доля неработающих кредитов в кредитном портфеле; отраслевая структура кредитного портфеля для оценки концентрации риска контрагента; резервы по неработающим кредитам; рентабельность активов и рентабельность регулятивного капитала; отношение процентной маржи к валовому доходу банков; доля непроцентных расходов в валовых доходах; отношения ликвидных активов к совокупным активам и к краткосрочным обязательствам банковского сектора; коэффициент краткосрочной ликвидности; чистый коэффициент стабильного финансирования; др. На основании результатов, полученных при исследовании причин мирового финансово-экономического кризиса 2007 г., важным ин-

¹ *Financial Soundness Indicators: Compilation Guide* (2019) — Prepublication draft. URL: <https://www.imf.org/en/Data/>.

дикатором макроэкономической финансовой устойчивости в целом и стабильности банковского сектора признаны цены на жилую недвижимость.

Большинство указанных показателей имеет установленное нормативное значение, и в разные периоды времени значения показателей существенно не различаются. С другой стороны, заметное отклонение в какой-либо период от обычных значений может быть сигналом изменения состояния стабильности.

Помимо неизменности, некоторого постоянства финансовой стабильности присущи также такие свойства, как способность обеспечивать макроэкономическую стабильность в целом, удовлетворять потребности экономических агентов в финансовом обслуживании, а также способность самовывявления слабых, неустойчивых элементов микроуровня (для банковского сектора — неустойчивых кредитных организаций), формирующих финансовые дисбалансы, и поглощение потенциальных рисков от деятельности неустойчивых элементов, при этом сохраняя некоторую неизменность значений макропруденциальных показателей.

Банк России на регулярной основе публикует макропруденциальные показатели российского банковского сектора. В составе публикуемых показателей достаточности капитала российских кредитных организаций приводятся значения показателя достаточности регулятивного капитала Н1.0 (Н1), достаточности основного капитала Н1.2 и отношение активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам.

В таблице приведены значения макропруденциальных показателей достаточности капитала российского банковского сектора в 1999–2019 гг.

**Макропруденциальные показатели достаточности капитала
российского банковского сектора в 1999–2019 гг., %**

Дата	Показатель достаточности собственных средств (капитала) Н1.0	Показатель достаточности основного капитала (Н1.2)	Отношение активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам
01.01.99	11,5	11,8	67,8
01.01.00	18,1	16,4	53,0
01.01.02	20,3	16,7	62,9
01.01.03	19,2	15,8	63,6

Окончание таблицы

Дата	Показатель достаточности собственных средств (капитала) Н1.0	Показатель достаточности основного капитала (Н1.2)	Отношение активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам
01.01.04	19,1	14,5	66,6
01.01.05	17,0	13,2	62,7
01.01.06	16,0	11,4	63,5
01.01.07	14,9	10,6	64,6
01.01.08	15,5	11,6	66,3
01.01.09	16,8	10,6	64,9
01.01.10	20,9	13,2	60,6
01.01.11	18,1	11,4	59,6
01.01.12	14,7	9,3	58,8
01.01.13	13,7	8,5	50,7
01.01.14	13,5	9,1	51,4
01.01.15	12,5	9,0	45,4
01.01.16	12,7	8,5	48,3
01.01.17	13,1	9,2	44,1
01.01.18	12,1	8,5	39,2
01.01.19	12,2	8,9	35,0
01.07.19	11,8	9,2	37,2

Примечание. Источник: *Макропруденциальные* показатели деятельности банковского сектора. Некоторые показатели финансовой устойчивости банковского сектора. // Обзор банковского сектора Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/bnksyst/>.

Наибольшие значения показателя достаточности капитала Н1.0 российский банковский сектор демонстрирует в посткризисные периоды (2000–2003 гг., 2009–2010 гг.). Одновременно банковский кризис 2014 г. не нашел аналогичного отражения в значении показателя достаточности капитала, что связано с ограниченными возможностями российского банковского сектора увеличить капитал и сократить риски в указанный период. С 2014 г. отечественный банковский сектор переходит на стандарты капитала Базель III, в соответствии с которыми показатель достаточности основного капитала Н1.2 является не оценочным, а обязательным нормативом. Динамика значения отношения активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам позволяет сделать вывод о снижении доли кредитного риска по балансовым инструментам в совокуп-

ных рисках российского банковского сектора, для покрытия которых должен быть достаточен регулятивный капитал.

При моделировании стабильности банковского сектора, макропруденциальные показатели используются исследователями в качестве зависимых переменных. Объясняющие переменные, оказывающие влияние на стабильность банковского сектора, в разных исследованиях различаются.

При построении моделей исследователями решается проблема «выбросов» в совокупности данных объясняющих переменных, для чего из выборочной совокупности исключаются максимальные и минимальные значения (см., например, [5]); использование средних значений в течение определенных временных интервалов анализируемого периода имеет ряд важных недостатков (см.: [2; 4]). С этим связана необходимость решения вопроса о параметрах выбросов, которые подлежат исключению. В некоторых случаях исключаются минимальные и максимальные значения в течение каждого временного интервала (например, минимум и максимум в течение каждого года анализируемого периода). Иной исследовательский подход к решению проблемы «выбросов» предполагает разделение всего массива значений объясняющей переменной на процентиля, установление границ доверительного интервала и исключение из выборки значений, не попадающих в доверительный интервал, например, менее 2 % и более 98 % значений соответствующей выборки (см., например, [1]).

Еще одной проблемой, которую решают исследователи при моделировании стабильного развития банковского сектора с учетом волатильности объясняющих переменных, является неоднородность объектов, по которым формируется массив данных. Применительно к банковскому сектору речь может идти о различиях характеристик кредитных учреждений. Так, исследователи обращают внимание на необходимость разделения в выборочной совокупности данных показателей, например, системно значимых и прочих банков, крупных и иных банков (в частности, по показателю величины активов), банков, деятельность которых распространяется на территории всей страны, и банков, деятельность которых ограничивается территорией региона. В исследованиях, посвященных исламскому банкингу, дополни-

тельно могут вводиться разграничения, связанные со степенью реализации разными банками религиозных принципов при осуществлении своей деятельности (см., например, [6]).

Для решения указанной проблемы в современных исследованиях широко применяется прием включения фиктивной переменной — дамми. При этом если данные по определенному показателю принадлежат одной совокупности объектов (например, крупным банкам), то дамми приобретает значение единицы, в противном случае, когда данные по тому же показателю принадлежат другой совокупности объектов (всем прочим банкам, не отнесенным к крупным), дамми приобретает значение нуля (см., например, [1]). Дамми могут использоваться также при установлении доверительных интервалов значений выборочной совокупности.

Иным решением проблемы неоднородности объектов, по которым формируется массив данных для моделирования, выступает матричный подход. Например, М. Бреи с коллегами [3] для выявления различий между регионами применяет метод многомерного анализа — динамический метод, который позволяет анализировать многомерные (многоходовые) явления, выражаемые в виде трехсторонних матриц: случаи i , переменные j , время t . Метод основан на изучении трехсторонней матрицы данных X_{ijt} , полученной из временной последовательности матриц данных того же порядка, где i — статистическая единица, а j — переменная. Обе они относятся к периоду t ($i = 1, 2, \dots, I$; $j = 1, 2, \dots, J$; $t = 1, 2, \dots, T$).

Таким образом, для решения проблем, возникающих при моделировании стабильного развития банковского сектора, исследователями применяются различные статистические приемы. Разнообразие исследовательских подходов обуславливает необходимость проверки надежности полученных результатов, как путем использования альтернативных переменных, альтернативных доверительных интервалов, так и путем апробации модели на данных других стран.

Библиографический список

1. *Abedifar P., Molyneux P., Tarazi A.* Non-interest income and bank lending // *Journal of Banking & Finance*. 2018. Vol. 87. P. 411–426.

2. *Beck T., De Jonghe O., Schepens G.* Bank competition and stability: Cross-country heterogeneity // *Journal of Financial Intermediation*. 2013. Vol. 22, issue 2. P. 218–244.

3. *Brei M., Ferri G., Gambacorta L.* Financial structure and income inequality // CEPR Discussion Paper. 2018. No. DP13330. URL: <https://ssrn.com/abstract=3290522/>.

4. *Creel J., Hubert P., Labondance F.* Financial stability and economic performance // *Economic Modelling*. 2015. Vol. 48. P. 25–40.

5. *Hadi A., Rahmatullah I., Werner M.* Detection of outliers // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics*. 2009. Vol. 1. P. 57–70.

6. *Ibrahim M. H.* Business cycle and bank lending procyclicality in a dual banking system // *Economic Modelling*. 2016. Vol. 55. P. 127–134.

7. *Schinasi G. J.* Defining Financial Stability // IMF Working Paper. 2004. No. 04/187. URL: <https://ssrn.com/abstract=879012/>.

Е. П. Дятел, О. Н. Бучинская

Субструктуры общественного производства и жизнедеятельности людей: экономическая роль и способы классификации

Рассматриваются вопросы структурного деления составляющих экономических процессов. Показывается особое место экономических субструктур общественного производства различного уровня в экономике. Вводится в оборот понятие экономической ультраструктуры.

Ключевые слова: экономическая инфраструктура; экономическая ультраструктура; структура общественного производства.

В процессе развития экономической теории (политической экономии и микроэкономики) выработаны и приняты научным сообществом следующие базовые определения: 1) в основе хозяйственной деятельности лежит определенная система производственных отношений, обладающая своей исторически сложившейся структурой [2, с. 7; 6, с. 161]; 2) в качестве предмета экономической науки основатели неоклассики определяют «человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [4, с. 14]. Последние приобретают экономическое значение, если их присвоение осуществляется в системе разделения труда и опосредующих его отношений собственности. В то же время вопрос об использовании указанных катего-

рий для анализа конкретных хозяйственных явлений и процессов является предметом дискуссии. Р. Коуз охарактеризовал неоклассику как «экономическую теорию классной доски» [1, с. 24]. Между нею и хозяйственной практикой пролегает территория прикладных экономических исследований, которая также нуждается в понятийном осмыслении и специфических методах анализа. В качестве сравнительно нового методологического подхода упомянем приобретающую права гражданства в российской экономической литературе «рациональную эклектику», обосновывающую соединение в качестве органического целого относительно разнородных факторов.

Одним из ключевых понятий, позволяющих осуществить переход от экономической теории к прикладной экономике, считается производственная функция: $Q = f(K, L)$, где K — капитал, L — труд. В производственной функции ведущую роль играют базовые экономические категории — труд и капитал, представляющие, с одной стороны, в форме производственных отношений, с другой — как конкретные экономические феномены. В последнем случае производственные отношения рассматриваются в диалектическом единстве со своей материальной основой — условиями и материально-вещными факторами производства, с учетом форм их технологической, управленческой, правовой организации. Например, в соответствии с различием между технологической и экономической эффективностью выбор оптимального варианта производственного процесса часто описывается как инженерно-техническое решение, за которым следует экономическое решение. Инженер отбирает технологические процессы, характеризующиеся минимальными потребностями в ресурсах, отбрасывая все те, которые являются технологически неэффективными. Затем наступает очередь экономиста, оценивающего альтернативную ценность этих решений. Иными словами, труд и капитал являются экономическими субстанциями, определяющими структуру общественного производства. Все остальные факторы и условия предстают как субструктуры, влияющие на характер производственного процесса, но не определяющие его существенные черты.

Субструктуры могут быть *материальными*, или созданными природой — то, что в англоязычной литературе определяют через «other factors of production (raw materials, land, energy,

etc.)»; *имматериальными* — то, что К. Маркс называл «объективными мыслительными формами» [3, с. 86], которые находят свое выражение в определяющей поведении людей системе организационных, правовых и этических норм, деловых оборотов, управленческих решений и т. п.; *технологическими* — воплощающими единство материального и идеального в системе средств и условий производственной и иной хозяйственной деятельности человека.

Определение указанных трех составляющих общественно-го производства мы называем субструктурами, исходя из того, что «*структура*» *выражает специфическую сущность рассматриваемого явления*. Как отмечалось, экономические явления и процессы характеризуются исторически сложившейся структурой производственных отношений. Но ясно, что существуют *природные структуры*, например, речная сеть, которая может быть использована для судоходства, географически обусловленное распределение плодородных земель, половозрастное или территориальное разделение обязанностей между людьми и т. д.; *информационные структуры*, являющиеся продуктом общественной жизнедеятельности; *технологические структуры*, обусловленные различными потенциальными способами сознательного использования материально-вещественных, энергетических, информационных объектов. Проблема заключается в том, каким способом указанные структуры и лежащие в основе их формирования факторы входят в экономический оборот, т. е. становятся экономическими благами.

Экономическими называются такие блага, количество которых недостаточно для удовлетворения потребности в них. Разумеется, речь идет об общественной потребности, получающей свое выражение в стоимостной форме, т. е. отражающей альтернативные издержки индивида и общества, которые они готовы нести для получения этих благ. Соответственно, последние получают форму частных или общественных благ. Частные блага — продукт деятельности (экономического поведения) индивида, созидание общественных благ — прерогатива социума, т. е. государства или (по отношению к клубным благам) коллективного собственника, например членов ТСЖ (товарищества собственников жилья). Частными и общественными благами мо-

гут становиться любые объекты собственности: природного, технологического, информационного происхождения. Экономические различия определяются исходя из их функционального назначения. Частные блага выступают в качестве активов, приносящих доход индивидуальному собственнику. Они превращаются в основной и оборотный капитал или в человеческий капитал, реализующийся посредством трудовой деятельности индивида. Общественные блага обеспечивают условия хозяйственной деятельности индивида и общества. Их отличие от капитала и труда как факторов производства заключается в ином способе оценки затрат и выгод, получаемых от данных благ. Как правило, они оцениваются не по предельной, а по общей полезности. Встает вопрос о включении общественных благ в состав производственной функции. Могут ли они включаться в качестве факторов производства или их следует включать на правах неких технологических или иных коэффициентов? В этом случае как должны определяться такие коэффициенты и как они влияют на результаты производительной (трансформационной) или иной экономической деятельности?

Для решения поставленной задачи, по нашему мнению, имеет значение классификация общественных благ по указанному признаку. В настоящий момент они имеют общее наименование — *инфраструктура*, которая в свою очередь делится на твердую и мягкую инфраструктуру, а внутри этого деления вводятся дополнительные разделы и категории. По нашему мнению, было бы правильным наряду с понятием (твердой) инфраструктуры, привязанной к природной материальной основе, ввести новое понятие, отражающее специфику нематериальной составляющей условий человеческой деятельности. В связи с тем что термин «ультраструктура» уже используется в экономическом обороте [7, с. 66], мы применяем уточненный термин «*экономическая ультраструктура*». В рамках данного термина мы понимаем экономическую надстройку, объединяющую организационные структуры, влияющие на регулирование экономических и социальных отношений, разработку правил игры, условия взаимодействия экономических субъектов по отношению к факторам производства, качество данных факторов. В целом ультраструктура не ограничивается только экономическим ас-

пектом, включая в себя также правовые, политические и управленческие аспекты. Окончательное наименование этой составляющей следует увязать с более глубоким выяснением ее специфики и роли в организации хозяйственной и иной человеческой деятельности.

Необходимость изучения влияния экономической ультраструктуры несет глубокий региональный аспект, поскольку позволяет выявить причины неравномерного экономического развития схожих по своему ресурсному обеспечению регионов.

В настоящее время перед Уральским регионом стоят такие существенные проблемы, как снижение удельного веса Уральского макрорегиона в общем объеме ВРП, объеме отгруженной продукции; снижение инвестиционной привлекательности региона; снижение удельного веса региона в общероссийском значении объема затрат на технологические инновации, отставание общероссийской динамики производства инновационных товаров, работ, услуг; замедление динамики промышленного производства [5, с. 3–6].

Во многом данные проблемы представляются следствием структурных проблем. Снижение доли высокотехнологичной продукции, общих объемов производства может быть связано не только с макроэкономическими проблемами, обусловленными санкционным давлением на экономику или снижением работоспособного населения, но также с неэффективными правилами игры, не позволяющими сформироваться эффективной инновационной деятельности в регионе. Для выявления причин данных проблем необходим комплексный анализ не только производственной, но также инфраструктурной и ультраструктурной составляющих экономики региона. Изучение взаимодействия экономической ультраструктуры с прочими структурными составляющими общественного производства и жизнедеятельности способно внести вклад в решение таких задач регионального экономического развития, как: разработка индикаторов устойчивого развития регионов; повышение эффективности разработки стратегии регионального экономического развития; повышение эффективности применения мер государственного регулирования экономических процессов на микро- и макроуровне.

Это позволило бы выявить конкретный круг проблем для оценки инфраструктурных проектов, имеющих особое значение в условиях РФ и в частности Уральского региона.

Библиографический список

1. Коуз Р. Фирма, рынок и право: пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1993.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
4. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 10–23.
5. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управление. 2017. № 2(66). С. 2–10.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
7. Цветков А. Н., Салимьянова И. Г. Методика формирования и развития инновационных систем (национальной, региональной и инновационной системы предприятия) на основе метода структурной идентификации // Экономика и управление. 2012. № 2(76). С. 66–71.

А. А. Белостоцкий

Бюджетное финансирование национальных проектов и их влияние на научно-технологическое развитие России

Проведен анализ бюджетного финансирования национальных проектов и их влияния на научно-технологическое развитие России в рамках основных направлений развития государства до 2024 г.

Ключевые слова: бюджетное финансирование; национальный проект; научно-технологическое развитие; стратегическое планирование; бюджетная политика.

В современных условиях научно-технологическое развитие государства невозможно без создания благоприятных экономических условий, современной инфраструктуры, применения инновационных технологий, и, конечно, все эти меры требуют должного финансирования, в том числе бюджетного, в соответ-

ствии со Стратегией научно-технологического развития РФ¹ и Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Для достижения целей научно-технологического развития Российской Федерации необходимо создать благоприятные условия как для осуществления научно-исследовательской деятельности, так и для развития наукоемкого бизнеса, способного внедрять инновационные технологии в производство. Решение данных задач невозможно без эффективной системы проектного управления в области научно-технологических инноваций, что позволит увеличить приток инвестиций и повысить отдачу от капиталовложений в данную сферу, но это затруднительно без международного сотрудничества в области науки и технологий и эффективного интеграционного взаимодействия.

С точки зрения регионального развития инновации оказывают самое благоприятное воздействие на состояние бюджетной сферы и бюджетного планирования. В конечном итоге, помимо позитивных изменений в состоянии промышленного сектора, инфраструктуры территорий инновационное развитие субъектов РФ, безусловно, должно обеспечивать улучшение состояния региональных бюджетов и содействовать внедрению новых подходов в бюджетном планировании².

В качестве основных инструментов реализации целей развития страны, поставленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», следует рассмотреть национальные проекты, формируемые с учетом накопленного опыта организации проектной деятельности на федеральном и региональных уровнях (см. таблицу).

Значимость национальных целей развития с точки зрения бюджетной политики подчеркивается тем фактом, что для достижения указанных целей, включая ускорение темпов роста эко-

¹ *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642.

² *Истомина Н. А., Иваницкий В. П.* Влияние инновационности развития регионов Урала на состояние бюджетной сферы и бюджетного планирования // Урал — XXI век: макрорегион неоиндустриального и инновационного развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. (Екатеринбург, 15–16 октября 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. С. 160.

номики на уровне не ниже мировых, обеспечение роста реальных доходов населения и снижения бедности, обеспечение роста пенсий выше уровня инфляции, повышение качества и доступности здравоохранения и образования, создание современной комфортной инфраструктуры, при формировании проекта федерального бюджета бюджетные ассигнования на реализацию национальных проектов предусмотрены в приоритетном порядке.

**Параметры финансового обеспечения национальных проектов
(проект федерального бюджета на 2019–2021 гг.), млрд р.¹**

Национальные проекты	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019–2024
<i>Всего</i>	<i>1 685,5</i>	<i>1 862,7</i>	<i>2 084,8</i>	<i>2 512,5</i>	<i>2 452,8</i>	<i>2 341,3</i>	<i>13 032,0</i>
Демография	512,0	522,2	528,8	474,5	451,6	417,8	2 906,8
Здравоохранение	159,8	299,1	238,8	256,1	172,2	210,5	1 336,5
Образование	103,2	117,6	127,7	116,6	116,1	120,4	701,4
Жилье и городская среда	105,3	105,3	108,4	172,8	172,4	212,0	876,2
Экология	49,6	77,8	113,7	136,8	143,0	114,6	635,7
Безопасные и качественные автомобильные дороги	129,7	104,3	137,4	23,9	23,2	22,5	440,9
Производительность труда и поддержка занятости	7,1	6,9	6,9	7,4	7,1	8,3	43,7
Наука	35,2	41,4	53,5	80,4	97,9	91,4	399,7
Цифровая экономика Российской Федерации	107,9	128,7	177,9	258,3	217,0	218,9	1 108,7
Культура	12,7	13,6	16,7	19,9	21,0	16,1	100,0
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	57,3	32,5	46,8	94,9	91,4	72,6	395,4
Международная кооперация и экспорт	82,5	70,4	119,6	186,3	229,8	202,2	890,9
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	323,2	343,0	408,6	684,7	710,2	634,1	3 103,8

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <http://minfin.ru>.

При этом за счет уточнения подходов к бюджетной классификации обеспечено обособление бюджетных ассигнований на реализацию национальных проектов: для каждого национального проекта введено уникальное буквенное обозначение, которое присутствует в коде соответствующих федеральных проектов как структурных элементов государственных программ. Тем самым гарантируется полная прозрачность и возможность контроля использования бюджетных средств на реализацию национальных проектов.

В целях единства системы государственного стратегического планирования национальные проекты интегрированы с государственными программами Российской Федерации, что обеспечивается наличием у них общего структурного элемента — федерального проекта: национальный проект состоит из совокупности федеральных проектов, которые включаются в подпрограммы соответствующих государственных программ. При этом федеральные проекты одного и того же национального проекта, в зависимости от его специфики, могут быть включены как в одну, так и в несколько государственных программ.

Несмотря на такую интеграцию, особенностью национальных и входящих в их состав федеральных проектов является наличие особой системы управления, предусматривающей ускоренные процедуры принятия управленческих решений и постоянное участие в проекте руководства (Правительства РФ).

Достижение целей большинства национальных проектов, с учетом действующего разграничения полномочий между уровнями государственного управления, невозможно без участия регионов. В этой связи предполагается установление в федеральных проектах целевых показателей в разрезе субъектов РФ, а также введение механизмов координации и мониторинга мероприятий, реализуемых органами исполнительной власти субъектов РФ (в том числе с заключением соглашений между руководителями федеральных и региональных проектов).

Согласно Указу Президента РФ от 7 июня 2018 г. правительством были разработаны специальные нацпроекты по двенадцати основным направлениям развития нашей страны до 2024 г. Основной их целью является улучшение социальной и экономической ситуации в РФ, а также повышение качества

жизни, создание комфортных условий и возможностей самореализации для всех граждан страны. При этом на 12 национальных проектов планируется выделить 25,7 трлн р. до 2024 г. (рис. 1).

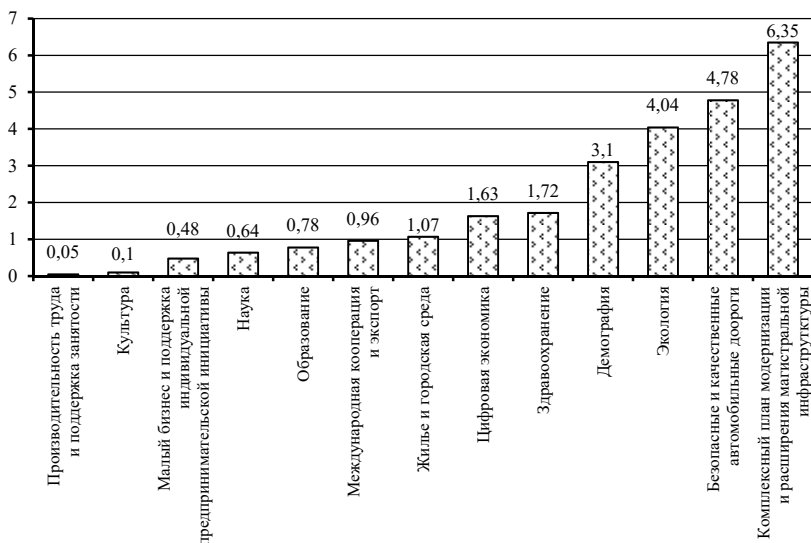

Рис. 1. Бюджетное финансирование национальных проектов до 2024 г., трлн р.

С целью научно-технологического развития государства по каждому национальному проекту предусмотрены приоритетные направления деятельности. В частности, в сфере здравоохранения: здоровосбережение нации, доступ населения к медицинским услугам, оптимизация сети медицинских организаций и увеличение экспорта медицинских услуг на внешние рынки до 1 млрд р. В области образования: повышение уровня образования общего типа с учетом национальных и исторических традиций и улучшение качества методических подходов к осуществлению образовательного процесса. В рамках национального проекта «Демография»: повышение коэффициента деторождения до 1,7 на одну женщину, рост доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и занимающихся спортом, до 55 % населения. В сфере культуры в качестве приоритетных направлений предлагается увеличить цифровизацию данного направления

в 5 раз и обеспечить долю времяпровождения граждан в культурных заведениях до 15 %. В рамках направления «Качество и безопасность автодорог» будет увеличено количество современных трасс, улучшены технологии строительства дорожного полотна и снижено число дорожно-транспортных происшествий. По направлению «Жилье и городская среда» планируется рост числа построенного жилья до 120 млн кв. м за год; улучшение качества жизни на 30 % в городской среде, уменьшение числа аварийного и ветхого жилья. В экологической сфере планируется более эффективное обращение с ТКО, уменьшение числа незаконных свалок; сокращение загрязнения водных объектов, создание специальных природных зон и увеличение количества возобновляемых лесных ресурсов. В научной сфере приоритетными целями являются вхождение России в пятерку передовых стран мира, увеличение бюджетного финансирования научной деятельности. В отношении малого бизнеса следует довести численность предпринимателей до 25 млн чел., долю вклада индивидуальных предпринимателей в ВВП России до 32,5 % и рост экспортируемых товаров и услуг, не являющихся сырьем, до 10 %. В рамках цифровизации экономики запланировано увеличение расходов на цифровизацию экономической деятельности в 3 и более раз, обеспечение информационной безопасности, защиты и качественной работы инфраструктуры, увеличение доли использования отечественного ПО в государственных структурах и бизнесе. В сфере занятости населения и производительности труда планируется рост производительности трудовых ресурсов на 5 % и более в год, а также рост количества несырьевых предприятий до 10 000 к 2024 г. и вовлечение всех субъектов в реализацию национальных проектов. В сфере внешнего экспорта и кооперации планируется увеличение выручки от экспортируемых несырьевых товаров и услуг до 250 млрд долл. в год, рост экспорта аграрной продукции до 45 млрд долл. в год, увеличение торгового объема со странами ЕАЭС более чем в 1,5 раза. Формирование комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры: повышение уровня экономического взаимодействия регионов, применение интеллектуального управления в 70 субъектах РФ, обеспечение минимального роста энергозатрат (не более 6 %).

Для достижения поставленных целей национальных проектов бюджетное финансирование будет обеспечиваться за счет следующих источников (рис. 2):

- 1) федеральный бюджет — 13,1 трлн р. (51,1 %);
- 2) бюджеты субъектов РФ — 4,9 трлн р. (19,1 %);
- 3) государственные внебюджетные фонды — 0,2 трлн р. (0,6 %);
- 4) внебюджетные источники — 7,5 трлн р. (29,2 %).

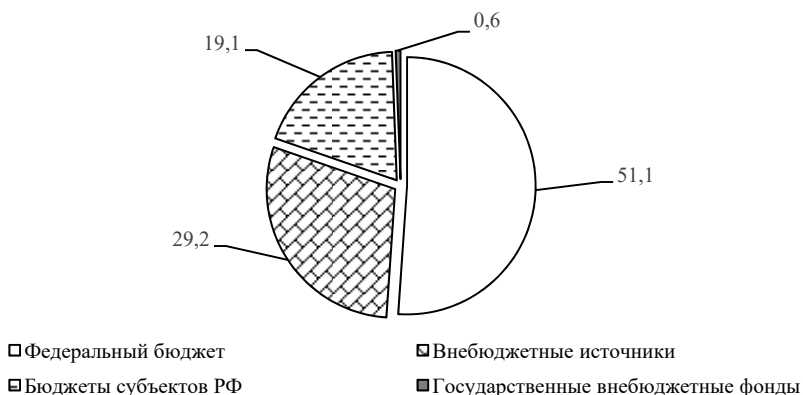

Рис. 2. Структура источников финансирования национальных проектов, %¹

Эффективное применение бюджетных ресурсов в финансировании национальных проектов в рамках научно-технологического развития позволит более активно развивать наукоемкие отрасли и увеличить долю выпуска высокотехнологичных товаров в ВВП государства, что будет способствовать как развитию инновационных производств и их выходу на мировые рынки, так и повышению конкурентоспособности России в рамках стратегии научно-технологического развития². Для этих целей преж-

¹ *Национальные проекты Российской Федерации до 2024 г.* // Финансовая социальная платформа «Финансовая возможность». URL: http://fincan.ru/articles/92_nacionalnyje-projekty-rossijskoj-federacii-do-2024-goda/.

² *Об утверждении плана реализации Стратегии научно-технологического развития России* // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru>.

де всего необходимо разработать эффективную систему осуществления научных исследований и увеличить долю как бюджетных, так и частных инвестиций, что позволит улучшить социально-экономические показатели развития регионов, повысить уровень доходов населения и укрепить позиции государства в международных рейтингах.

Л. М. Капустина

Транспортно-логистическое обеспечение экспорта газа в контексте реиндустриализации России

В статье анализируются проекты транспортировки трубопроводного и сжиженного природного газа на экспорт с позиции их влияния на процесс реиндустриализации российской экономики. Выявлены основные тренды в развитии мирового рынка газа, систематизированы данные о действующих и строящихся газопроводах, сделан вывод о разнонаправленном воздействии газового бизнеса на обрабатывающую промышленность России.

Ключевые слова: газопровод; сжиженный природный газ; газозов; «голландская болезнь»; рынки будущего.

Все больше экономистов и политиков отмечают, что принятие концепции постиндустриального общества уменьшило роль промышленности в социально-экономическом развитии стран мира. В последнее десятилетие приходит понимание значимости индустриальных технологий для формирования сервисной и экологоориентированной экономики, что повышает актуальность исследования проблем реиндустриализации.

В международном разделении труда за Россией закрепились роль энергетической державы, крупнейшего экспортера газа. Так, Энергетическая стратегия России до 2035 г. предусматривает рост добычи газа до 885, экспорта — до 317 млрд куб. м, при этом целевые показатели Стратегии до 2020 г. достигнуты в полном объеме. Как наращивание поставок газа на зарубежные рынки увязывается с целями повышения конкурентоспособности российской экономики в формирующемся новом технологическом укладе, с увеличением несырьевого экспорта и ростом инновационного уровня всех сфер общества? В данной статье рассматриваются проекты строительства новых

газопроводов и транспортировки сжиженного природного газа (СПГ) с точки зрения мультипликативного эффекта, формирования спроса на продукцию обрабатывающей промышленности и услуги высокотехнологичных компаний.

В научной литературе много внимания уделяется исследованию влияния высокой обеспеченности стран невозобновляемыми ресурсами на их экономическое развитие и уровень доходов населения. Широкое распространение получили понятия «голландская болезнь» и «ресурсное проклятие» в отношении стран со слабыми институтами, ориентированными на экспорт природного сырья. «Голландская болезнь» означает деиндустриализацию экономики страны — экспортера сырья по причине укрепления национальной валюты и сокращения инвестиций в обрабатывающую промышленность [2].

Российская экономика с 2014 г. находится под экономическими санкциями и запретом экспорта в страну высокотехнологического оборудования для нефтегазовой промышленности, что затруднило применение новейших технологий американских и европейских компаний. Однако данный фактор вызвал необходимость проведения политики импортозамещения и разработки стратегически значимых отечественных технологий, что запустило процесс реиндустриализации в России.

Современные исследования показывают, что торговые барьеры и экономические санкции могут стимулировать в стране, в отношении которой они применены, развитие рынков будущего, и в этом случае эффект «голландской болезни» нивелируется [5]. При этом под рынками будущего в рамках Национальной технологической инициативы понимаются отрасли, которые будут актуальны и получат наибольшее развитие через одно-два десятилетия [1]. Поэтому их можно рассматривать как отрасли новых технологических укладов и индустрии 4.0.

Несмотря на сырьевую модель российской экономики, в ВВП России обрабатывающая промышленность относительно значима, но критически мал размер высокотехнологического сектора и объем производства машин и оборудования, определяющих развитие рынков будущего, что делает актуальным ориентацию промышленной политики на ускоренную реиндустриализацию. Так, по объему производства продукции обраба-

тывающей промышленности Россия уступает Китаю в 32 раза, США — в 11 раз, Японии — в 4,8 раза, Германии — в 3,6 раза, Республике Корея — в 2,6 раза¹. Аналитики J'son & Partners Consulting в своем исследовании пришли к выводу, что получение в России наибольшего эффекта от современной цифровизации производства требует проведения реиндустриализации. Оцифровке и созданию электронных двойников подлежат физические объекты индустрии 2.0 и 3.0, которые в значительной степени были разрушены в постсоветский период.

Вместе с тем Россия стремится усилить свои позиции на мировом рынке газа, газовые компании инвестируют значительные финансовые ресурсы в мощности по добыче и транспортировке газа, что может ограничивать или стимулировать развитие новейших отраслей экономики и индустрии 4.0. В таблице представлена динамика добычи и экспорта газа из России за 10 лет.

Добыча и экспорт газа из России, млрд куб. м

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Объем добычи	665	583	651	671	655	668	642	635	640	691	725
Экспорт	195	168	178	190	179	196	174	185	199	213	225
Экспортная цена, долл. за тыс. куб. м	354	249	269	339	348	336	314	225	157	182	223

Примечание. По данным ЦБ РФ, Росстат.

В 2019 г. добыто, по предварительной оценке, 738 млрд куб. м газа, что является рекордом за последние 19 лет. При этом экспорт газа в 2019 г., по данным Минэнерго, прослеживался в объеме 247 млрд куб. м². На зарубежные рынки поставляется 33,5 % добываемого в стране газа. Однако настораживает тренд ухудшения конъюнктуры мирового рынка газа, превышения предложения над спросом и снижения экспортных

¹ *Обработывающая* промышленность в России и мире (сравнительный анализ 13 стран). JSON.TV. Август 2018 г. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/obrabatyvayuschaya-promyshlennost-v-rossii-i-v-mire-sravnitelnyy-analiz-13-stran-20180816061422/.

² *Минэнерго* назвало ожидаемый объем экспорта газа из России по итогам 2019 года. URL: <https://rns.online/energy/Minenergo-nazvalo-ozhidaemii-obem-eksporta-gaza-iz-Rossii-po-itogam-2019-goda-2019-12-06/>.

цен. При цене ниже 100 долл. за 1 000 куб. м экспорт в Европу для газодобывающих компаний станет убыточным. Срок окупаемости вложенных ресурсов на газовые проекты может оказаться больше расчетного, что приведет к свертыванию инвестиционных проектов и уменьшению спроса на продукцию российской обрабатывающей промышленности, негативно скажется на вкладе газовой промышленности в реиндустриализацию экономики.

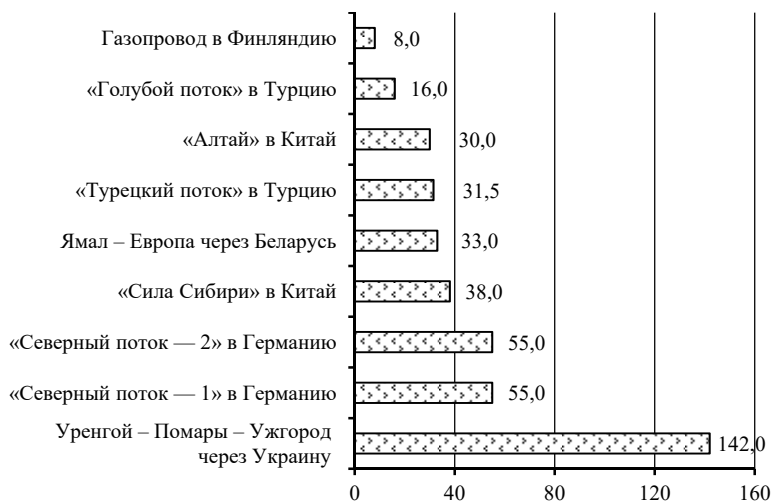
Если сравнивать с некоторыми газодобывающими странами, то доля обрабатывающей промышленности в ВВП России в размере 15 % больше, чем в Норвегии (11 %), но меньше, чем в Индонезии (26 %) [4, с. 54]. При этом РФ отстает от газодобывающих стран по расходам на образование и здравоохранение: 7 % ВВП против 14 % в Норвегии. Низкие вложения в человеческий капитал могут стать препятствием для реиндустриализации. Вместе с тем исследования П. Н. Тимошенко и В. Н. Парахиной свидетельствуют о высоких темпах роста выпуска инновационной продукции в РФ, в частности с 2011 по 2015 г. [6, с. 44].

Производственные мощности по добыче газа в России позволяют наращивать экспорт, но ограничены спросом на важнейших рынках сбыта, поэтому перед «Газпромом» стоит задачи диверсификации маршрутов транспортировки газа потенциальным и текущим потребителям. Реализован проект строительства газопровода «Сила Сибири» (объем прокачки газа 38 млрд куб. м), в декабре 2019 г. в Китай впервые был поставлен трубопроводный газ. При этом все трубы большого диаметра для данного газопровода были произведены в России по уникальным технологиям, что обеспечило заказами отечественную металлургическую промышленность. Проектируется строительство газопровода «Сила Сибири — 2» («Алтай»), который будет доставлять 30 млрд куб. м газа в Западный Китай.

В начале января 2020 г. запущен «Турецкий поток» мощностью 31,5 млрд куб. м. Планируется к вводу в 2021 г. «Северный поток — 2», который позволит довести мощность газопроводов по дну Балтийского моря из России в Германию до 110 млрд куб. м. Экономические санкции США в отношении компаний, участвующих в реализации данного газопровода, вызвали необходимость собственного производства судов-тру-

боукладчиков, на организацию которого может потребоваться 4–5 лет.

На рисунке представлены мощности действующих и проектируемых магистральных газопроводов, обеспечивающих экспорт газа из России.

Мощности экспортных газопроводов России, млрд куб. м¹

ПАО «Газпром» принадлежит крупнейшая в мире газотранспортная система протяженностью 172,6 тыс. км. Компания поставляет газ в более чем 30 стран мира. Система действующих газопроводов позволяет прокачивать в год 323 млрд куб. м газа. Если добавить мощности строящихся и проектируемых газопроводов, то они превысят 400 млрд куб. м в год. При текущем уровне экспорта газа в Европу ввод в эксплуатацию «Северного потока — 2» и «Турецкого потока» на полную мощность сохранит потребность в транзите через Украину еще два десятилетия². По условиям нового транзитного контракта «Газ-

¹ По данным официального сайта ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru>.

² Эксперты заявили о невозможности отказа от транзита газа через Украину / РБК. 5 нояб. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/11/2019/5dbbf9f99a7947bf7ec1cff8/>.

пром» обязан прокачать через Украину 65 млрд куб. м в 2020 г. и по 40 млрд куб. м ежегодно в четыре последующих года¹. Для сравнения: в 2018 г. через ГТС Украины было экспортировано в Европу 86,8 млрд куб. м газа². Болгария с 1 января 2020 г. получает газ из России, минуя Украину, через «Турецкий поток». Также объемы украинского транзита сократились вследствие переориентации Турции на прямые поставки газа из России. В 2023 г. у «Газпрома» отпадет необходимость использовать ГТС Украины для поставки газа в Словакию, Румынию, Венгрию и Австрию. Поэтому ПАО «Газпром» ориентировано на вывод избыточных мощностей Центрального газотранспортного коридора.

В целях национальной безопасности в 2019 г. реализован инновационный проект по обеспечению Калининградской области сжиженным природным газом. В эксплуатацию введены первый в России терминал по приему газа и плавучая регазификационная установка «Маршал Василевский». Ключевым элементом терминала является стационарный морской причал с волноломом — уникальный для отечественной практики технологический объект. Процесс регазификации начинается на судне после его швартовки к причалу. Затем газ, переведенный в газообразное состояние, направляется в существующую газотранспортную систему через построенный 13-километровый газопровод-подключение.

В последние годы наметился отчетливый тренд на замещение трубопроводного газа сжиженным (СПГ) и изменение модели ценообразования от цен, устанавливаемых по долгосрочным контрактам, к спотовым ценам, формируемым на газовых хабах. На СПГ в мировом экспорте газа приходится одна треть, и эта доля растет [3, с. 555]. Зарубежные исследователи отмечают, что ПАО «Газпром» опоздало с выходом на инновационный и быстро растущий рынок СПГ [7]. В 2014 г. на Россию приходилось лишь 4 % международной торговли СПГ.

¹ *Соглашение «Нафтогаза» и «Газпрома»*. Главное // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/12/2019/5e0b30409a7947f5f55c4ee5/>.

² *Большое газовое перемирие* // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/12/22/rossiia-i-ukraina-nashli-kompromiss-po-voprosam-tranzita-gaza-v-evropu.html>.

Частная компания ПАО «НОВАТЭК» реализует «Ямал СПГ» с декабря 2017 г., а также приступила к новому проекту «Арктик СПГ», расширяет экспортные поставки СПГ в Европу, Латинскую Америку и Азию. «Ямал СПГ» в 2019 г. достиг производства СПГ в объеме 5 % от мирового показателя. СПГ впервые доставлен в Китай по Северному морскому пути всего за 19 дней по сравнению с 35 днями поставки по традиционному маршруту через Суэцкий канал¹. Этот рейс открыл новую эру в поставках российского СПГ на растущие рынки стран АТР. Инфраструктура для отгрузки СПГ на экспорт состоит из отгрузочной эстакады с двумя причалами в порту Сабетта, оборудованном ледозащитными сооружениями. Для транспортировки СПГ используются танкеры усиленного ледового класса «Arc7». Наличие 15 танкеров ледового класса создало с 2020 г. дополнительные возможности по оптимизации логистики.

Развитие проектов СПГ формирует спрос на разработку российских технологий сжижения газа, ледового усиления для газозовов, строительство отечественных газозовов для снижения себестоимости транспортировки СПГ, что способствует развитию высокотехнологического сектора и передового машиностроения.

Таким образом, с одной стороны, расширение добычи и экспорта газа снижает конкурентоспособность ряда отраслей обрабатывающей промышленности вследствие дефицита инвестиционных ресурсов. С другой стороны, строительство газопроводов, реализация проектов по добыче и экспорту СПГ в условиях экономических санкций и эмбарго на ввоз в РФ оборудования и технологий для нефтегазодобывающих компаний стимулируют развитие отечественного производства продукции рынков будущего и тем самым вносят вклад в процесс реиндустриализации экономики. Транспортно-логистическое обеспечение экспорта газа также сопровождается ускорением социально-экономического развития регионов, на территории которых реализуется, в частности, Ямала, Арктики и Восточной Сибири. Вместе с тем позитивное влияние газового бизнеса снижается в условиях ухудшения конъюнктуры мирового рынка газа.

¹ Проект «Ямал СПГ». URL: <http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/>.

Библиографический список

1. *Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Малышева Е. В.* Глобализация стандартов как фактор развития рынков будущего // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 6. С. 7–18.
2. *Капустина Л. М., Асильмарданова Е. Ф.* Голландская болезнь российской экономики — миф или реальность // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XIX Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 2576–2583.
3. *Козьменко С. Ю., Маслобоев В. А., Матвишин Д. А.* Обоснование экономического преимущества морской транспортировки арктического природного газа в виде СПГ // Записки Горного института. 2018. Т. 233. С. 554–560.
4. *Кондратьев В. Б.* Отрасли и сектора глобальной экономики: особенности и тенденции развития. М.: Международные отношения, 2015.
5. *Лаврикова Ю. Г., Андреева Е. Л., Тарасов А. Г., Ратнер А. В.* Влияние глобальных экономических вызовов на развитие рынков будущего // Экономика и управление. 2019. № 9(167). С. 34–42.
6. *Промышленная политика и маркетинговые стратегии как драйверы развития новой экономики в условиях глобализации и диверсификации производства / Е. И. Алёхина, В. Ф. Байнев, О. А. Борис и др.; под ред. В. Н. Парахиной.* Ставрополь: СКФУ, 2018.
7. *Vatansever A.* Is Russia building too many pipelines? Explaining Russia's oil and gas strategy // Energy Policy. 2017. Vol. 108. P. 1–11.

Концепция «Умный город»: проблемы нормативного регулирования

Целью работы является анализ законодательства об «Умном городе». Установлено, что прилагательное «умный» в основном применяется для конструирования правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с применением компьютерных технологий. Отмечается, что содержание понятия «Умный город» находится в процессе трансформации. В настоящее время одним из важнейших трендов является переход от концепции «Умный город» к концепции «Умный регион».

Ключевые слова: цифровая реформа; «Умный город»; «Умный регион»; Интернет вещей, терминологический аппарат; цифровая платформа.

Как известно, в 2016 г. в РФ началась цифровая реформа. Через два года приступили к реализации ее важнейшей составной части — программы «Умный город». Она сразу же стала предметом серьезного внимания со стороны специалистов, так как «Исследования и разработки в проекте „Умный город“ — это очень сложные и долговременные задачи. Именно в нем накоплено и сконцентрировано наибольшее количество „социально чувствительных“ проблем, именно по их оперативному решению оценивается эффективность цифровой экономики» [7, с. 22].

В литературе отмечается, что данная программа поможет в достижении таких целей, как сокращение числа преступлений, повышение эффективности использования ресурсов, рост производительности труда, повышение уровня занятости и т. д. [5, с. 41]. Хотя уже очевидно, что некоторые ожидания являются, как минимум, завышенными и, соответственно, трудно реализуемыми.

Как и многие другие программы цифровой реформы, «Умный город» является результатом рецепции проектов специалистов экономически развитых стран, по мнению которых «концепция умного города возникла путем слияния двух трендов современности — урбанизации и цифровой революции» [10, р. 3] и состоит из трех компонентов: *информационно-коммуникационных технологий*, которые генерируют и агрегируют данные; *аналитических инструментов*, которые конвертируют

данные в полезную информацию, и *организационных структур*, которые поощряют сотрудничество, инновации и применяют эту информацию для решения общественных проблем¹.

Однако, как указывает немецкий специалист, единой модели Умного города не существует. «Подходы резко различаются в зависимости от идеологических убеждений или финансовых, кадровых и политических возможностей. Существуют конкурирующие системы, такие как ориентированный на государство и контроль подход Китая или стремление к защите данных и индивидуальному самоопределению в Европе» [9, s. 2].

В настоящее время происходит *взрывной рост словосочетаний с прилагательным «умный»* — *умная кухня, умный дом, умные контракты, умный железнодорожный вокзал* и т. д. Они, как правило, имеют совершенно разное функциональное назначение. Единственным объединяющим фактором этих инноваций является использование компьютерных технологий.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что *наделение статусом «Умного города» не влечет изменений в правовом статусе субъектов, участвующих в его создании и функционировании.*

В российском законодательстве уровень принимаемых нормативных актов явно не соответствует важности данной программы — термин «Умный город» в настоящее время содержится только в 38 нормативных актах. Причем правительственные акты являются в подавляющем большинстве случаев программными. Например, основной нормативный акт — Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») — был принят Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Примечательно, что в настоящее время нет ни одного федерального закона, содержащего данный термин.

В целом же следует отметить, что основная нагрузка по регулированию данной сферы общественных отношений возложена на региональные и муниципальные нормативные акты. Так, Московская область стала первым субъектом РФ, где реа-

¹ *Die intelligente Stadt — Smart City* URL: https://intelligente-stadt.com/de_de/.

лизация пилотных проектов «Умный город» подтверждена на законодательном уровне¹.

Еще одной серьезной проблемой является отсутствие *единообразия терминологического аппарата*. Например, понятие «Умный город» обозначается такими терминами, как *программа* (постановление Правительства Москвы от 9 августа 2011 г. № 349-ПП «Об утверждении Государственной программы города Москвы „Умный город“»), *ведомственный проект* (приказ Минстроя России от 9 декабря 2019 г. № 777/пр), *интеллектуальная система управления городской инфраструктурой* (распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р), *экосистема* (приказ Минфина России от 6 июня 2019 г. № 86н) и т. д.

Кроме того, содержание вышеназванного понятия также не унифицировано в действующем законодательстве. В доктрине существуют разные точки зрения по поводу признаков «Умного города». Например, по мнению Р. С. Хайретдиновой, «Умный город» — это комплекс программно-технических решений и организационных мероприятий, направленных на эффективное использование всех видов ресурсов (электричество, вода, газ, тепло, время) и создающих условия для удобного пребывания в городе, комфортного для проживания и ведения бизнеса [8, с. 103].

Очевидно, что *критерием разграничения существующих точек зрения по поводу содержания «Умного города» является роль инфокоммуникационных технологий в реализации данной программы*. Ряд специалистов в своих публикациях игнорирует необходимость этих технологий. Например, «„Умный город“ — это город, в котором в максимально возможной мере удовлетворяются жизненные потребности жителей, причем удовлетворяются с минимально возможными издержками. Таких потребностей много, и в числе фундаментальных — потребности в безопасности» [2, с. 20].

По мнению ряда авторов, «„Умный город“ — это структура, которая обеспечивает устойчивое развитие, повышение качества жизни и эффективное использование ресурсов для своих

¹ *Пилотные проекты «Умный город» в Подмосковье утверждены областными парламентариями. 23 янв. 2020. URL: www.ru-bezh.ru/gossektor/news/20/01/23/pilotnyie-proektyi-umnyij-gorod-v-podmoskove-utverzhdnyi-oblast?fbclid/*

обитателей (жителей). В целом — это развитие идей о создании комфортной среды обитания как главной цели» [1, с. 4].

Однако анализ литературы позволяет прийти к выводу о преимуществе другой точки зрения, согласно которой *наличие инфокоммуникационных технологий является определяющим признаком умных городов*. В частности, Д. Е. Намиот полагает, что именно IoT служит основной информационно-коммуникационной компонентой «умного города». А городские сервисы просто используют данные, собранные на этом уровне. Отсюда, собственно говоря, и возник термин «города, управляемые данными». Он описывает «Умный город» с точки зрения информационно-коммуникационных технологий. Естественным образом определяются области стандартизации: сбор, передача, хранение и анализ данных в городах [4, с. 49–50]. Его мнение находит отражение в нормативных актах. Так, в Стратегическом плане развития Екатеринбурга указано, что планомерный переход к развитию интеллектуальной городской инфраструктуры, в частности, применение технологий «Интернет вещей», в управлении городскими процессами — «Умный город».

Следует учитывать, что в настоящее время содержание понятия Интернет вещей (IoT) является предметом дискуссий. Поэтому при его определении для целей анализа содержания нормативных актов следует руководствоваться Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», согласно которому *цифровая технология «Интернет вещей»* понимается как концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека.

Иногда «Умный город» характеризуют как *разновидность киберфизических систем*, наряду с роботами, Интернетом вещей, высокоавтоматизированным транспортом, беспилотными аппаратами и умными медицинскими устройствами [6, с. 24].

В работах отдельных специалистов содержатся также оценочные термины, не поддающиеся верификации. Так, по мнению Н. С. Данакина, «„Умный город“ — это характеристика, во-первых, города как среды обитания людей. Данная среда может

быть разумно или, напротив, неразумно организованной. Во-вторых, это характеристика жизнедеятельности самих городских жителей, их поведения, взаимоотношений. Поведение тоже может быть разумным или неразумным» [2, с. 19].

Заслуживает внимания мнение А. А. Карцхия, который в своем диссертационном исследовании утверждает, что «Умный город» является разновидностью цифровой платформы (агрегатора). По его мнению, «Умный город» является специальным субъектом, «...обеспечивающим деятельность автоматизированных предприятий и иных автономных технологических платформ („Умный город“, „Умное предприятие“, „Умный дом“ и др.)» [3, с. 21]. Очевидно, что с последним утверждением следует согласиться только при условии надлежащей регистрации субъекта.

Основным показателем достижений в сфере реализации проекта «Умный город» является введение цифровых технологий взамен старых, менее эффективных. Установлены также и дополнительные показатели: возможность с помощью цифровых технологий участвовать в принятии решений по развитию города, применение автоматизированных систем диспетчеризации управляющими организациями и ресурсоснабжающими организациями, использование в многоквартирных домах автоматизированных систем учета потребления коммунальных ресурсов с возможностью дистанционной передачи данных, сбор и обработка информации в сферах жилищно-коммунального хозяйства, архитектуры, градостроительства, благоустройства в машиночитаемом виде.

В настоящее время наблюдается тенденция *перехода от концепции «Умный город» к концепции «Умный регион»*. Причина абсолютна очевидна — у регионов имеется гораздо больше финансовых и организационных возможностей для реализации задач по цифровизации, чем у муниципальных образований.

Так, в Концепции программы «Умный регион на территории Свердловской области» указано, что российская специфика пространственного развития предполагает большие расстояния между центрами экономической активности, наличие в составе субъектов Федерации отдаленных территорий, что порождает существенное неравенство в доступе к инфраструктуре и сер-

висам. Она включает три направления деятельности: (1) формирование системы цифровых сервисов, (2) трансформация региона в центр научных, технологических и производственных компетенций в сфере цифровой экономики и (3) развитие системы коммуникаций, превращающих регион в центр международных и федеральной активностей по тематике «умных решений».

Таким образом, (1) наличие инфокоммуникационных технологий является определяющим признаком умных городов, (2) наделение статусом «Умного города» не влечет изменений в правовом статусе субъектов, участвующих в его создании и функционировании, (3) развитие нормативной базы в данной сфере происходит в основном путем рецепции западного законодательства.

Библиографический список

1. Волков А. А., Намиот Д. Е., Шнепс-Шнеппе М. А. О задачах создания эффективной инфраструктуры среды обитания // *International Journal of Open Information Technologies*. 2013. Т. 1, № 7. С. 1–10.
2. Данакин Н. С. Концептуальная модель «умного города» // *Управление городом: теория и практика*. 2012. № 1(4). С. 19–27.
3. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
4. Намиот Д. Е. О стандартах умного города // *Информационное общество*. 2017. № 2. С. 45–52.
5. Ницел И. А. Умный город, smart city: концепция, модели, возможности реализации, проблемы // *Бенефициар*. 2019. № 58. С. 41–43.
6. *Регулирование робототехники: введение в «робоправо»*. Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018.
7. Силин Я. П., Анимца Е. Г. Контуры формирования цифровой экономики в России // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2018. Т. 19, № 3. С. 18–25.
8. Хайретдинова Р. С. Теоретические основы концепции «Умный город» и особенности ее адаптации в регионе // *Российское предпринимательство*. 2014. № 20(266). С. 101–106.
9. Freist-Held J. Die intelligente Stadt: Nachhaltig, inklusiv, demokratisch? / *Deutsche Gesellschaft für die Vereinten Nationen e.V.* URL: <https://dgvn.de/meldung/die-intelligente-stadt-nachhaltig-inklusive-demokratisch/>.
10. *The Road toward Smart Cities: Migrating from Traditional City Management to the Smart City* / М. Bouskela, М. Casseb, S. Bassi, C. De Luca, М. Facchina. Inter-American Development Bank, 2016.

Е. Н. Стариков

О некоторых аспектах институциональной модернизации промышленности Российской Федерации

Рассмотрены особенности реализации институциональной составляющей промышленной политики России на современном этапе. Отмечены положительные аспекты и проанализированы проблемные вопросы, сдерживающие общее развитие и ход модернизационных процессов в промышленности страны.

Ключевые слова: модернизация; промышленность; промышленная политика; институты; эффективность.

В конце второго тысячелетия мир постепенно вошел в принципиально новый этап своего развития, характеризующийся значительным усилением неопределенности [2]. Сегодня наблюдается тенденция исчерпания возможностей дальнейшего экономического развития путем накопления материальных благ. По отдельным оценкам, если бы все страны вышли на современный уровень потребления США, ресурсов хватило бы только на несколько лет [5]. В этой связи достаточно остро встает проблема пересмотра представлений о прогрессе и его формах, чем обусловлено формирование различных дискуссионных площадок, где ученые и эксперты убедительно доказывают, что иного пути выхода из складывающегося системного кризиса, кроме модернизации, не существует [6].

Термин «модернизация» в широком смысле слова трактуется как процесс целенаправленного системного преобразования, включающего большое количество одновременных изменений в различных сферах социума, а также экономические, политические, культурные, социальные и научно-технические механизмы развития общества, другими словами, это любое динамическое, сознательно регулируемое качественное улучшение в экономической, социальной и политической сферах [3].

При этом особый интерес для исследователей представляют вопросы модернизации промышленного комплекса, учитывая традиционно ведущую роль этого сектора в развитии экономик национальных государств, что характерно и для нашей страны. Модернизация промышленности обычно рассматривается

в структурном, технологическом и институциональном контекстах и их взаимосвязи.

Рассматривая процессы развития и институциональной модернизации промышленности России начиная с начала 1990-х годов, можно констатировать, что к настоящему моменту уже практически завершен процесс формирования новой структуры собственности на основе таких институциональных преобразований, как разгосударствление, приватизация и развитие предпринимательства. Ряд предприятий базовых отраслей промышленного комплекса России (металлургия, химическая индустрия, отдельные виды машиностроения, пищевая промышленность), действуя в условиях либерализации внешней торговли и свободного ценообразования, сумели адаптироваться к новым для них региональным и межрегиональным связям, а также к глобальному рынку. Одновременно развивается конкурентная среда, российская экономика в целом, и промышленность в частности, за последние десять лет укрепила свои позиции в рейтинге ВЭФ за счет улучшения таких базовых факторов национальной конкурентоспособности, как инфраструктура, институты, эффективность товарных рынков, развитость бизнеса.

Главная особенность институциональной составляющей современной промышленной политики России состоит, по мнению автора, в том, что все ее основные мероприятия формируются в результате действия новых формальных институтов и правил, установленных государством в экономике, наряду со старыми, унаследованными от прежней системы и до сих пор не отмененными. Среди вновь созданных формальных институтов, определяющих вектор развития и модернизации отечественной промышленности, можно назвать институты, регулирующие отношения собственности, налоговую и денежно-кредитную систему, режимы внешней торговли, реализующие ценовой и валютный контроль, определяющие порядок начала и ведения бизнеса, систему административного и судебного устройства и др. К унаследованным от прежней хозяйственной системы формальным институтам, которые также в немалой степени определяют формирование тех или иных явлений в промышленности, можно отнести институты, регулирующие и регламентирующие трудовые отношения, социальную защиту, образование, медицинское обслуживание, организацию науки и др.

Особо следует отметить, что после многолетних дискуссий был принят Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», ставший институциональным базисом реализации промышленной политики России на современном этапе развития и позволивший сформировать достаточно эффективную систему институтов поддержки развития и модернизации промышленности на базе Российского Фонда развития промышленности и сети региональных фондов, нацеленных на поддержку проектов промышленного развития и работающих сегодня в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации.

Необходимо сделать акцент на институциональной эволюции форм организации предприятий и их групп. Во-первых, на протяжении последних двух десятилетий происходила рыночно ориентированная реструктуризация предприятий и их интегрированных групп. При этом главной формой организации российского бизнеса, прежде всего крупного, стали интегрированные бизнес-группы и холдинги. Рыночно ориентированная реструктуризация потребовала не только вовлечения в новые интеграционные цепочки действующих предприятий, но и создания новых дополнительных производственных и воспроизводственных звеньев. Во-вторых, институциональная трансформация реального сектора российской экономики происходит в качественно новых условиях, связанных с глобализацией. Сейчас уже ни в одной стране мира рассматривать экономическое развитие вне глобального контекста невозможно, а устойчивость и рост национальных предприятий определяется не только их местом на региональном или национальном рынке, но прежде всего местом в глобальных цепочках создания стоимости [4].

Вместе с тем следует обратить внимание и на ряд проблемных вопросов, сдерживающих общее развитие и ход модернизационных процессов в промышленности страны.

Экономической наукой доказано, что между институтами и уровнем развития экономики и промышленности существует неразрывная связь — чем качественнее институты, тем более эффективна экономика и тем выше уровень развития государства в целом [1]. К сожалению, при проведении институциональной модернизации промышленности в России существование такой

взаимозависимости между институтами и состоянием производства учитывалось недостаточным образом. Реформирование институтов зачастую осуществляется как некая самоцель, что естественным образом негативно отражается на ситуации в реальном секторе экономики. Формально цели, направления и задачи развития промышленности и промышленной политики принимаются в стратегических программных документах государства. Однако достаточно часто их формирование происходит без необходимого глубокого научно-методического анализа путем механического обобщения предложений различных акторов (отдельных субъектов хозяйствования, региональных органов власти, министерств, отраслевых и профессиональных ассоциаций, в том числе отраслевых лоббистов и др.) и законодательной инициативы. Естественно, что каждый из этих акторов имеет свои представления о существующих проблемах и перспективах развития промышленного сектора или его отдельной отрасли, а иногда и просто формально подходит к вопросу подготовки предложений. В результате спектр приоритетов модернизации, направлений и задач развития той или иной отрасли промышленности зачастую оказывается малоструктурированным и противоречивым в части механизмов, целей и конечного результата.

В Российской Федерации ежегодно принимается порядка 20 000 нормативно-правовых актов, несколько тысяч из которых непосредственно затрагивают вопросы реализации промышленной политики и модернизации промышленного сектора. При этом многими специалистами и экспертами отмечается невысокое качество принимаемых законов, что связано в том числе и с высокой скоростью их выпуска. В свою очередь, такая ситуация влечет за собой еще больший прирост числа подзаконных актов, и сегодня можно говорить о некой тенденции создания «незавершенного» регулирования, когда количество отсылочных норм во многих законах достигает нескольких десятков и даже сотен, делегируя при этом все новые и новые полномочия на уровень различных нижестоящих ветвей исполнительной власти и в регионы. Естественно, что в результате снижается эффективность регулирования.

Существующие масштабы создания нового и корректировок имеющегося регулирования модернизации промышленного

развития страны связаны с тем, что разработка формальных правил стала основным способом реагирования государственной власти на любые проблемы в функционировании реального сектора экономики. Принятие федерального закона, ведомственного нормативного правового акта, а зачастую и просто плана реализации определенных мероприятий позиционируется в качестве неотъемлемого, а часто и конечного этапа выполнения своих функций органом власти, его инициировавшим. Таким образом, изменение регулирования становится основным элементом подотчетности государственных институтов властным структурам, стоящим выше в иерархии, и «подменяет» подотчетность властей обществу. В то же время вопросы последующей реализации принятых решений, оценки фактического достижения заявленных целей регулирования, а самое главное — полезного эффекта — не становятся публичным продуктом и не находят должного отражения в актуальной повестке.

Кроме того, существенной проблемой формирования и реализации институциональной составляющей промышленной политики России, по мнению автора, является отсутствие целостной системы стратегического планирования промышленного развития. Приоритеты и направления развития реального сектора экономики определяются в общегосударственных стратегических документах, в отраслевых, межотраслевых, государственных целевых программах, концепциях, стратегиях, которые мало связаны между собой, содержат слишком широкий перечень приоритетов развития, не сопровождаются реалистичными планами мероприятий и соответствующим ресурсным обеспечением. Такой подход не позволяет сконцентрировать ограниченные ресурсы на основных направлениях развития и модернизации промышленности.

Кроме того, управление и регулирование развития производственных секторов и сфер рассредоточено между отдельными министерствами и ведомствами, созданными по отраслевому или функциональному принципу. Полномочия и задачи соответствующих органов власти дублируют друг друга, а их деятельность не всегда способствует поступательному развитию промышленного производства, что связано с установлением лишних административных барьеров или с тем, что разные ведомства ру-

ководствуются различными критериями и задачами в определении своего отношения к промышленности как к объекту управления. Например, Министерство финансов рассматривает промышленность только как ресурсную базу для формирования бюджета, поэтому оно практически всегда выступает против любых налоговых стимулов для производства.

В целом, несмотря на изложенные выше проблемные аспекты институциональной составляющей государственной промышленной политики России, нельзя не отметить, что созданная в основном критическая масса новых экономических отношений, институтов и структур формирует необходимые предпосылки для реализации потенциала рыночной модели развития национальной промышленности. В то же время названные проблемы указывают на определенную слабость государственной промышленной политики России, которую сегодня можно охарактеризовать как ситуативную и фрагментарную, недостаточно выверенную стратегически. При этом важнейшее направление формирования эффективной промышленной политики России связано с созданием целостной и комплексной институциональной системы, включающей эффективные институты поддержки развития и модернизации промышленного комплекса, действующие в рамках единого законодательного и нормативно-правового поля.

Библиографический список

1. *Винслав Ю. Б.* Промышленно-инновационная политика в системе государственного управления экономикой: новейшие модернизационные проблемы и подходы к их решению // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С. 3–27.
2. *Исмаилов Н. О.* Глобализация и устойчивое развитие общества // Право и практика. 2016. № 2. С. 174–181.
3. *Рыбаков О. Ю., Цыбулевская О. И.* // Государство и право. 2016. № 1. С. 123–125. Рец. на кн.: Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение / под общ. ред. К. А. Ишекова. М.: РПА Минюста России, 2014.
4. *Шманев С. В.* Синергетико-институциональный подход к процессу модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 1(43). С. 176–179.

5. *Gholipour Fereidouni H., Tajaddini R.* Housing Wealth, Financial Wealth and Consumption Expenditure: The Role of Consumer Confidence // *The Journal of Real Estate Finance and Economics*. 2017. Vol. 54, issue 2. P. 216–236.

6. *Robison K. K., Crenshaw E. M.* Integration Into Global Society: How Modernization, European Colonialism, and Preindustrial Complexity Shape International Social Organization // *International Journal of Sociology*. Winter 2014–2015. Vol. 44, no. 4. P. 81–101.

И. Н. Ткаченко

Трансформация архитектуры бизнеса и управленческих механизмов для целей инновационно-технологического развития¹

Раскрывается логика трансформационных процессов индустриального развития, необходимых для достижения технологических прорывов в экономике на пути к «Индустрии 4.0», суть новых форм организации бизнеса, трансформации архитектуры бизнеса и управленческих механизмов, способствующих инновационно-технологическому развитию. Дается характеристика институциональной готовности России к технологическим преобразованиям. Особое внимание уделяется вопросам коллаборации стейкхолдеров, поскольку их эффективное взаимодействие может позволить создать новую архитектуру бизнеса, отвечающую запросам инновационно-технологического развития. Неопределенность среды подталкивает стейкхолдеров к созданию сетей взаимозависимостей. Делается вывод о необходимости оценивания ценности для стейкхолдеров в условиях трансформации новых форм организации бизнеса, в том числе сетевых моделей, моделей умных производств и экосистем, составляющих основу высокотехнологичных секторов экономики.

Ключевые слова: «Индустрия 4.0.»; трансформация бизнеса; инновационно-технологическое развитие; архитектура бизнеса; стейкхолдеры; управление.

Глобальные технологические изменения, происходящие в мировой и в российской экономике, способствуют активизации процессов трансформации во всех сферах деятельности.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-410-660032 р_а «Инновационно-технологическое развитие промышленности региона в контексте трансформации архитектуры бизнеса и управленческих технологий, продуцирующих знания и общие ценности: институциональный и стейкхолдерский аспекты».

Процессы трансформации экономики затрагивают все без исключения бизнес-структуры, ведут к существенному изменению видов, форм, свойств бизнес-процессов. Для того чтобы Россия могла успешно развиваться в рамках инновационной парадигмы, чтобы достичь технологического паритета с развитыми странами, необходимы не только усилия, направленные на развитие и всяческую поддержку самой технологической составляющей этих процессов, но и понимание, как, каким образом, через какие организационные структуры и управленческие механизмы можно реально запустить процессы новой индустриализации в действие, как реально преобразовать, трансформировать процессы индустриального развития, чтобы успехи технологических прорывов стали необратимыми, а новые знания, полученные в ходе такой трансформации, были бы направлены на пользу человеку, на достижение общих ценностей.

Трансформация, ведущая к новой индустриализации, это не только путь к достижению экономической эффективности, чисто финансовых успехов, но это путь, который должен привести к учету социальных ориентиров, к созданию общих ценностей. В противном случае возникает социальная нестабильность, дальнейшее расслоение в обществе, неустойчивость в долгосрочном периоде. Речь идет о применении таких концепций, методологических подходов, моделей и методов, которые позволили бы эффективно управлять процессами социально-экономического и инновационного развития региона, и не только увеличивать долю высокотехнологичных производств, но и модернизировать старые промышленные структуры, совершенствуя их путем обмена технологиями; добиваться роста производительности, целенаправленно управлять и совершенствовать технологии управления знаниями, интегрировать полученные в ходе отдельных проектов знания в основные бизнес-процессы.

Четвертая промышленная революция («Индустрия 4.0») характеризуется приоритетом общих ценностей, идеями инклюзивного развития, где человек должен активно участвовать в процессах преобразующего инвестирования. При этом ставка делается не только и не столько на технологическую, технократическую составляющую новой индустриализации. Высокие цели по достижению инновационности опираются не только на

экономико-финансовые модели и решения, их будет невозможно достичь без решения задач широкой социализации. То, что и как происходит на данном этапе трансформационных преобразований с благими целями совершения технологических прорывов, в частности в процессах цифровизации, у значительной части нашего общества ассоциируется с рисками потери работы и доходов, а значит, угрозами для социальной стабильности в обществе. В связи с этим велика роль активизации и политических институтов, и неформальных институтов, поведенческих моделей, более аккуратного и корректного применения адекватных новым вызовам механизмов, учитывая удовлетворение интересов заинтересованных групп, гармонизацию их интересов, основанную на доверии и к бизнесу, и к институтам государственного управления.

Для успешных инновационно-технологических преобразований в экономике в интересах общества со всей очевидностью актуализируется потребность в развитой теории институциональных экономических изменений. Реформы 1990-х годов во многом основывались на стратегии импорта институтов без должного анализа подготовленности «почвы» для изменений. При проведении реформ часто не учитывалось, что принятие нормативно-законодательных актов само по себе не решает проблемы организации новой социально-экономической системы. Экономические институты помимо формального права включают в себя и большое количество неформальных норм, правил, обычаев и традиций. Далек не всегда установленные «сверху» законодательные компоненты могут занять главенствующее место в институциональном развитии. Необходимо учитывать не только существующие политические, социально-экономические обстоятельства, но и отличительные свойства общественного самосознания.

Какова институциональная готовность России к преобразованиям согласно рейтингам? Институциональный контекст очень важен для инновационно-технологических преобразований из-за сильного взаимного влияния стратегии предприятия и институциональных решений государства. Согласно ежегодному исследованию Мирового банка The Global Competitiveness Report-2019, Россия в 2019 г. осталась на 43-м месте среди 141

страны в рейтинге по индексу глобальной конкурентоспособности, который ежегодно составляет Всемирный экономический форум¹.

По сравнению с 2018 г. Россия улучшила свой инновационный потенциал на 2,2 балла (32-е место) благодаря повышению качества своих исследовательских институтов (9-е место) и постоянным расходам на НИОКР (1,1 % ВВП, 34-е место). Инновации также поддерживаются ростом внедрения информационно-компьютерных технологий (+4,9 балла, 22-е место) благодаря особенно быстрому распространению Интернета (81 % населения, 39-е место). В нижней половине рейтингов Россия оказалась по уровню развития такого показателя, как «Общественные институты», — 74-е место. При этом по критерию «управление технологиями», т. е. как быстро правовая база страны адаптируется, в частности, к цифровым бизнес-моделям, у России 51-е место (3,9 балла из 7 возможных).

Ученых и практиков с начала 2000-х годов привлекает исследование новых форм организации бизнеса. Архитектура предприятия все активнее используется для поддержки организационных преобразований и позволяет менеджерам увязать между собой различные инициативы по развитию, перевести стратегию в действия и обеспечить согласованность различных элементов предприятия, найти новые методы и инструменты управления. Нам близок подход, в рамках которого архитектура предприятия и потенциал ее использования рассматриваются непосредственно в задачах менеджмента. Именно в рамках такого подхода можно говорить о настройке всех компонентов архитектуры предприятия на решение задач инновационно-технологической трансформации. Бизнес-архитектура является не только концепцией, но и инструментом выполнения реальных проектов. Архитектура конкретного предприятия в целом является воплощением его бизнес-способностей (*business capabilities*) и отвечает на вопрос о том, каким образом они реализованы. Разрывы между целевой и существующей архитектурой превращаются в проекты развития организации.

¹ *The Global Competitiveness Report*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.

Многие исследователи в последние годы значительное внимание уделяют новым бизнес-моделям, гибридным формам организации бизнеса, межфирменным взаимодействиям, сетевым структурам (В. Е. Дементьев, С. Г. Евсюков, Е. В. Устюжанина [2]; Д. Е. Климанов, О. А. Третьяк [5; 6; 9]; Ю. Н. Арай [1]; Е. В. Нехода, Н. А. Редчинова, Н. А. Тюленева [7]; А. Карлик, В. Платонов [4] и др.). Нас эти исследования интересуют с той позиции, что характер новых форм организации бизнеса вполне соответствует тем быстрым изменениям, которыми сопровождаются процессы новой индустриализации. Нам интересно раскрыть их содержание и посмотреть, могут ли такие формы быть точками роста для инновационно-технологического развития промышленности региона, для создания высокотехнологичных производств. В связи с глобальными технологическими вызовами интерес исследователей всего мира привлекают различные формы новой организации бизнеса, в том числе основанной на глубокой коллаборации организаций друг с другом посредством использования прорывных инновационных технологий. Так, экосистемы входят в число наиболее популярных объектов исследовательского интереса.

При рассмотрении проблем и перспектив реализации трансформационных процессов в промышленности в контексте новой индустриализации исследовательский интерес представляет, на наш взгляд, целый комплекс вопросов, связанных с изучением и проектированием новых форм организации бизнеса, новой бизнес-архитектуры, базирующейся на идеях системного подхода к управлению и изменению организаций в условиях цифровой экономики и сильной зависимости бизнеса от информационных технологий; изучение и прикладные аспекты формирования новых бизнес-моделей, сетевых форм, экосистем; использование современных управленческих механизмов и технологий, таких как проектное, стоимостное управление, риск-менеджмент, моделирование вклада и выгод стейкхолдеров в процессах новой индустриализации, оценивание стейкхолдерской стоимости участников трансформационных процессов, оценка синергетических эффектов от коалиций стейкхолдеров, оценка рисков интеграции цифровых, знаниеемких, Smart-технологий в традиционную бизнес-архитектуру организаций.

Особо остановимся на вопросах коллаборации стейкхолдеров, поскольку их эффективное взаимодействие может позволить создать новую архитектуру бизнеса, отвечающую запросам инновационно-технологического развития.

Неопределенность среды подталкивает стейкхолдеров к созданию сетей взаимозависимостей. Чем выше теснота связей в сети, чем сильнее заинтересованная сторона связана с другими, чем больше у нее возможности для посредничества, тем выше вероятность, что через нее будут проходить потоки ресурсов, в том числе информационных. Как отмечает М. А. Петров [8, с. 52], в случае сетевой модели управление заинтересованными сторонами требует управления сетевыми ресурсами. Партнерские методы ориентируют участников партнерства на достижение общих целей проекта, ведут к росту доверия между стейкхолдерами. Однако стратегическое партнерство может иметь не только явные выгоды для его участников, но и слабые стороны. В частности, ослаблять сотрудничество между стейкхолдерами могут различия в корпоративной культуре участников стратегического партнерства [3, с. 69], в формах восприятия информации, в уровне развития и применения передовых управленческих практик.

Процесс сетевого взаимодействия многополярен и требует учета интересов основных заинтересованных групп — стейкхолдеров, их целевых ориентиров. Для достижения технологических прорывов важны исследования процедур оценивания ценности для стейкхолдеров в условиях инновационно-технологической трансформации новых форм организации бизнеса, в том числе сетевых моделей, моделей умных производств и экосистем, составляющих основу высокотехнологичных секторов экономики. Необходимо создавать такие бизнес-модели, которые нацелены не только на приращение стоимости для собственников, акционеров, но и на создание общих ценностей, выгодных и бизнесу, и обществу в целом.

Библиографический список

1. *Арай Ю. Н.* Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии // *Российский журнал менеджмента.* 2018. Т. 16(2). С. 253–272.

2. Дементьев В. Е., Евсюков С. Г., Устюжанина Е. В. Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1. С. 89–122.
3. Зуб А. Т. Стейкхолдеры и властные отношения в стратегическом процессе // Стратегический менеджмент: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2002.
4. Карлик А., Платонов В. Сетевая организация как механизм промышленного развития // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 9. С. 92–102.
5. Климанов Д. Е., Третьяк О. А. Бизнес-модели: основные направления исследований и поиски содержательного фундамента концепции // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12, № 3. С. 107–130.
6. Климанов Д. Е., Третьяк О. А. Использование сетевого подхода к анализу бизнес-модели: пример российского фармацевтического рынка // Российский журнал менеджмента. 2016. Т. 14, № 2. С. 77–100.
7. Нехода Е. В., Редчинова Н. А., Тюленева Н. А. Бизнес-модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценности // Управленец. 2018. Т. 9, № 4. С. 9–19.
8. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2004. Вып. 2 (№ 16). С. 51–67.
9. Третьяк О. А., Климанов Д. Е. Новый подход к анализу бизнес-моделей // Российский журнал менеджмента. 2016. Т. 14, № 1. С. 115–130.

Концептуальные основы исследования пространственных инфраструктурных систем региона

Статья посвящена развитию теории пространственной и региональной экономики в контексте изучения проблем инфраструктуры в регионах. Рассматриваются теоретико-методологические основы исследования пространственных инфраструктурных систем региона. Разработка концептуальных основ исследования и развития данных систем ведется на базе интеграции и систематизации положений системного, пространственного подходов, теорий регионального развития. В ходе исследования решаются методологические задачи: формирование гипотезы изучения инфраструктуры как пространственной инфраструктурной системы и объекта исследования пространственной экономики, установление роли и контуров влияния пространственных инфраструктурных систем на региональное развитие.

Ключевые слова: регион; региональное развитие; инфраструктура; пространственные инфраструктурные системы; пространственное развитие.

Вопросы исследования инфраструктуры в настоящее время приобретают особую актуальность в соответствии со стратегическими документами социально-экономического, пространственного развития РФ, необходимостью реализации целей устойчивого развития, включением в процессы цифровизации и новой индустриализации. Особое значение имеет обеспечивающая роль инфраструктуры, доступность инфраструктурных благ становится одним из индикаторов устойчивости развития территорий, а также возможное влияние цифровизации инфраструктуры на изменение свойств экономического пространства, его конфигурации.

Влияние инфраструктуры на развитие региональной экономики исследовано многими учеными, особый интерес представляют положения теорий кумулятивного роста, социоэкономических и пространственных теорий. Изучению взаимосвязей инфраструктуры и развития территорией посвящены работы таких ученых, как П. Самуэльсон, П. Розенштейн-Родан, А. Г. Гранберг, П. Кутнер, Р. И. Шнипер, А. И. Татаркин, Е. Г. Анимца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина, Ю. Г. Лаврикова, Н. М. Сурнина, М. Д. Шарьгин, С. И. Яковлева и др. Систематизация региональных теорий с позиции развития инфраструктуры показыва-

ет, что на различных этапах и направлениях становления региональной науки инфраструктура рассматривается в составе ведущих факторов развития регионов, формирования условий для размещения объектов хозяйства, системы расселения, природопользования, изменения структуры хозяйства, снижения уровней дифференциации регионального развития и т. д. Основными функциями инфраструктуры в рамках теорий регионального развития являются размещенческая, дифференцирующая, обеспечивающая, пространствоформирующая. В качестве системных признаков и свойств инфраструктуры ученые выделяют комплексность, целостность, иерархичность и структурированность. Системный подход дает возможность расширить понятие инфраструктуры до ее рассмотрения как инфраструктурной системы, выделить системные признаки:

- относительную самостоятельность, наличие системы более высокого уровня (региональной экономической системы);
- отличие свойств инфраструктурной системы в целом от суммы свойств ее объектов;
- наличие между объектами инфраструктурной системы взаимосвязей, соотношений, иерархии;
- реализацию функций в пространстве, обусловленных взаимодействием объектов инфраструктурной системы между собой и с внешней средой, их структурой;
- способность к развитию, изменению объектов инфраструктурной системы количественно, качественно, структурно.

Особенности развития инфраструктурной системы в пространстве позволяют рассматривать ее как пространственную систему, существенными признаками которой являются метрика [6; 7], форма, координаты [7], пространственная позиция [1] — положение по отношению к другим системам и координатам в пространстве (рис. 1).

Таким образом, пространственная инфраструктурная система региона представляет пространственно определенную взаимную систему обслуживающих взаимосвязанных, взаимодействующих между собой и с внешней средой элементов, структур или объектов, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития территорий разного иерархического уровня.

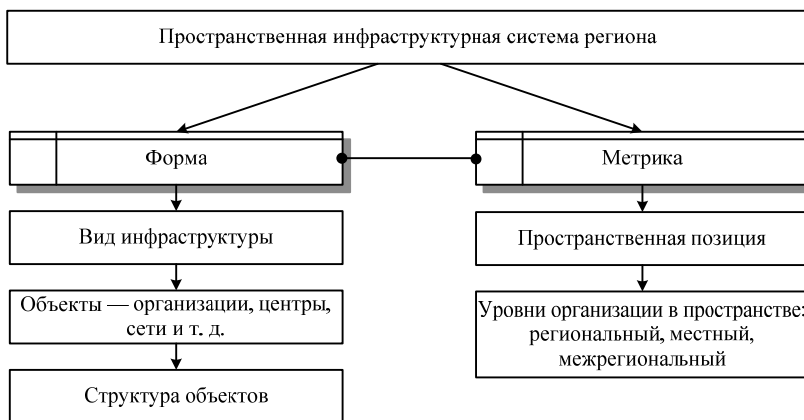

Рис. 1. Состав элементов пространственной инфраструктурной системы региона

Гипотеза рассмотрения инфраструктуры как пространственной инфраструктурной системы и объекта исследования пространственной экономики (рис. 2) сводится к следующему:

- инфраструктура описывается как взаимная пространственная система [2; 6], включающая комплекс обслуживающих объектов, связанных как между собой, так и с внешней средой, взаимодействие которых генерирует системные эффекты;

- функционирование пространственных инфраструктурных систем реализуется в разных формах экономического пространства [4] — национальном (субглобальном), региональном (субнациональном), местном (субрегиональном);

- пространственная инфраструктурная система имеет пространственные границы, которые не совпадают с границами регионов в рамках действующего административно-территориального деления РФ;

- функционирование пространственных инфраструктурных систем основано на принципах регулируемости, управляемости формирования и развития [5];

- пространственные инфраструктурные системы включают в себя параметры систем различных типов — средового, объектного и проектного, в зависимости от временных и пространственных границ [2; 5];

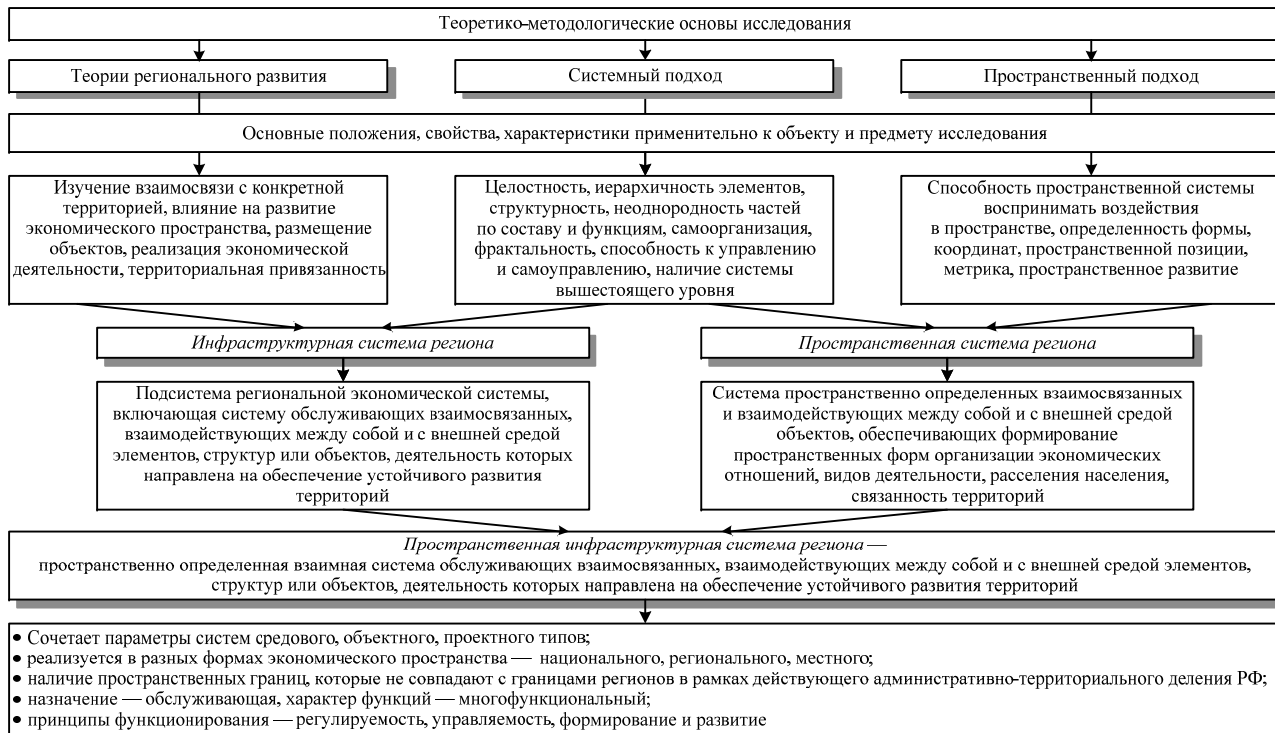

Рис. 2. Теоретико-методологический подход к исследованию пространственных инфраструктурных систем региона

– развитие пространственных инфраструктурных систем рассматривается с точки зрения их роли в обеспечении территориальной когезии (англ. territorial cohesion) [3, с. 98] — достижения целей и задач сбалансированного пространственного развития территорий разных уровней.

В результате проведенного исследования предложены концептуальные основы изучения пространственных инфраструктурных систем региона с учетом значения для регионального развития. Предложенный подход позволяет расширить границы исследования инфраструктуры в аспекте ее влияния на региональное развитие, устанавливать форму и связи объектов в пространстве, что приобретает особую актуальность в современных условиях развития цифровой экономики и цифровизации, новой индустриализации, решения стратегических задач. Перспективными направлениями исследований становятся количественная оценка влияния пространственных инфраструктурных систем на развитие региона, выработка инструментов и механизмов управления ими в целях устойчивого развития.

Библиографический список

1. Буравцев А. В. Пространственные системы // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. № 3(13). С. 32–39.
2. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.
3. Клименко Н. А. Территориальная когезия как основа сбалансированной территориальной политики в Калининградской области // Балтийский регион. 2011. № 1(7). С. 97–105.
4. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
5. Сурнина Н. М., Шишкина Е. А., Дьячков А. Г. Сбалансированность стратегического планирования пространственных инфраструктурных систем // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 5. С. 75–91.
6. Цветков В. Я. Качественные пространственные рассуждения. М.: МАКС Пресс, 2017.
7. Tsvetkov V. Ya. Systems analysis in geoinformatics // European Journal of Technology and Design. 2013. No. 2(2). P. 135–140.

Роль торговли в реиндустриализации экономики России

Раскрывается значимость товарного обращения как важной сферы процесса реиндустриализации территории. Актуальность исследования определяется новыми условиями хозяйствования и ролью торгового бизнеса. Авторами выделены основные тенденции развития торговли в условиях реиндустриализации.

Ключевые слова: товарное обращение; торговля; товарооборот; реиндустриализация.

Реиндустриализация российской экономики становится более масштабной и заметной во всех отраслях, что определяется развитием инноваций, глобализацией экономического пространства, цифровизацией, нооэкономикой и прочими аспектами научной и теоретической мысли. Стратегия реиндустриализации российской экономики как условия эффективного экономического развития и конкурентоспособности получила распространение благодаря внешнему давлению и начавшимся в 2014 г. санкциям [13]. Это обусловлено политическими событиями на Украине и ослаблением позиций на мировой политической арене. В период своего становления российская экономика не раз сталкивалась с санкционными действиями. В новейшей истории во время «холодной войны» Запад применял торговые и иные ограничения, что ослабляло внешнеполитическую и внешнеэкономическую позицию России [10]. Успех реиндустриализации зависит от общей политики государства, позиционирования национальных ценностей, территориального развития округов и областей РФ, развития наукоемких технологий и инноваций, уровня образованности населения территорий, технического потенциала, человеческого фактора и прочих составляющих.

Таким образом, актуальность темы исследования заключается в том, что процесс реиндустриализации комплексно затрагивает экономику территорий России в целом, способствует развитию конкурентоспособности отраслей и экономических субъектов, входящих в ее состав.

Реиндустриализация является предметом исследований научного сообщества российских ученых по различным направлениям. Так, А. В. Бузгалин [15], А. И. Колганов [6], Г. П. Жу-

равлёва [4] исследовали реиндустриализацию с позиции исключительной миссии инфраструктуры секторов экономики (образования, здравоохранения) в процессе восстановления. В. Л. Иноземцев обосновал способы модернизации производительных сил, обеспечивающих положительные результаты, с точки зрения рыночного фундаментализма [5]. С. С. Губанов научно выделил роль государственного капитала, который имеет первостепенное значение в новой модели планирования и планового регулирования пропорций общественного производства [3]. С. Д. Бодрунов определил необходимость консерватизма и государственного вмешательства в рыночные отношения процесса реиндустриализации [2]. В. И. Бархатов [1], О. А. Романова [10], А. И. Татаркин [12], В. П. Шуйский [14] исследуют проблемы территориальной реиндустриализации.

Президент РФ В.В. Путин в отношении реиндустриализации определяет: «...интенсивное развитие промышленности России возможно за счет крупных вливаний средств в развитие новых технологий и оборудования...»¹, что обеспечит конкурентные преимущества и конкурентоспособность. Под конкурентоспособностью понимается способность экономической системы функционировать в динамической конкурентной среде, обладающей возможностью осуществлять присущие данной экономической системе бизнес-процессы с учетом отраслевых особенностей и степенью удовлетворения потребностей потребителей региона (территории) при соответствующем эффективном использовании всех факторов производства (средств и предметов труда, трудовых ресурсов), финансовом состоянии и уровне финансового риска [9]. В структуре территорий РФ проявление результатов реиндустриализации выражается в эффекте масштабов увеличения размеров предприятий или размеров общественного блага, а также дополнительных эффектов (выгоды) вследствие использования единого капитального блага для производства продукции, работ или услуг [11].

Особое место и роль в процессе реиндустриализации отведено торговле, которая является важнейшей сферой экономи-

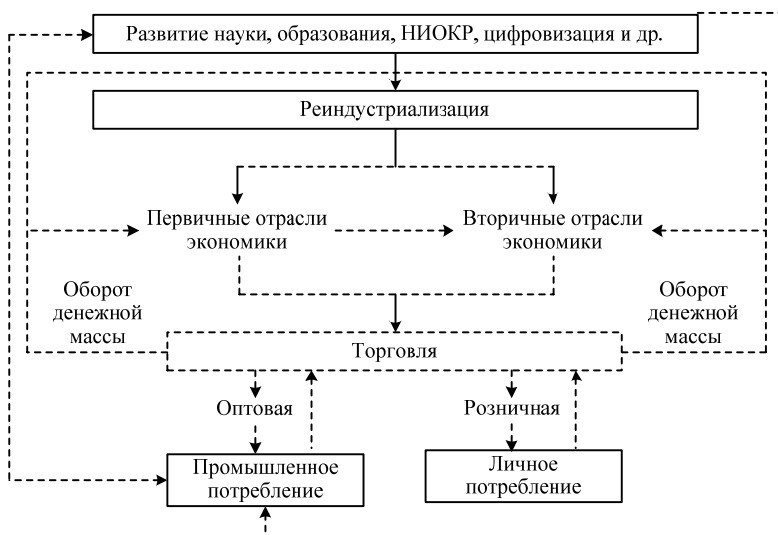
¹ Путин В. В. О наших экономических задачах // Научный информационно-образовательный журнал «Политическое управление». URL: <http://www.xn--80aejaldqtdkdn0ap.xn--p1ai/aktual/interview.htm>.

ки. Торговля связывает потребление продукции, работ и услуг с производством, обеспечивает полное удовлетворение потребностей населения территорий РФ. Торговля возникла на определенной ступени развития общества вместе с товарным производством. В. И. Ленин писал, что под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выбранном продукте, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов на товарном рынке [7, с. 86–87]. Товарное производство сохраняется при любой форме экономических отношений, основой которых является разделение труда. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на общественное разделение труда при наличии товарного производства и необходимости обмениваться продуктами труда [8, с. 363].

Торговля в реиндустриализации промышленного производства имеет большое значение. Прямые связи при правильной их организации выступают эффективным средством воздействия торговли на производство. При обмене денежных доходов населения территорий на необходимые товары и услуги непосредственно удовлетворяются разнообразные потребности и тем самым повышается уровень социально-экономического развития и качества жизни домашнего хозяйства.

Таким образом, торговля осуществляет экономическую взаимосвязь между отраслями промышленного производства в процессе реиндустриализации. Эта связь осуществляется путем обмена между производителями. Экономический обмен между отраслями промышленного производства оказывает влияние на развитие и процесс реиндустриализации (см. рисунок).

Товарооборот розничной торговли является одним из основных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития населения территории. Товарооборот розничной торговли территории Свердловской области за 9 месяцев 2019 г. сложился в сумме 867,7 млрд р., что в фактических ценах выше аналогичного показателя 2018 г. на 6,3 %, в сопоставимых ценах выше на 1,5 % (за 9 месяцев 2018 г. в фактических ценах рост составил 4,2 %, в сопоставимых ценах — 2,1 %). Формирование оборота розничной торговли Свердловской области

Влияние торговли на отрасли экономики
в процессе реиндустриализации

осуществлялось в основном за счет продажи товаров торгующими организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в стационарной торговой сети (вне рынка). Их доля в обороте розничной торговли по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилась на 0,1 % и составила 97,2 %, продажа на розничных рынках и ярмарках составила 2,8 %. Доля продовольственных товаров в структуре оборота розничной торговли в отчетном периоде увеличилась на 0,4 % и составила 48,8 %, доля непродовольственных товаров — 51,2 % (в январе–сентябре 2018 г. — 48,4 и 51,6 % соответственно). За 9 месяцев 2019 г. товарооборот розничной торговли на душу населения на территории Свердловской области в фактических ценах составил 201 тыс. р., что на 6,5 % выше, чем в аналогичном периоде прошлого года. В январе–сентябре 2019 г. розничные торговые сети формировали 65,6 % оборота розничной торговли торгующих организаций (в январе–сентябре 2018 г. — 64,6 %), или 34,1 % общего объема оборота розничной торговли (в январе–июне 2018 г. — 32,3 %).

Современная торговля развивается в условиях высокой конкуренции, путем продажи реализует стоимость и прибавочную стоимость посредством участия в процессе реиндустриализации и реализации социального значения. Сетевая торговля — инновационная форма в сфере обращения, которая приводит к возникновению и постоянному воспроизводству качественно нового состояния, что обеспечивает достижение амбициозных целей собственников бизнеса наиболее рациональным путем. В соответствии с ГОСТ Р 51303-2013 сетевая торговля — совокупность двух и более торговых объектов, которые находятся под общим управлением, или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации¹.

Реиндустриализация в достаточной степени влияет на современные предприятия торговли. С применением в практике хозяйственной деятельности современных технологий существенно меняется практическое взаимодействие покупателей и продавцов. Покупатель технически подготовлен: он совершает покупки с компьютера и мобильного устройства, а после приобретения делится мнением о товаре с другими покупателями в Интернете. В связи с этим для сохранения покупателя (потребителя) современным предприятиям торговли необходимо использовать достижения НИОКР. Особенно актуально использование в торгово-технологическом процессе современных технологий, таких как: инфокиоск, который позволяет получить информацию о качественных характеристиках товара; видеоскрены — для привлечения дополнительного внимания к товару; цифровое зеркало — для совершения виртуальных примерок; умные тележки, сканирующие приобретаемый товар и ускоряющие процесс оплаты покупок; умный холодильник, контролирующий срок годности и условия хранения, уведомляющий о наличии просроченного товара или несоответствия условий хранения; технология iBeacon — путеводитель по помещению магазина и др.

¹ ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28 августа 2013 г. № 582-ст) (ред. от 29 марта .2016 г.).

Таким образом, современные технологии позволяют продавцам собирать все больше информации о своих покупателях в традиционных магазинах и онлайн-каналах, включая социальные сети, чтобы обеспечивать более персонализированный подход к ним. Персонафикация — одно из главных трендов мировой розничной торговли. Реиндустриализация торгово-технологических процессов затрагивает не только отношение к покупателям (потребителям), но и в целом меняет подход к построению системы финансового управления предприятием торговли. Современные предприятия торговли в структуре финансового управления должны предусматривать элементы (структурные единицы), которые обеспечивают советующие функции и отвечают требованиям научно обоснованного подхода к процессу продажи, цифровизации учетных данных и прочих необходимых составляющих (см. таблицу).

Структурные единицы управления торговым предприятием

Структурные единицы	Функциональное назначение
Финансы (учетно-аналитическое обеспечение)	Бухгалтерский, налоговый, статистический учет и отчетность
Маркетинг (управление процессом продажи)	Планирование и оптимизация промоакций. Управление лояльностью
Коммерческий отдел (планирование сбыта и закупа)	Товарно-финансовое планирование. Прогнозирование спроса. Планирование ассортимента и др.
Логистика	Управление запасами. Планирование цепочки поставок
HR — технология управления персоналом	Кадровый и временной учет. Расчет ФЗП и ФОТ. Управление карьерным ростом
eCommerce (электронная покупка или продажа онлайн)	Платформа для электронной коммерции. Управление заказами. Портал для работы с оптовым покупателем

Таким образом, реиндустриализация сопряжена с ростом инновационных разработок, что обеспечит эффективность и рост всех отраслей российской экономики. Цели и способы достижения эффективности и роста полностью определяются уровнем развития отрасли, поэтому успех проводимых мероприятий зависит от того, насколько эффективно и правильно будут спланированы и реализованы на практике мероприятия по внедре-

нию инноваций. Торговле определено в данном процессе приоритетное значение. Она является индикатором результатов промышленной и инновационной перестройки.

Библиографический список

1. *Бархатов В. И., Дьяченко О. В.* Инновационно-креативная экономика как альтернативный путь деиндустриализации экономики России // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 65–79.
2. *Бодрунов С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России. СПб.: Ин-т нового индустриального развития, 2013.
3. *Губанов С. С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012.
4. *Журавлёва Г. П.* Экономическая политика современной России: модернизация и реиндустриализация // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3(131). С. 26–32.
5. *Иноземцев В. Л.* Воссоздание индустриального мира. Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 98.
6. *Колганов А. И., Бузгалин А. В.* Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социс. 2014. № 3. С. 120–130.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.
9. *Нечехухина Н. С., Мустафина О. В., Куклина Л. Н.* Конкурентоспособность различных сегментов потребительского рынка региона // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 836–850.
10. *Романова О. А., Бухвалов Н. Ю.* Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 151–155.
11. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 684–696.
12. *Татаркин А. И., Романова О. А.* Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Региональная экономика. 2014. № 2. С. 9–22.
13. *Чистяков М. С.* Антироссийские санкции как инструмент внешнеполитического давления в контексте необходимости проведения реиндустриализации и импортозамещения // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы V Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 11–16.

14. Шуйский В. П. Реиндустриализация России. Возможности импорта технологий // Мировая экономика. 2014. № 3. С. 15–22.

15. Экономическая система России: анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / под ред. А. В. Бузгалина. М.: Ленанд, 2014.

О. Н. Зуева, А. М. Сигоренко

Развитие мезологистической системы грузопотоков в национальной экономике

Статья посвящена основным тенденциям формирования мезологистических систем в территориальном аспекте. Дана характеристика мультимодальных транспортно-логистических центров. Отмечены особенности эстафетной доставки грузов, использования интеллектуальных систем в управлении движением грузопотоков.

Ключевые слова: логистика; грузопотоки; транспорт; мезологистическая система; инфраструктура.

Регионы Российской Федерации отличаются широким разнообразием природно-климатических, производственных, ресурсных и инфраструктурных условий. Исходя из этого актуальной становится научная задача формирования мезологистических систем с учетом территориальных особенностей, что не только обеспечит движение материальных и (или) нематериальных потоков, но и позволит успешно интегрировать их в макрологистическую систему страны.

Указанные факторы предопределяют необходимость использования системного подхода как одного из основополагающих методологических принципов для анализа и стратегического развития мезологистической системы.

Анализируя работы в области формирования мезологистических систем, необходимо отметить, что большинство из них носят прикладной характер. Так, в работе А. В. Титова и др. раскрываются особенности развития регионального кластера на базе Астраханского воднотранспортного узла, авторами сделан вывод о том, что состояние портовой инфраструктуры позволяет говорить о возможности интеграции страны в мировую систему движения материальных потоков [6]. В работе В. Б. Чумакова рассматриваются региональные логистические системы с позиции

организации функционирования автомобильного транспорта [7]. В работе Т. В. Коноваловой отмечаются особенности создания и развития транспортно-логистических комплексов [4]. В работе В. К. Соколова сделан акцент на стоимостных характеристиках процессов формирования мезологистических систем [5].

На существующем этапе развития мезологистической системы ее важнейшим системообразующим элементом являются мультимодальные транспортно-логистические центры. Современная концепция интегрированной логистики отдает транспортно-логистическим центрам роль интегрирующего звена, реализующего функции управления потоковыми процессами.

Транспортно-логистическими центрами выполняются работы по координации взаимодействия разных видов транспорта в организации смешанных и интермодальных перевозок; привлечению дополнительных объемов перевозок транзитных грузов; оптимизации затрат времени и ресурсов движения грузопотоков.

Субъекты рынка транспортно-логистических услуг отмечают острую необходимость создания информационных технологий и систем для обеспечения транспортного движения через территорию субъектов Российской Федерации. Речь идет в первую очередь о технологии перевозки контейнеров автомобильным, железнодорожным, морским и речным транспортом во взаимодействии с транспортно-логистическими центрами. Такая технология предназначена для ускорения процесса прохождения грузов, обеспечения достоверности таможенной и коммерческой информации при эффективном контроле сохранности, доставки и декларирования товаров, повышении конкурентоспособности за счет предварительного уведомления о графике прибытия грузов, оформления перевозочных и других документов путем упреждающей передачи электронных сообщений во взаимодействии с сетью транспортно-логистических центров.

Развитие мезологистической системы ставит задачи формирования адекватной ее потребностям транспортно-логистической инфраструктуры. Ее основополагающими, системообразующими элементами являются транспортные узлы, магистральные и местные пути сообщения, контейнерные и грузоперерабатывающие терминалы, мультимодальные транспортно-логистические центры (МТЛЦ) [3].

Транспортно-логистический центр является субъектом управления технологическими цепочками грузопотоков, проходящих от поставщиков сырьевых ресурсов, товаропроизводителей до конечных потребителей, интегрированных в границах сквозного потока.

Обобщая информацию по содержанию деятельности мультимодальных транспортно-логистических центров, можно отметить две основные характеристики, выделяющие данные объекты из остальных элементов складской инфраструктуры. Во-первых, это полифункциональность работы и, во-вторых, сопряженность МТЛЦ с исторически сформированными транспортными узлами. Многие авторы отмечают синергетический эффект как сопутствующий эффект интеграции материальных, информационных, финансовых и сервисных потоков в одной географической локации.

Функциональный комплекс мультимодального транспортно-логистического центра включает интеграцию транспортных потоков, координацию работы различных видов транспорта, погрузку и выгрузку, хранение грузов, осуществление необходимых таможенных процедур, полный комплекс транспортно-логистического сервиса.

Полное использование потенциала МТЛЦ возможно при их интеграции в систему эстафетной доставки грузов автомобильным транспортом, о высокой эффективности которой говорится в ряде работ О. В. Карсаева, Б. М. Морозова, Р. А. Сабитова и Г. С. Смирновой. Данная система позволяет использовать эффективные инструменты работы, применяемые на железнодорожном транспорте. В основе системы лежит инфраструктура, состоящая из множества станций перецепок съемных контейнеров. Эти станции являются узлами маршрутной сети, по которой выполняется перевозка грузов между пунктами отправления и доставки грузов. Эта технологическая возможность позволяет создавать принципиально новую логистику грузоперевозок, которая обеспечивает возможность достижения указанных выше технико-экономических эффектов как при междугородных, так и при городских перевозках грузов [2]. Основной целевой эффект организации системы перевозок при этом состоит в том, чтобы обеспечить безостановочное, круглосуточное движение

грузов или по крайней мере максимально минимизировать простой грузов в узлах сети.

Глобализация логистической системы изменила основной подход к ее формированию, сделав необходимым использование системного подхода, при котором важным моментом является согласованность формирования и развитие отдельных элементов логистической системы. В общем смысле системный подход рассматривается как упорядоченная и воспроизводимая процедура выработки решений, принимаемая к аналитическим проблемам любого рода и масштаба [1]. Во многом реализация такого подхода возможна за счет применения методик построения матриц, связывающих параметры развития отдельных элементов мезологистической системы.

Использование интеллектуальных систем в управлении движением грузопотоков было обусловлено осознанием того, что дальнейшее строительство инфраструктуры больше не может быть единственным эффективным решением развития логистической системы. Целевое увеличение пропускной способности логистической системы движения грузопотоков стало возможным благодаря комплексному использованию новейших разработок в области транспортных технологий, электроники, телекоммуникаций и систем позиционирования.

Исследователи выделяют два этапа в эволюции использования интеллектуальных систем в логистике движения грузопотоков:

- агломерационные интеллектуальные системы;
- глобальные интеллектуальные системы.

Первая из указанных категорий характерна для организации движения в крупных городских агломерациях. Данные системы содержат центры управления транспортными операциями, их деятельность направлена на замер потока и адаптивное управление трафиком, в частности управление режимом работы светофоров. Вторая категория возникла в ходе эволюции ИТС и объединила все виды транспорта, пассажиро- и грузопотоки, перевозчиков и сервисные организации. Развитие транспортных интеллектуальных систем и движение грузопотоков тесно связаны между собой в области использования информации и принятия технологических решений.

К категориям основных участников, задействованных в разработке, развертывании и эксплуатации ИТС, относятся государственные органы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, организации по содержанию дорог, перевозчики, производители оборудования, поставщики интеллектуальных систем и т. д. В совокупности данные участники формируют комплекс активов, действующий в рамках государственно-частных партнерств. Унификация интеллектуальных транспортных систем требует единого подхода на национальном уровне, поскольку такая система должна оптимизировать движение грузопотоков в рамках единой логистической системы страны.

Представленные технологии играют первостепенную роль при организации интермодальных перевозок и логистических цепей поставок. Использование данных технологий позволяет увеличить грузопоток при движении через отдельные объекты инфраструктуры: мосты, автодороги и др.

В мировой практике ИТС используются для организации движения грузопотоков по транспортным «коридорам» и включают совокупность автодорожной инфраструктуры, расположенной в нескольких региональных или национальных юрисдикциях. Использование данной технологии позволяет увеличить поток грузового транспорта и организовать безостановочное движение через границы, обеспечивая при этом достаточный уровень контроля безопасности, правил дорожного движения, таможенного контроля.

В целом сформированная в настоящее время концепция интегрированной логистики предполагает совместную деятельность сети логистических посредников, осуществляющих эффективное продвижение материальных, информационных, финансовых потоков в сквозной цепи поставок на основе координации всех операций и процедур, связанных с этим процессом, что дает достаточный инструментарий для формирования эффективной мезологистической системы. Концепция интегрированной логистики отвечает требованиям системного подхода, включает объектно-структурное описание элементов, целевую составляющую и эффективный механизм интеграции.

Библиографический список

1. *Евтодиева Т. Е.* Развитие организационных форм логистики: теория и методология: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Самара, 2012.
2. *Имитационное моделирование системы эстафетной доставки* / О. В. Карсаев, Б. М. Морозов, Р. А. Сабитов, Г. С. Смирнова // Вестник НЦБЖД. 2016. № 1(27). С. 45–56.
3. *Клименко В. В.* Целевые ориентиры развития логистической инфраструктуры в разрезе Транспортной стратегии РФ до 2030 года // Логистика. 2012. № 7. С. 48–51.
4. *Коновалова Т. В., Науменко М. А.* Эффективность управления в транспортно-логистических системах. Краснодар: Юг, 2010.
5. *Соколов В. К.* Проблемы управления затратами в транспортно-логистических системах. СПб.: СПбГИЭА, 2011.
6. *Управление логистическими системами: от транспортного узла до транспортно-логистического кластера* / А. В. Титов, Н. Е. Гаврилина, И. А. Волынский, М. С. Курленко. Прага: Sociosféra-CZ, 2016.
7. *Чумаков В. Б.* Методология проектирования организации функционирования автомобильного транспорта в региональных транспортно-логистических системах. Ставрополь: СевКавГТУ, 2006.

Е. В. Чумак

Культура трудовой жизни как результат социального взаимодействия

Трудовая культура рассматривается как составляющая трудового капитала общества. Анализируется культура трудовой жизни как научная и прикладная категория в рамках управления персоналом. Констатируется наличие проблем в формировании современной российской культуры трудовой жизни. Подчеркивается необходимость ориентации мотивационных систем на базовые социокультурные ценности работников.

Ключевые слова: культура; трудовая жизнь; социальные практики; ценности; нормы; мотивация; труд.

В большинстве случаев для человека основным источником формирования и развития культуры является семья. Однако трудовая культура во многих семьях остается за пределами воспитательного процесса. При этом достаточно противоречиво влияет на формирование трудовой культуры и соотношение «время занятости / размер дохода», что могут наблюдать дети до

включения в трудовую жизнь. В силу этого в различных семьях существует собственное понимание трудовой культуры. Одновременно с этим современный трудовой процесс требует довольно стандартизированных ценностно-мотивационных ориентаций субъектов управленческого воздействия. По нашему мнению, данное противоречие заслуживает внимания как в познавательном, так и в сугубо прикладном контексте.

Прежде чем начинать процесс формирования культурных ценностей, необходимо определиться с составляющими понятия «трудовая культура». В социологии термин «культура» употребляется в нескольких смыслах. С точки зрения М. Вебера под культурой следует понимать сферу религиозных, моральных и эстетических ценностей, сферу душевного стремления к выражению и содержания бытия [7]. Среди разнообразия подходов советских социологов к определению понятия «культура» следует остановиться на одном: «...социальная система организованных при помощи норм и ценностей, функционально закрепившихся в общественной практике и сознании общества форм деятельности» [3, с. 133]. В указанном контексте речь идет о материальной культуре, доминирующей в обыденном сознании большинства. При этом сама материальная культура основана на рациональном, репродуктивном типе деятельности. Выражаясь в объектно-предметной форме, она не только удовлетворяет потребности индивида, но и выступает средством его социального позиционирования. В ряде источников к элементам материальной культуры относят [1, с. 34]:

- культуру труда (техника и орудия труда, источники энергии, производственные сооружения, системы коммуникаций и энергетическая инфраструктура);

- культуру повседневности — материальную сторону человеческого быта (одежда, мебель, бытовая техника, коммунальное хозяйство, пища);

- культуру топоса, или места поселения (тип жилища, структура и особенности населенных пунктов).

Соглашаясь с подобной тройственностью, считаем необходимым отметить взаимное влияние указанных элементов на представление субъектов о материальной культуре и средствах ее воспроизводства. Также необходимо отметить, что понятие

«культура труда» носит широкий междисциплинарный характер и состоит из социологической, экономической, социокультурной парадигм.

С точки зрения социологов «культура труда» — система внебиологически созданных механизмов (и соответственно «умение» их актуализировать). Благодаря данному механизму стимулируется, программируется, координируется и реализуется деятельность субъектов труда. Функционирование и развитие культуры труда обеспечивает определенное социальное качество трудового процесса — основное условие реализации сущностных сил человека. Последние реализуются тем активнее, чем глубже и многостороннее отражаются в индивидуальной и коллективной трудовой деятельности технико-технологические нормативы и социальные ценности труда, трудового коллектива, общества [7].

По мнению авторов Российской энциклопедии по охране труда, культура труда — комплексная качественная характеристика состояния труда. Она включает рациональную организацию труда, благоприятные условия труда, использование передовых технологий, высокий профессионализм работника, партнерские отношения между участниками совместного труда. Основными функциями являются: сохранение здоровья; увеличение удовлетворенности трудом; рост профессиональной квалификации и профессиональной и личной самореализации и т. п. [5].

Не углубляясь в дальнейший терминологический обзор, считаем необходимым отметить, что, по нашему мнению, принципиально понимать терминологическое отличие «культуры труда» от «организационной культуры предприятия», «культуры организации». Понимание указанных различий позволит разделить инструменты управленческого воздействия на создание (изменение) культуры труда и культуры организации (организационной культуры). В основе отличия, по нашему мнению, лежит субъектность формирования культуры, а также ее характер. Культура труда непосредственно интериоризуется и воспроизводится в социальных практиках субъектов — участников трудового взаимодействия, что обуславливает ее внутренний (по отношению к субъекту) характер. Организационная культура — система ценностей и норм, разделяемых сотрудниками социальной организации и определяющая их организационное поведение, что обуславливает ее внешний (для субъекта) характер.

По мнению социального психолога К. Левина, поведение индивида (Π) представляет собой функцию взаимодействия его личностных характеристик (X) и условий окружающей среды (Y), т. е. $\Pi = f(X, Y)$. Важнейшей подсистемой внешней для работника среды является организационная культура, в которой он осуществляет свою профессиональную деятельность и которая «подает» ему множество сигналов о возможной (приемлемой) модели поведения [7]. С другой стороны, существуют повседневные трудовые практики, которые могут соответствовать и не соответствовать подаваемым «внешним» сигналам. Исходя из существующих подходов культура организации носит еще более обезличенный (по отношению к организационной культуре) характер. Так, по мнению составителей Экономического словаря¹, «культура организации — свод наиболее важных положений деятельности организации, определяемых ее миссией и стратегией развития...». Компонентами культуры организации называются: принятая система лидерства; стили разрешения конфликтов; действующая система коммуникации; положение индивида в организации; принятая символика (лозунги, организационные табу, ритуалы). При этом указанные определения не связаны с действиями непосредственно на рабочем месте, неформальным лидерством, нормами и ценностями малой группы (бригады, смены). Повседневные практики, в отличие от других, обладают рядом особенностей: наличие социального контекста; уникальность событий повседневной жизни, их повторяемость и рутинность изо дня в день; пространственно-временная и территориальная ограниченность; отсутствие рефлексивности действия [8]. Очевидно, что стойкость (гомеостатичность) практик повседневности будет несоизмеримо выше, в силу чего внешние ценностно-нормативные факторы будут рассматриваться преимущественно как инородные, а соответственно требующие постоянного мотивационного закрепления.

Рассматривая вопрос интеграции организационной культуры и культуры труда, следует обратить внимание на определение, предложенное В. Ядовым. По его мнению, культура тру-

¹ *Словарь по экономике и финансам.* URL: <http://slovari.yandex.ru/glossary/>.

да — система социально обусловленных механизмов и навыков их актуализировать, благодаря которым программируется, стимулируется, координируется и реализуется трудовая деятельность [6, с. 127]. По нашему мнению, культура труда является средой для создания определенной организационной культуры. Соответственно организационная культура должна вытекать из культуры труда, а не наоборот (как часто происходит в современной хозяйственной практике). Более того, культура труда может формироваться до непосредственного участия индивида в деятельности организации, т. е. на этапе профессионального формирования.

Следует обратить внимание на мнение Е. Даниловой и М. Тарарухиной о том, что национальная культура влияет на культуру организации [2]. Объективными предпосылками культуры труда В. Ядов считает не столько технико-технологические и социальные нормативы, сколько субъективные социокультурные потребности работников, относящихся к данной этнонациональной культуре, отличающейся значительным многообразием [6]. Очевидно, что для поликультурного российского общества учитывать последнее обстоятельство также важно. Социокультурное пространство современного российского общества в значительной мере трансформировало основные потребности, удовлетворяемые трудом, в потребности преимущественно материальные (о чем свидетельствуют результаты ряда социологических исследований). Соответственно, роль потребностей, которые продиктованы особенностями этнонациональной культуры, несколько ослабевает, однако не может игнорироваться (особенно применительно к отдельным народам).

С целью построения эффективного механизма формирования и развития культурных ценностей в рамках организации рационально не институционально привносить внешние социокультурные ценности, а разработать механизм внутренней коррекции культуры труда. Для этого целесообразно определить параметры культуры, которые создают влияние на поведение людей в процессе трудового взаимодействия. Исследуя элементы общей и корпоративной культуры, можно определить принципиальную структуру элементов, охватываемых понятием «культура труда»: тип общения (открытость, содержательность коммуни-

каций, форма обращений); принятый язык общения (наличие специфических терминов, устойчивых выражений); структура (иерархия) ценностей, принятая в конкретной трудовой группе; социальная структура иерархии, принятая в данной группе (формальное — неформальное лидерство и пр.); представления о морали и профессиональной этике; неформальные правила и привычки, сложившиеся в группе; традиции.

Говоря о методах влияния, важно отметить вклад в данный вопрос голландского экономиста Ф. Тромпенаарса. Он разделяет организационную культуру компании по рынкам, технологиям и национальным предпочтениям работников и руководителей. Важными аспектами при определении типа корпоративной культуры, по мнению Ф. Тромпенаарса, являются [4]:

- взаимоотношения в целом между рабочим и организацией;

- иерархическая структура власти;

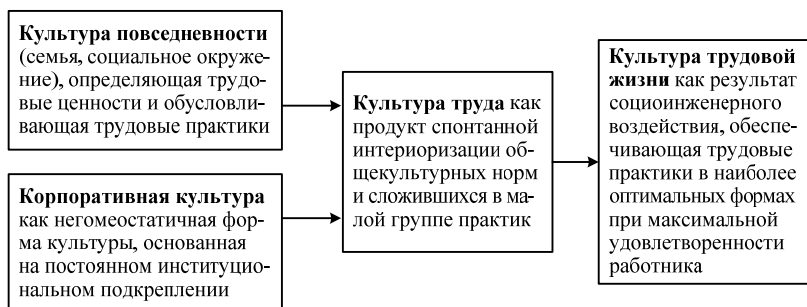
- общие представления каждого сотрудника организации о ее будущем.

Иными словами, речь идет о взаимодействии субъект — организация. При этом для производственных трудовых коллективов важным элементом в формировании корпоративной культуры является взаимодействие малая трудовая группа — организация.

Г. Хофштед предлагает такие элементы управленческого воздействия: дистанция власти; избегание неопределенности; маскулинность/фемининность; индивидуальность/коллективизм; ориентация на долгосрочную/краткосрочную перспективу [2]. Наряду с перечисленными на культуру труда также будут оказывать влияние такие факторы, как: социофакты: политическое устройство; система образования; вера (религия); взаимоотношения в целом между рабочим и организацией; семья (структура семьи, семейные ценности, уровень образования родителей и других членов семьи и пр.) [2].

В таком случае становится возможным подойти к решению актуальной проблемы — созданию механизма формирования (коррекции) элементов культуры труда с целью повышения эффективности трудового взаимодействия. При этом мы рассматриваем в качестве принципиального критерия амбивалент-

ное повышение удовлетворенности работника своим трудом. Общая логика процесса управления культурой труда представлена нами на рисунке.

Предполагаемый результат социального взаимодействия

В логической схеме на рисунке показана необходимость принятия в качестве отправной точки управленческого воздействия культуры повседневности и культуры труда как производной от культуры повседневности. Целью воздействия является формирование осознанной модели трудовой жизни работника. В качестве социального пространства подобных трансформаций выступает организационная культура, которая, будучи недостаточно стойким образованием, трансформируется в более гомеостатичную форму.

В современном российском обществе существует ряд недостатков в системе трудовых культурных ценностей, в частности отношение к исполнительскому труду. Указанное проявляется в высокой (часто чрезмерной) конкуренции за управленческие должности. Мы считаем нецелесообразным корректировать ценностное отношение к исполнительскому труду без восстановления оптимальных (справедливых) размеров его оплаты. Без такой коррекции речь может идти только о попытке повлиять на терминальные ценности индивидов без их замещения другими ценностями. С другой стороны, такая деятельность объективно необходима, особенно в среде потенциальных носителей трудового потенциала (молодежи в процессе трудового становления и формирования). На этом основании мы делаем заключение о необходимости создания условий для трансформации культуры

труда. Таким условием может являться обеспечение справедливого распределения добавленной стоимости между различными иерархическими группами участников трудового процесса (исполнителями, специалистами, руководителями).

Рассматривая принципы построения системы трансформации социокультурного пространства организации, настаиваем на том, что любые изменения должны иметь достаточно растянутый временной промежуток, что, с одной стороны, несколько снижает эффективность, но с другой — обеспечивает не только принятие, но и закрепление отдельных социокультурных практик (по сути обеспечивает интериоризацию определенных культурных норм, создающих основу для формирования культуры трудовой жизни).

Реализация данной модели усложняется постоянными экономическими изменениями (потрясениями) в деятельности отечественных предприятий. Следует отметить и еще один факт: современная система управления персоналом ориентирована на сравнительно быстрый результат. В силу этого даже вопросы, связанные с организационной культурой, уходят на второй план, подменяясь КРІ как единственным показателем эффективности трудовой деятельности. Однако подобная логика, по нашему убеждению, не формирует долговременных команд на нижнем (производственном) уровне и не обеспечивает стратегической лояльности персонала. Последнее, не будучи критичным для предприятий, расположенных в моногородах, не может игнорироваться предприятиями, расположенными в мегаполисах.

Библиографический список

1. *Афанасьева И. М., Иванов А. В., Петрова Е. Н.* Устойчивое развитие человечества. Ч. 1. Н. Новгород: ННГАСУ, 2011.
2. *Данилова Е., Тарарухина М.* Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3. С. 53–64.
3. *Краткий словарь по социологии* / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989.
4. *Приятельчук О. А.* Формування та розвиток системи кроскультурного менеджменту (на прикладі міжнародних корпорацій): автореф. дис. ... канд. екон. наук. Киев, 2006.

5. *Российская энциклопедия по охране труда*: в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007.

6. *Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь* / отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006.

7. *Социология: энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003.

8. *Штолпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 3–13.

М. В. Чудиновских

Организация занятости через интернет-платформы: возможности и угрозы для нового индустриального общества

Рассматриваются особенности организации занятости через интернет-платформы. Автором выделяются основные модели занятости, определяются преимущества и недостатки работы через платформы. На основании изучения отечественного и зарубежного опыта сделан вывод о том, что занятость через интернет-платформы представляет собой форму прекаризации. В целях защиты прав работников представляется необходимым совершенствование правового регулирования организации занятости через интернет-платформы.

Ключевые слова: интернет-платформа; занятость; дистанционный труд; прекаризация; правовое регулирование.

В условиях развития информационного общества наряду с традиционными отношениями «работник — работодатель» появляются новые нестандартные формы занятости, в том числе организация работы через интернет-платформы. Наибольшее распространение такие платформы получили в сфере транспорта (сервисы заказа такси «Яндекс», «Uber»), оказания услуг (например, сайт Profi.ru). Модель развития таких отношений стала возможна благодаря развитию информационных технологий и представляет собой феномен четвертой промышленной революции [4]. Можно предположить, что в условиях цифровой экономики такая форма организации деятельности будет получать все большее распространение. Изменение форм занятости может оказать существенное влияние на процессы новой индустриализации.

Создание интернет-платформ приводит к формированию новых механизмов организации и контроля труда. Интернет-платформы позволяют проводить отбор исполнителей, давать оценку их труда, собирать отзывы, проводить обучение. Зарубежные исследователи выдвигают точку зрения, что такая платформа берет на себя функции руководителя [4]. К основным преимуществам организации занятости через платформы можно отнести [5]:

- гибкость и мобильность;
- возможность привлекать специалистов из разных городов не только одной страны, но и мира;
- снижение затрат на организацию рабочих мест.

Определенные преимущества интернет-платформы дают и исполнителям. Прежде всего это возможность получения быстрого заработка. Если при традиционных формах трудоустройства заработная плата, как правило, выплачивается два раза в месяц, то при работе через платформу вознаграждение может быть выплачено после исполнения заказа. Интернет-платформы могут обеспечить работой жителей малых городов, удаленных территорий.

Организация работы через интернет-платформы предусматривает правоотношения между несколькими участниками (рис. 1).

Рис. 1. Трехсторонние отношения с участием интернет-платформ

В рамках таких правоотношений интернет-платформа предоставляет исполнителю информацию о заказе и принимает определенную комиссию. Потенциальные исполнители откликаются на появляющийся заказ. Исполнение заказа может происходить как при непосредственном контакте между исполнителем и заказчиком (например, услуги такси, репетиторов), так и без него.

Вторая модель предусматривает правоотношения как минимум четырех видов участников (рис. 2).

Рис. 2. Четырехсторонние отношения с участием интернет-платформ

В рамках второй модели четвертым участником является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, который заключает трудовой договор с непосредственными исполнителями. В частности, четырехсторонняя модель необходима, если деятельность подлежит обязательному лицензированию. Например, в сфере перевозок участвует не только сама платформа, заказчик и водитель, но и таксопарк. С юридической точки зрения подобная модель позволяет достичь оптимального баланса между гибкостью занятости и трудовыми гарантиями. Кроме того, в этом случае работодатель обязан соблюдать нормы по охране труда, безопасности оказываемых услуг. Однако с экономической точки зрения такая модель менее эффективна, чем трехсторонняя. Увеличение количества звеньев в цепи лиц, оказывающих услуги, приводит к росту стоимости и снижению конкурентоспособности.

Оказание услуг через интернет-платформы с дистанционной работой сближает то, что процесс осуществления деятельности основан на использовании информационно-компьютерных технологий. Однако договор о дистанционной работе является двусторонним, сторонами выступают работник и работодатель [3]. Организация деятельности через интернет-платформы представляет собой многосторонние правоотношения. Кроме того, при дистанционных правоотношениях стороны, как правило, взаимодействуют через Интернет. Интернет-платформы, напротив, не исключают непосредственного контакта заказчика и исполнителя.

Организация работы через интернет-платформы имеет целый ряд организационных и правовых проблем. Важнейшим является вопрос о том, какой статус имеет человек, который предоставляет услуги через интернет-платформу. Превалирующей является точка зрения, что между исполнителем и организатором интернет-платформы не возникает трудовых отношений.

В одном из судебных споров водитель для обоснования требований о признании отношений трудовыми предоставил распечатки из личного кабинета выполненных заказов «ГетТаксиРус» и UBER. Однако в судебном решении указано на то, что деятельность по «исполнению поступивших заказов от мобильных приложений не свидетельствует о выполнении истцом работы по трудовому договору в спорный период», в том числе в части «соблюдении Правил внутреннего трудового распорядка, трудовой дисциплины, режима рабочего времени» (Апелляционное определение Московского городского суда от 12 апреля 2018 г. № 33-15213/2018). В удовлетворении требований водителя такси о признании отношений трудовыми было отказано. Оправданным представляется вывод О. В. Чесалиной о том, что работа через интернет-платформы представляет вызов трудовым правоотношениям [2, с. 14]. Работа через интернет-платформы может приводить к прекаризации, т. е. к подмене устойчивых трудовых отношений неустойчивыми, ведущими к потере социально-трудовых прав [1].

Единой позиции не выработано и в зарубежных странах. Так, есть судебные решения о признании лиц, работающих через интернет-платформы, самозанятыми. Однако развитие практики использования платформ постепенно приводит к формиро-

ванию противоположной точки зрения и пересмотру позиции судебных органов. Показательным является пример компании UBER и других порталов-агрегаторов. Решение Appeal No. UKЕАТ/0056/17/DA, которое вынесла апелляция британского трибунала по трудовым спорам, может изменить подход к бизнесу не только Uber, но и других сервисов, агрегирующих объявления частных лиц об оказании услуг. Истцами выступили водители Uber в Лондоне, которые вместе с другими подали иски в трибунал по вопросам занятости. Они требовали, чтобы их признали работниками с целью распространению на них закона 1996 г. «О трудовых правах» (Employment Rights Act, 1996), «Правил рабочего времени» (Working Time Regulations, 1998) и Закона о минимальной заработной плате (National Minimum Wage Act). Суд пришел к выводу, что любой водитель, который имел включенное приложение Uber, находился на территории, на которой разрешено работать и был в состоянии и готов принять задания, работал на Uber London Ltd в рамках трудового договора (Решение Парижского апелляционного суда (Cour d'appel de Paris) от 13 декабря 2017 г. в отношении водителей фирмы La Cab). Компания Uber планирует обжаловать это решение, поэтому вопрос пока нельзя считать решенным. Тем не менее этот пример является показательным не только для Великобритании, но и для России.

В Государственную Думу внесено несколько законопроектов по регулированию деятельности агрегаторов. Так, в рамках законопроекта № 219116-7 указывается, что «агрегаторы заключают с перевозчиками договор информационно-диспетчерских услуг». В законопроекте № 213801-7 агрегатор такси — «информационный посредник между перевозчиком и заказчиком». Однако оба законопроекта вопросов трудового права не касаются. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в условиях глобализации необходимо тщательно изучать зарубежный опыт, а вопрос правового регулирования организации занятости через интернет-платформы требует более глубокой проработки.

В целях определения правового статуса лиц, осуществляющих деятельность через интернет-порталы, наиболее жизнеспособными представляются следующие варианты.

Вариант № 1. Четырехсторонняя модель, при которой трудовой договор заключается между работником и организаци-

ей — партнером интернет-платформы. В этом случае исполнитель получает статус наемного работника, право на отпуск, пособие по нетрудоспособности.

Вариант № 2. Трехсторонняя модель, в рамках которой исполнитель имеет статус либо самозанятого, либо индивидуального предпринимателя. В этом случае отсутствуют трудовые отношения, однако исполнитель получает определенные конкурентные преимущества за счет сокращения количества звеньев в цепи между ним и заказчиком.

Библиографический список

1. *Стендинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

2. *Чесалина О. В.* Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 14–17.

3. *Чудиновских М. В.* Правовые проблемы регулирования дистанционного труда // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 мая 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2019. С. 60–63.

4. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2017.

5. *Шуралева С. В.* Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 17–20.

Т. С. Орлова

К вопросу о роли дошкольного образования при формировании личности

Рассматриваются актуальные вопросы о роли дошкольного образования при формировании социально активного члена общества. Автором предложены современные подходы к стратегическому управлению дошкольным образовательным учреждением.

Ключевые слова: дошкольная образовательная организация; стратегия; современные технологии.

Актуальность исследуемой темы определена, с одной стороны, ролью системы образования как одной из приоритетных

в развитии отдельных личностей, социальных групп, общества и государства в целом, в том числе и в экономическом плане. С другой стороны, сама образовательная сфера должна соответствовать актуальным тенденциям развития общества и использовать в своем функционировании современный инструментарий, включая его в процесс организации эффективной профессиональной и экономической деятельности. Так, в условиях быстро растущего рынка образовательных услуг участники этого рынка вынуждены в своей деятельности ориентироваться на современные преобразования в обществе, связанные с активным развитием и внедрением современных информационных технологий.

Одним из важнейших показателей демографической ситуации в стране, и более того, фактором, влияющим на нее, является система дошкольного образования, поскольку для увеличения рождаемости гражданам необходимы гарантии устройства ребенка в детское учреждение. Повышенная значимость дошкольной образовательной системы требует от государства непосредственного участия и контроля над ее деятельностью.

В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики в России наблюдается сокращение числа детских образовательных учреждений (см. таблицу).

Стоит отметить, что общее сокращение количества образовательных организаций носит достаточно устойчивый характер, особенно в сельской местности (сокращение числа образовательных организаций в 2018 г. по сравнению с 2014 г. составило 8 %). Также отрицательная тенденция сохраняется в городах, но она менее выражена (сокращение в 2018 г. по сравнению с 2014 г. составило 4 %).

При этом число воспитанников в детских учреждениях растет ежегодно в среднем на 4,21 % (см. рисунок).

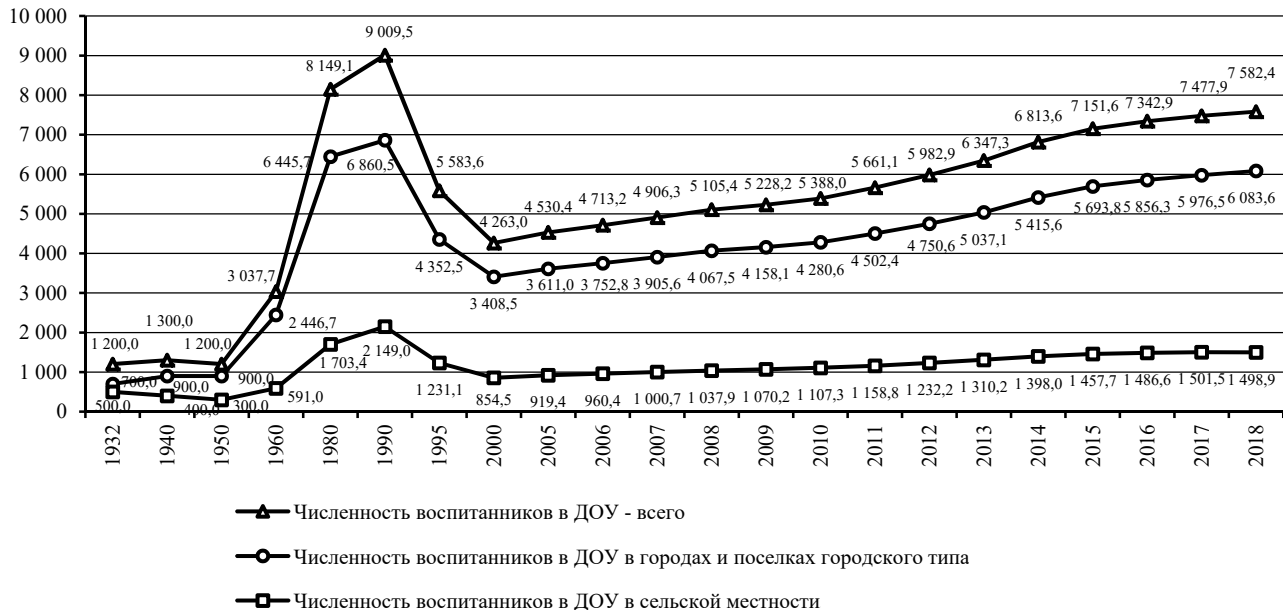
Подобная динамика характерна как для городской, так и для сельской местности. В целом можно констатировать, что имеет место необходимость создания и открытия новых детских учреждений.

Учитывая государственную политику в области демографии, направленную на увеличение рождаемости населения, требуется в первую очередь решить проблему с обеспеченностью детей местами в детских садах.

Основные тенденции развития системы дошкольного образования в России в 2014–2018 гг.

Показатель	2014, тыс. ед.	2015, тыс. ед.	Темп, роста 2015/2014, %	2016, тыс. ед.	Темп, роста 2016/2015, %	2017, тыс. ед.	Темп роста 2017/2016, %	2018, тыс. ед.	Темп роста 2018/2017, %	Темп роста 2018/2014, %
Число организаций — всего	51,0	50,1	98,24	49,4	98,60	48,6	98,38	47,8	98,35	93,73
В том числе: в городах и поселках городского типа	27,1	26,6	98,15	26,3	98,87	26,2	99,62	26,0	99,23	95,94
в сельской местности	23,8	23,5	98,74	23,1	98,30	22,5	97,40	21,9	97,33	92,02

Примечание. По данным Федеральной службы статистики России. 2019. URL: <http://www.gks.ru>.

Динамика численности воспитанников ДОО РФ в период с 1932 по 2018 г., тыс. чел.¹

¹ По данным Федеральной службы статистики России. 2019. URL: <http://www.gks.ru>.

Как известно, на рынке дошкольных образовательных услуг, кроме государственных учреждений, активно функционируют частные организации, составляя серьезную конкуренцию на фоне дефицита мест в детских учреждениях. Более того, нарастающая численность детских образовательных учреждений, нельзя забывать и о качестве услуг, которые ими предоставляются.

Несмотря на то что государственный сегмент дошкольного образования в России доминирует над частным, недовольство подходом к воспитанию детей в государственных учреждениях вынуждает родителей искать альтернативные детские образовательные организации, такие как частный детский сад, которые наряду с услугами по присмотру и уходу оказывают дополнительные услуги по всестороннему развитию детей. Иными словами, социально-экономическое и политическое развитие общества привело к необходимости изменения всей системы образования в целом, в том числе и системы дошкольного образования.

Для повышения эффективности и конкурентоспособности на рынке основной целью дошкольной образовательной организации должно стать применение в ее деятельности инновационных элементов стратегического планирования и управления.

На наш взгляд, необходимо предварительно ознакомиться с определенными характеристиками, присущими деятельности наиболее успешных организаций в области дошкольного образования в РФ, а именно:

- организационно-структурные связи или сотрудничество со школой для комфортного прохождения по образовательным ступеням детей и их родителей, а также приверженности установленному сонаправленному курсу обучения;

- упор на изучение иностранных языков, в частности английского, а также преподавание иных дисциплин на английском языке;

- погружение детей в языковую среду посредством привлечения к преподаванию, игровой и иной деятельности носителей языка;

- сосредоточение не на одном централизованно расположенном объекте, но открытие несколько садов-филиалов для повышения территориальной доступности услуг;

- расположение организации на экологически чистой территории;

- подбор и наем успешной команды специалистов;
- формирование малых групп детей для повышения комфортности в группах, обучаемости детей и контроля над ними.

Применительно к детской образовательной организации стратегическое управление и планирование представляет собой деятельность по реализации перспективных целей образования, направленных на воспитание социального гражданина общества.

Согласно миссии детского сада, его целям и задачам можно сформулировать базовые стратегии в следующих проекциях:

- 1) в проекции финансов — увеличение прибыли за счет:
 - увеличения платы за присмотр и уход за детьми, оказания дополнительных образовательных услуг (по физическому развитию, по интеллектуальному развитию, по художественному развитию детей, оздоровительные услуги);
 - оптимизации затрат организации, в том числе на присмотр и уход за детьми, а также на оказание дополнительных услуг;
- 2) в проекции клиентов – увеличение числа клиентов за счет:
 - поддержания лояльности существующих клиентов посредством управления качеством и ассортиментом услуг;
 - привлечения новых клиентов, в том числе ценовой политикой;
- 3) в проекции внутренних бизнес-процессов — улучшение системы планирования и организации предоставления услуг путем:
 - улучшения качества оказываемых услуг;
 - оптимизации ассортимента оказываемых услуг;
 - внедрения инновационных методик преподавания;
 - внедрения инновационных технологий в образовательный процесс;
- 4) в проекции обучения и карьерного роста:
 - повышение квалификации персонала;
 - улучшение материально-технической базы детского сада;
 - внедрение информационных технологий (программных пакетов).

Факторами успеха для стандартной дошкольной образовательной организации являются:

- стабильный спрос на услуги и лояльность потребителей;

– территориальное расположение в экологически чистом районе, вдали от трассы и отсутствие поблизости учреждений-конкурентов;

– проведение обоснованных рекламных мероприятий;

– новая, современная и отвечающая образовательным стандартам материально-техническая база;

– квалифицированный и компетентный персонал с опытом работы по профессии;

– наличие в штате узкоспециализированных кадров (педагог дополнительного образования, психолог, музыкальный руководитель, инструктор по физической культуре, социальный педагог);

– разнообразие оказываемых услуг, покрывающее дифференцированные потребности детей.

Причем если территориальное расположение является предварительно заданным параметром, на который уже существующая детская образовательная организация не может повлиять без значительных финансовых и трудовых затрат (к примеру, на открытие филиалов в иных точках), то все другие указанные факторы доступны для системного регулирования.

Следует отметить, что соответствие стратегических целей одних проекций инициативам других отражает взаимосвязь и взаимозависимость этих проекций. В частности, проекции финансов с проекциями клиентов и внутренних бизнес-процессов; проекции клиентов — с проекциями финансов и обучения и карьерного роста; проекции бизнес-процессов — с проекциями финансов и обучения и карьерного роста; проекции обучения и карьерного роста — с проекциями клиентов и бизнес-процессов.

Указанные подходы могут быть использованы при планировании любой новой дошкольной образовательной организацией, как государственной, так и частной, и требуют только подстановки текущих и желаемых показателей деятельности.

Реализация подобных мероприятий с большой вероятностью выступит важным элементом достижения конкурентного превосходства на рынке дошкольных образовательных услуг города, гарантируя при этом воспитание достойного гражданина современного общества.

Сведения об авторах

Белостоцкий Алексей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета (г. Курск)

Буторина Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры экономики и финансов Пермского государственного национального исследовательского политехнического университета (г. Пермь)

Бучинская Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Власова Наталья Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и корпоративной экономики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Зуева Ольга Николаевна — доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой товароведения и экспертизы Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ильяшенко Владимир Владимирович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и корпоративной экономики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Капустина Лариса Михайловна — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Карнович Юлия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры экономики и финансов Пермского государственного национального исследовательского политехнического университета (г. Пермь)

Курдюмов Александр Васильевич — кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Мансуров Гафур Закирович — доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Миролюбова Татьяна Васильевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь)

Мирошниченко Ольга Сергеевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Тюменского государственного университета (г. Тюмень)

Мустафина Ольга Валерьевна — старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Нечеухина Надежда Семеновна — доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Новикова Наталья Валерьевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Одинокова Татьяна Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орлова Татьяна Степановна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пищулов Виктор Михайлович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кре-

дита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Сабитова Надия Михайловна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского федерального университета (г. Казань)

Сидоренко Александр Михайлович — старший преподаватель кафедры транспорта и дорожного строительства Уральского государственного лесотехнического университета (г. Екатеринбург)

Стариков Евгений Николаевич — кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой шахматного искусства и компьютерной математики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ткаченко Ирина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и корпоративной экономики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Тонких Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Чудиновских Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Чумак Елена Васильевна — кандидат наук по государственному управлению, доцент, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Шейна Екатерина Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Шишкина Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ядранский Дмитрий Николаевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Содержание

Вступительное слово (Иваницкий В. П.).....	3
Ильяшенко В. В. Экономические условия развития новой индустриализации в российской экономике	6
Калабина Е. Г. Возможные сценарии трансформации отношений «работник — работодатель» при переходе к цифровой экономике	12
Ядранский Д. Н. Время как фактор формирования человеческого капитала.....	19
Сабитова Н. М. Экономическое неравенство регионов и возможности новой индустриализации	25
Власова Н. Ю. Перспективы реиндустриализации в стратегиях социально-экономического развития крупнейших городов Урала	32
Шена Е. Г. Финансово-инвестиционный механизм трансфертного ценообразования корпораций в условиях реиндустриализации России.....	39
Пищулов В. М. Развитие интеграционных процессов Российской Федерации с экономическими партнерами в форме создания валютного союза на основе введения системы переводного рубля	45
Новикова Н. В. Новая индустриализация Уральского макрорегиона в условиях цифровизации экономики.....	49
Курдюмов А. В. Инструменты цифровой трансформации в обеспечении продовольственной безопасности	54
Миролюбова Т. В., Буторина О. В., Карпович Ю. В. Методологические особенности управления межфазовыми переходами в рамках современного макроэкономического цикла	60
Одинокова Т. Д. Страхование жизни как инструмент защиты человеческого капитала от рисков	64
Тонких Н. В. О перспективах реализации «серебряного» человеческого капитала в дистанционных форматах неиндустриальной занятости	72
Мирошниченко О. С. Моделирование стабильного развития банковского сектора с учетом волатильности объясняющих переменных: подходы зарубежных авторов	77
Дятел Е. П., Бучинская О. Н. Субструктуры общественного производства и жизнедеятельности людей: экономическая роль и способы классификации	83
Белостоцкий А. А. Бюджетное финансирование национальных проектов и их влияние на научно-технологическое развитие России.....	88
Капустина Л. М. Транспортно-логистическое обеспечение экспорта газа в контексте реиндустриализации России	95
Мансуров Г. З. Концепция «Умный город»: проблемы нормативного регулирования.....	103
Стариков Е. Н. О некоторых аспектах институциональной модернизации промышленности Российской Федерации.....	109

Ткаченко И. Н. Трансформация архитектуры бизнеса и управленческих механизмов для целей инновационно-технологического развития	115
Шишкина Е. А. Концептуальные основы исследования пространственных инфраструктурных систем региона	122
Нечеухина Н. С., Мустафина О. В. Роль торговли в реиндустриализации экономики России.....	127
Зуева О. Н., Сидоренко А. М. Развитие мезологистической системы грузопотоков в национальной экономике	134
Чумак Е. В. Культура трудовой жизни как результат социального взаимодействия.....	139
Чудиновских М. В. Организация занятости через интернет-платформы: возможности и угрозы для нового индустриального общества	147
Орлова Т. С. К вопросу о роли дошкольного образования при формировании личности.....	152
Сведения об авторах	159

Научное издание

**НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ:
ЭКОНОМИКА — НАУКА — ЧЕЛОВЕК—
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ**

Сборник научных трудов
VII Уральских научных чтений профессоров и докторантов

Корректор
Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка
И. В. Засухиной

Поз. 22. Подписано в печать 26.06.2020.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. 9,6. Печ. л. 10,3. Тираж 15 экз. Заказ 216.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ